

ISSN 2686-9764

Том 14, № 2
2020

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ НАУКА

научно-практический журнал

Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

scientific and practical journal

of the Vologda Institute of Law and Economics
of the Federal Penal Service

Volume 14, № 2
2020

PENITENTIARY SCIENCE

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ НАУКА

ISSN 2686-9764
Том 14, № 2
2020

научно-практический журнал
Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

Издается с 2007 года,
до августа 2019 года
выпускался под названием
«Вестник института:
преступление, наказание,
исправление»

Выходит четыре раза в год

Учредитель:
ВИПЭ ФСИН России

Журнал
зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологи-
гий и массовых коммуника-
ций. Свидетельство
о регистрации средства
массовой информации
ПИ № ФС77-76598
от 15.08.2019
ISSN 2686-9764

Журнал размещается
в следующих реферативных
и полнотекстовых базах
данных: Российский индекс
научного цитирования
(РИНЦ), научная
электронная библиотека
«КиберЛенинка»

Все права защищены.
Перепечатка материалов
только с разрешения редак-
ции журнала. Авторские
материалы рецензируются
и не возвращаются.
Редакция сохраняет
за собой право
производить сокращения
и редакционные изменения
рукописи

Высказанные в статьях
мнения и суждения могут
не совпадать с точкой зре-
ния редакции. Ответствен-
ность за подбор и изложение
материалов несут авторы
публикаций

Адрес редакции:
160002, г. Вологда,
ул. Щетинина, 2

Адрес издателя:
160002, г. Вологда,
ул. Щетинина, 2

Адрес типографии:
160010, г. Вологда,
ул. Кубинская, д. 16, кв. 74

Телефоны:
(8172) 51-82-50, 51-46-12
51-98-70

E-mail:
vestnik-vipefsin@mail.ru

Подписной индекс 41253
по Объединенному каталогу
«Пресса России»
Свободная цена

© ВИПЭ ФСИН России

Дата выхода в свет:
21.07.2020

Формат 60x90/8.
Печать офсетная.
Усл. печ. л. 17.
Заказ № 7556.
Тираж 1000 экз.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Харьковский Е. Л. – начальник ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Караваева Ю. И. – ученый секретарь ученого совета ВИПЭ ФСИН России, кандидат социологических наук.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Антонян Ю. М. – профессор кафедры уголовного права и процесса Российского государственного гуманитарного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Беляева Л. И. – профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Зауорова Э. В. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, профессор;

Кругликов Л. Л. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Международной академии наук высшей школы и Российской академии естественных наук;

Мешко Г. – профессор факультета уголовного правосудия и безопасности Университета Марибор (Словения), доктор, профессор криминологии;

Поздняков В. М. – профессор кафедры научных основ экстремальной психологии Московского государственного психолого-педагогического университета, доктор психологических наук, профессор;

Селиверстов В. И. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Стоянов В. – проректор по учебной работе Варненского свободного университета им. Черноризца Храбра (Болгария), доктор психологических наук, профессор;

Чукмаитов Д. С. – профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Жетысуского государственного университета им. И. Жансугурова (Республика Казахстан), доктор юридических наук, профессор;

Шабанов В. Б. – заведующий кафедрой криминологии Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Букалерева Л. А. – заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминологии Российского университета дружбы народов, профессор кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Гаврилов В. Я. – профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, действительный член Петровской академии наук и искусств;

Голодов П. В. – профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Зубкова В. И. – главный научный сотрудник лаборатории социально-правовых исследований и сравнительного правоведения Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор;

Ищенко Е. П. – заведующий кафедрой криминологии Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Ковтуненко Л. В. – доцент кафедры уголовно-исполнительного и уголовного права Воронежского института ФСИН России, доктор педагогических наук, доцент;

Козаев Н. Ш. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России, доктор юридических наук, доцент;

Козаченко И. Я. – заведующий кафедрой уголовного права Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Кузьминых А. Л. – профессор кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, доктор исторических наук, доцент;

Малышев К. Б. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор психологических наук, доцент;

Нагорных Р. В. – профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Панова О. Б. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, доцент;

Пантелеева Н. В. – заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса Могилевского государственного университета им. А. А. Кулешова (Республика Беларусь), кандидат юридических наук, доцент;

Поникаров В. А. – профессор кафедры административного и финансового права Академии ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Ромашов Р. А. – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Сантасов А. Л. – профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Сочивко Д. В. – профессор кафедры общей психологии Академии ФСИН России, доктор психологических наук, профессор;

Старостин С. А. – профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Хатуева В. В. – заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Центрального филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, доцент;

Цветков В. Л. – начальник кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В. Я. Кикотя, доктор психологических наук, профессор;

Шаталов А. С. – профессор департамента дисциплин публичного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор юридических наук, профессор.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук по научным специальностям: 12.00.01; 12.00.08; 12.00.09; 12.00.11; 12.00.12; 12.00.14; 13.00.01; 19.00.06

PENITENTIARY SCIENCE

ISSN 2686-9764
Volume 14, № 2
2020

scientific and practical journal
of the Vologda Institute of Law and Economics
of the Federal Penal Service

Published since 2007,
until August 2019
issued under the title
«Bulletin of the Institute:
crime, punishment,
correction»

It comes out four
times a year

Founder:
VILE FPS of Russia
Journal is registered
in the Federal Service
for Supervision
of Communications,
Information Technology
and Mass Media

Certificate of registration
of mass media
PI No. FS77-76598
from 15.08.2019
ISSN 2686-9764

The journal is in the
following abstract and full-
text databases: Russian
Science Citation Index
(RSCI), Scientific Electronic
Library «CyberLeninka»

All rights reserved.

Reprint of materials only
with the permission of the
publisher. Copyrighted
materials are reviewed
and do not returned.

The editor reserves the right
to make reductions
and editorial changes
to the manuscript

Opinions and judgments
expressed in articles may
not coincide with the
point of view of the editor.
Responsibility for the
selection and presentation
of materials is on the
authors of publications

Editor address:
160002, Vologda,
ul. Shchetinina, 2

Publisher address:
160002, Vologda,
ul. Shchetinina, 2

Printing address:
160010, Vologda,
ul. Cubinskaya,
d. 16, apt. 74

Phones:
(8172) 51-82-50, 51-46-12
51-98-70

E-mail:
vestnik-vipefsin@mail.ru

Subscription index 41253
in the unified catalog
«Press of Russia»
Open price

© VILE FPS of Russia

Release date:

21.07.2020

Format 60x90/8

Offset printing.

Conv. oven p. 17.

Order No. 7556.

Circulation 1000 copies

EDITOR-IN-CHIEF:

Kharkovsky E. L. – Head of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Ph.D. in Law, Associate Professor.

EXECUTIVE SECRETARY:

Karavaeva Yu. I. – Scientific Secretary of the Scientific Council of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Sociology.

EDITORIAL COUNCIL:

Antonyan Yu. M. – Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the Russian State University for the Humanities, Dsc. in Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation;

Belyaeva L. I. – Professor of the Department of Criminal Policy of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Dsc. in Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation;

Zautorova E. V. – Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Pedagogics, Professor;

Kruglikov L. L. – Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Yaroslavl State after P. G. Demidov University, Dsc. in Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Full Member of the International Higher Education Academy Of Sciences (IHEAS) and the Russian Academy of Natural Sciences;

Mesko G. – Professor of the Department of Criminal Justice and Security of the University of Maribor (Slovenia), Doctor, Professor of Criminology;

Pozdnyakov V. M. – Professor of the Department of Scientific Foundations of Extreme Psychology of the Moscow State Psychological and Pedagogical University, Dsc. in Psychology, Professor;

Seliverstov V. I. – Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Moscow State M. V. Lomonosov University, Dsc. in Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation;

Stoyanov V. – Deputy Rector for Academic Affairs of the Varna Free University «Chernorizets Hrabar» (Bulgaria), Dsc. in of Psychology;

Chukmaitov D. S. – Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of Zhetysay State I. Zhansugurov University (Republic of Kazakhstan), Doctor of Law, Professor;

Shabanov V. B. – Head of the Department of Criminology of the Law Faculty of the Belarusian State University, Dsc. in Law, Professor.

EDITORIAL TEAM:

Bukalerova L. A. – Head of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology of the Peoples' Friendship University of Russia, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia (part-time work), Dsc. in Law, Professor;

Gavrilov B. Ya. – Head of the Department of Control of Crime Investigation Agencies of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Investigation of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Honored Lawyer of the Russian Federation, Full Member of the Peter Academy of Sciences and Arts;

Golodov P. V. – Professor of the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor;

Zubkova V. I. – Senior Researcher of the Laboratory for Social Studies and Comparative Law of the Moscow M. V. Lomonosov State University, Dsc. in Law, Professor;

Ishchenko E. P. – Head of the Department of Criminology of the Moscow State O.E. Kutafin Law University (Moscow State Law Academy), Dsc. in Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation;

Kozayev N. Sh. – Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Dsc. in of Law, Associate Professor;

Kovtunen L. V. – Associate Professor of the Department of Penal and Criminal Law of the Voronezh Institute of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Pedagogics, Associate Professor;

Kozachenko I. Y. – Head of the Department of Criminal Law of the Ural State Law University, Dsc. in Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation;

Kuzminykh A. L. – Professor of the Department of Philosophy and History of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in History, Associate Professor;

Malyshev K. B. – Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Psychology, Associate Professor;

Nagornyykh R. V. – Professor of the Department of Administrative Law of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Associate Professor;

Panova O. B. – Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Pedagogics, Associate Professor;

Panteleeva N. V. – Head of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure of the Mogilev State A. A. Kuleshov University (Republic of Belarus), PhD in Law, Associate Professor;

Ponikarov V. A. – Professor of the Department of Administrative and Financial Law, of the Academy of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Associate Professor;

Romashov R. A. – Professor of the Department of State Law Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation;

Santashov A. L. – Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Associate Professor;

Sochivko D. V. – Professor of the Department of General Psychology of the Academy of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Psychology, Professor;

Starostin S. A. – Professor of the Department of Administrative Law and Procedure of the Moscow State Law O. E. Kutafin University (Moscow State Law Academy), Professor of the Department of Administrative Law of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Professor;

Hatuaeva V. V. – Head of the Department of Criminal Procedure of the Central Branch of the Russian State University of Justice, Dsc. in Law, Associate Professor;

Tsvetkov V. L. – Head of the Department of Legal Psychology of Educational and Scientific Complex of Employment Psychology Activity of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Ya. Kikot, Dsc. in Psychology, Professor;

Shatalov A. S. – Professor of the Department of Public Law Disciplines of the National Research University "Higher School of Economics", Dsc. in Law, Professor.

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	155	ПАЛЬЧИКОВА Н. В. Деятельность государственного обвинителя по доказыванию обвинения в суде	233
ОБОТУРОВА Н. С. Проблема прав человека в контексте идей гуманизма и трансгуманизма	155	КОРЕПИНА А. В. Правовые основы внедрения системы комплексной оценки профессиональной служебной деятельности сотрудников в органах и учреждениях уголовно- исполнительной системы	238
ИЗЮМСКАЯ И. Л. Особенности кадрового обеспечения исправительно-трудовых учреждений на Кубани в годы Великой Отечественной войны	161	ВОЛКОВ Д. Ю. Получение явки с повинной сотрудниками территориальных оперативных подразделений ФСИН России по преступлениям, совершенным осужденными до прибытия в исправительные учреждения	244
АНТОНЯН Ю. М. Причины насилия в семье	167	НАГОРНЫХ Р. В. Административная деятельность органов и учреждений уголовно-исполнительной системы: понятие, сущность и содержание	251
САНТАШОВ А. Л., СКАКОВ А. Б. Идея прогрессивной системы исполнения уголовных наказаний и ее развитие в отечественной пенитенциарной науке	176	МАЛОЛЕТКИНА Н. С. Неповиновение законному распоряжению сотрудников правоохранительных органов по ст. 19.3 КоАП РФ	259
ШАБАНОВ В. Б., КАШИНСКИЙ М. Ю. О необходимости совершенствования уголовно-исполнительного законодательства Республики Беларусь в сфере исполнения наказаний в отношении осужденных с психическими расстройствами	185	ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	265
ЛАПШИН В. Ф. Назначение уголовного наказания компьютерной программой: правовая инновация или деградация?	192	ЛАПШИН В. Е., ВИНАРЧИК Е. А. Особенности взаимосвязей механизмов психологической защиты с уровнем интеллекта сотрудников правоохранительных органов России	265
ТАНЦЮРА В. С., ПОПОВИЧ М. М. Ответственность за обращение контрафактных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий, фальсифицированных биологически активных добавок: проблемы правоприменительной практики в условиях пандемии коронавируса	199	КРАСНЕНКОВА С. А., КРЕНЕВА Ю. А. Социально-психологический анализ взаимосвязи мотивации аутодеструкций и особенностей личности делинквентов	274
НЕСТЕРОВА О. И. Предупреждение побегов осужденных и лиц, содержащихся под стражей	205	ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	283
ЯКОВЛЕВ А. А. Применение уголовно-правовых мер лечения социально значимых заболеваний: право или обязанность суда	211	КОВТУНЕНКО Л. В., ТРУБЧАНИНОВ М. Б. Теоретические аспекты профессиональной социализации будущего сотрудника ФСИН России	283
ЭНХТУР Ж. Проблемы исполнения уголовного наказания в виде штрафа	218	КИСЛОВ В. Р. Модель формирования эмоционально-волевой устойчивости курсантов военных вузов	287
БЫКОВ А. И. Вопросы освобождения от уголовной ответственности при совершении преступлений против общественной безопасности	222	АВДУЛОВ В. А., КОРОВИН Д. В. Информационно-цифровая среда образовательной организации как фактор эффективности подготовки офицерских кадров	293
БЕРНДТ А. А. Социально-психологические детерминанты розничной продажи алкогольной продукции несовершеннолетним	228		

CONTENT

JURISPRUDENCE	155	PALCHIKOVA N. V. Court Prosecutor's Activity	233
OBOTUROVA N. S. The problem of human rights in the context of the ideas of humanism and transhumanism	155	KOREPINA A. V. Legal basis for implementation of the comprehensive assessment system professional employment activity in the bodies and institutions of the penal system . . .	238
IZYUMSKAYA I. L. Features of staffing correctional labor institutions in the Kuban during the Great Patriotic War	161	VOLKOV D. YU. Obtaining confession by employees of territorial operational units of the Federal Penal Service of Russia for crimes committed by convicts prior to arrival in correctional facilities	244
ANTONYAN YU. M. Causes of domestic violence	167	NAGORNYKH R. V. Administrative activity of bodies and institutions of the penal system: concept, nature and content . . .	251
SANTASHOV A. L., SKAKOV A. B. The idea of a progressive system of execution of criminal sentences and its development in the domestic penitentiary science	176	MALOLETKINA N. S. Disobedience to the lawful order of law enforcement officers under Art. 19.3 Administrative Code of the Russian Federation	259
SHABANOV V. B., KASHINSKY M. YU. On the need to improve the penal legislation of the Republic of Belarus in the field of the execution of punishments for convicted persons with mental disorders	185	PSYCHOLOGY	265
LAPSHIN V. F. Assignment of criminal punishment by a computer program: legal innovation or degradation?	192	LAPSHIN V. E., VINARCHIK E. A. Correlation features of psychological defense mechanism with the intelligence level of the enforcement officers.	265
TANTSYURA V. S., POPOVICH M. M. Responsibility for circulation counterfeit and unregistered medicines, medical devices, falsified biologically active food additives: problems of law enforcement in the context of the coronavirus pandemic	199	KRASNENKOVA S. A., KRENEVA YU. A. Socio-psychological analysis of the correlation between the motivation of self-destruction and personality traits of delinquents.	274
NESTEROVA O. I. Prevention of escapes of convicts and detainees . . .	205	PEDAGOGY	283
YAKOVLEV A. A. Application of criminal law measures for treatment of socially significant diseases: the right or duty of court	211	KOVTUNENKO L. V., TRUBCHANINOV M. B. Theoretical aspects of professional socialization of a future employee of the Federal Penal Service of Russia	283
ENKHTUR J. Penalties in the form of a fine	218	KISLOV V. R. A model for formation emotional-volitional stability of cadets of military universities	287
BYKOV A. I. On the issue of exemption from criminal itability at committing crimes against public security	222	AVDULOV V. A., KOROVIN D. V. Digital information environment of educational organization as effectiveness factor of officer training	293
BERNDT A. A. Socio-psychological determinants of the retail sale of alcohol to minors	228		

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-2-155-161

УДК 340.114

Проблема прав человека в контексте идей гуманизма и трансгуманизма

Н. С. ОБОТУРОВА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5430-5059>, e-mail: oboturova@inbox.ru

Реферат. В статье анализируется влияние идеи гуманизма на формирование концепции прав человека, показано, что гуманизм является сложным феноменом, проявляющимся в различных формах общественного сознания и социальной практики. Автор рассматривает гуманизм как идею, в которой выявляются несоответствия между желаемым и действительным на разных этапах истории, что определяет ее программный характер и превращает в важнейший фактор общественного развития и способ разрешения противоречивой сущности человека. По мнению автора, главной проблемой в разработке концепции прав человека, предназначенной для применения ко всем людям, в отличие от юридических и гражданских прав, было обоснование универсальной фундаментальной составляющей идентичности субъектов этих прав, не связанной с конкретным пространством и временем. В статье обосновывается, что решающую роль в формировании концепции прав человека сыграли идеи гуманизма Нового времени, утвердившие картину мира, в которой человек как разумное, моральное, свободное существо, способное творить самого себя, занял центральное место. Подчеркивается важность современного критического анализа диалектики Просвещения, так как реализация его идеалов привела не только к научно-техническим и социальным достижениям, но и к совершенно противоположным результатам, таким как глобальные кризисы – экологический и антропологический. Автор проблематизирует тему прав человека, считая, что сегодня она нуждается в правовом и философском осмыслении в контексте той новой зоны риска, которую открыли антропологический кризис и попытка выйти из него путем трансгуманистической эволюции. Именно концепция прав человека в современной ее интерпретации должна выступить стабилизирующим фактором в разработке сценариев будущего нашей цивилизации, определении границ преобразования человека и социума.

Ключевые слова: гуманизм; идея гуманизма; трансгуманизм; человек; личность; человеческое достоинство; права человека; общество; антропологический кризис.

12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

Для цитирования: Оботурова Н. С. Проблема прав человека в контексте идей гуманизма и трансгуманизма. *Пенитенциарная наука*. 2020; 14(2):155–161. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-2-155-161.

The problem of human rights in the context of the ideas of humanism and transhumanism

N. S. OBOTUROVA

the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Vologda, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5430-5059>, e-mail: oboturova@inbox.ru

Abstract. The article analyzes the influence of the idea of humanism on the formation of the concept of human rights, it is shown that humanism is a complex phenomenon, manifested in various forms of social consciousness and social practice. The author considers humanism as an idea in which discrepancies between the desired and the actual at different stages of history are revealed, which determines its programmatic nature and turns it into the most important factor in social development and the way to resolve the contradictory nature of man. According to the author, the main problem in the development of the concept of human rights, designed to apply to all people, unlike legal and civil rights, was the justification of the universal fundamental component of the identity of the subjects of these rights, not related to a specific space and time. The article substantiates that the decisive role in shaping the concept of human rights was played by the ideas of humanism of the New Age, which confirmed the picture of the world in which a person, as a rational, moral, free, independent creature capable of creating himself, took center stage. The importance of a modern critical analysis of the dialectics of the Enlightenment is emphasized, since the implementation of its ideals led not only to scientific, technical and social achievements, but also to completely opposite results, such as global crises - environmental and anthropological. The author problematizes the topic of human rights, believing that today it needs legal and philosophical reflection in the context of the new risk zone that the anthropological crisis has opened and an attempt to get out of it through transhumanistic evolution. It is the concept of human rights in its modern interpretation that should act as a stabilizing factor in developing scenarios for the future of our civilization, determining the boundaries of the transformation of human and society.

Key words: humanism; the idea of humanism; transhumanism; person; personality; human dignity; human rights; society; anthropological crisis.

12.00.01 – Theory and history of law and state; history of studies of law and state

For citation: Oboturova N. S. The problem of human rights in the context of the ideas of humanism and transhumanism. *Penitenciarnaya nauka = Penitentiary Science*. 2020; 14(2):155–161. (In Russ.). DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-2-155-161.

Взаимосвязь прав человека с идеей гуманизма, представляющаяся очевидной, при ближайшем рассмотрении оказывается более сложной, неоднозначной, нуждающейся в современной проблематизации. Несмотря на то что любой словарь дает нам соответствующее той или иной области научного знания определение гуманизма, в настоящее время «нет единого подхода в понимании того, чем является гуманизм: идеалом, идеей, суммой идей, суммой ценностей и норм поведения, мировоззрением, принципом общежития и даже, по утверждению современных представителей светского гуманизма, он должен стать господствующей парадигмой» [10, с. 7].

В самом общем виде гуманизм понимается как мировоззрение, утверждающее ценность человека, его право на счастье, развитие и реализацию своих положительных

способностей, а также возможность свободно и ответственно участвовать в жизни мира и общества. В более узком смысле мы можем говорить о гуманизме как идейном движении эпохи Возрождения, и как идее, воплотившейся в различных социально-философских и правовых концепциях, прежде всего концепции прав человека, и как практике общественных отношений, проявляющейся в смягчении нравов и законов, отказе от пыток и жестоких наказаний, расширении прав и свобод личности и отдельных социальных групп и т. д. Термин «гуманизм» для обозначения выражения высшей значимости человека был введен в научно-просветительский оборот в начале XIX в. немецким педагогом Ф. Нитхаммером. В современной культуре гуманизм существует как ее универсальное общечеловеческое основание, идеал общественного устройства, челове-

ческих отношений, а также взаимоотношений человека и общества.

Идея гуманизма, с точки зрения современных исследователей, имеет свои естественные и социальные предпосылки, заключающиеся во врожденной эмпатии, свойственной человеку как живому существу, и самосознании и интеллекте как свойства человека как социального гражданского существа. Эмпатия в форме альтруизма как гуманного отношения к объекту имеет природные корни, она была необходима человеку для сохранения своего рода и передачи генов последующим поколениям. Изначально эмпатия и альтруистическое поведение проявлялись исключительно по отношению к членам своей группы, но по мере распространения представлений о своей группе на более широкий круг людей развивались и формы альтруистического поведения. И в древней, и в новой и новейшей истории мы находим множество примеров героизма и святости, проявления способности человека к самопожертвованию ради других людей.

Противоположны идее гуманизма также вытекающие из закономерностей естественно-групповых отношений все проявления ксенофобии, этноцентризма, религиозной нетерпимости. Корни этих феноменов лежат в периоде становления общества, когда в целях самосохранения роды и племена представителей других групп воспринимали как врагов, поэтому проблемы человечности, гуманности в то время быть не могло. Возникновение и развитие гуманизма связано с расширением представлений людей о своей группе вплоть до включения в нее всего человечества, мировоззренческим осознанием ценности каждого человека. Стремление к этому, имевшее место в истории, теоретически оформилось в идею гуманизма. Гуманизм как идея, в отличие от других форм его духовного осмысления, имеет важные специфические особенности, выражающиеся прежде всего в выявлении несоответствия между желаемым и действительным. Это обстоятельство определило программный характер идеи гуманизма, превративший ее в «один из факторов общественного развития, способ разрешения противоречивой сущности человека как продукта одновременно естественной и социальной эволюции» [10, с. 13].

Гуманизм как культурно-историческая традиция зародился в древнегреческой цивилизации. Изначально он возник внутри философии как антропоцентрический

принцип познания, развитие которого связывают с именем Протагора и его знаменитым утверждением о том, что человек есть мера всех вещей, существующих, что они существуют, несуществующих, что они не существуют. Идея гуманизма развивалась во все последующие века, различным образом проявляясь в эпохи Возрождения и Просвещения. В эпоху Возрождения она воплотилась в широком направлении общественной мысли, представители которого обратили свое внимание на исследование и утверждение человека как личности, индивидуальности, наделенной способностью к деятельности, творчеству. На этой основе признавалась высшая ценность человека в системе материальных и духовных ценностей бытия. Именно такое понимание гуманизма легло в основу последующего его развития.

Представители гуманизма Нового времени пошли дальше и в противовес космоцентризму античности и теоцентризму средневековья утвердили картину мира, в которой человек как свободное, независимое существо, способное «творить самого себя, придавать себе ту природу, которую он сам пожелает как субъект познания и деятельности, опирающийся в своих действиях на собственный разум и потенции» [7, с. 568], занял центральное место. Идеи, составившие основу антропоцентризма, такие как идеал свободной автономной индивидуальности, представление о человеке как деятельном, преобразующем существе, вера в безграничные возможности прогресса и др., казались абсолютными, универсальными и не ставились под сомнение до второй половины XX в. История показала, что «развитие техногенной цивилизации, ее переход к индустриальному, а от него к постиндустриальному обществу привели не только к частичной реализации предполагаемых достижений, но и к совершенно непредсказуемым, противоположным результатам» [9, с. 79], таким как глобальные экологический и антропологический кризисы, однако все это случится позже. В свое же время идеи просветителей играли огромную эмансипирующую и прогностическую роль, и осмысление противоречивой диалектики Просвещения было впереди.

Философским определением гуманизма в эпоху Просвещения, имеющим непреходящее значение, стало знаменитое кантовское «поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не от-

носился бы к нему только как к средству» [4, с. 270]. Рассуждая об условии, при котором человек мог бы быть целью, то есть иметь не только относительную внешнюю ценность, то есть цену, но и внутреннюю ценность, то есть достоинство, Кант подчеркивал, что в качестве такового выступает моральность, при которой «только и возможно, чтобы разумное существо было целью самой по себе, так как только благодаря ей можно быть законодательствующим членом в царстве целей... только нравственность и человечество, поскольку оно к ней способно, обладают достоинством» [4, с. 277].

Именно в эту эпоху в близком к современному пониманию начинает формироваться и концепция прав человека, предназначенных для применения ко всем людям в отличие от юридических и гражданских прав. Большую роль в ее развитии сыграли идеи Г. Гроция, Дж. Селдена, Т. Гоббса, Дж. Локка, Ш. Монтескье, Т. Джефферсона и других мыслителей и общественных деятелей. Благодаря им идея прав человека уже в XVIII в. была инкорпорирована в структуру системы управления. Особое значение имели идеи Дж. Локка, полагавшего, что естественное состояние, в котором находятся все люди, – это «состояние полной свободы в отношении их действий и в отношении распоряжения своим имуществом и личностью в соответствии с тем, что они считают подходящим для себя в границах закона природы, не испрашивая разрешения у какого-либо другого лица и не завися от чьей-либо воли» [3, с. 263]. Юридические и гражданские права, с точки зрения Локка, должны исходить из этих естественных прав, составляющих базовую универсальную основу правового статуса человека. Идеи мыслителей Нового времени о естественности и незыблемости прав и индивидуальных свобод человека были в дальнейшем использованы в государственно-правовом развитии многих народов, например легли в основу американской Декларации независимости, французской Декларации прав человека, других политических документов, и по сей день составляют фундамент конституционализма во многих современных государствах. Вместе с тем в развитии концепции прав человека, разработанной мыслителями Нового времени, несмотря на ее базовый, универсальный характер, обнаруживались и противоречия. Так, современные исследователи проблемы отмечают, что сейчас понимание права «базируется на признании ценности не самого по себе закона, каким

бы он ни был, а закона, защищающего свободу и достоинство каждого частного лица» [11, с. 21]. При этом люди, как отмечает Г. А. Гаджиев, анализируя практику работы Европейского суда по защите прав человека, не только защищают свои права, но и стремятся к превращению своих представлений о них в общеобязательные. Сегодня подобное специфическое понимание гуманизма и прав человека касается и таких непростых вопросов, как родительство, семья, брак, гендерная идентичность и т. д., которые находятся на стыке традиции, морали и права и от концептуального решения которых зависят перспективы развития человеческого рода. В связи с обозначенной проблемой актуальным представляется мнение В. В. Лапаевой, считающей, что «привнесение в понятие права некоторых элементов здорового традиционализма не повредило бы тем общепризнанным на уровне международно-правовых институтов трактовкам прав человека, в которых индивидуалистическое начало приобретает чрезмерный характер» [11, с. 26].

Обоснование общей фундаментальной составляющей идентичности субъектов прав, не связанной со временем и пространством и общественно-историческими отношениями с другими субъектами, того, что относится ко всем без исключения людям и может стать образцом для признания и осуществления прав, и было главной проблемой в формировании концепции прав человека на всем протяжении ее существования. Эта идея человеческой идентичности, не зависящей от социального контекста, подвергалась жесткой критике уже в начале XIX в. Так, И. Бентам называл естественные права «напыщенной ерундой» именно за утверждение человеческой идентичности вне общественно-исторических отношений. Особенно непримиримым критиком абстрактных, исключенных из социального контекста естественных прав выступил спустя несколько десятилетий К. Маркс, подвергнувший сомнению само понятие «человек» в отрыве от понятия «гражданин». Однако признание именно такой универсальной человеческой идентичности в разумности, моральности и свободе составило в конечном итоге основу концепции прав человека.

Таким образом, представление о том, что все люди просто исходя из принадлежности к человеческому роду обладают некоторыми общими правами и могут предъявлять по отношению ко всем другим субъектам

законные требования, сформировалось относительно недавно. Применение его к глобальным взаимодействиям людей актуализировалось только в XX в., после того как страшный опыт двух мировых войн, отнявших у людей их базовые естественные права, прежде всего право на жизнь, не оставил сомнений относительно настоятельной необходимости утверждения и защиты прав человека как основы гуманизма. Современное понимание прав человека, по мнению И. Кучуради, состоит в признании того, что со всеми людьми нужно обращаться некоторым особым образом, а именно таким, который позволил бы человеческому существу реализовать его возможности человеческого существа. «С человеком нужно обращаться этим особым образом, поскольку в жизни большинство человеческих существ лишает другие человеческие существа этих возможностей» [5, с. 48]. Политически и юридически концепция прав человека воплотилась во Всеобщей декларации прав человека, первая статья которой провозглашает: «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства». В качестве абсолютных, универсальных, метафизических оснований прав человека, таким образом, выступают природные характеристики человека как такового – интеллектуальная (разум) и этическая (совесть). Из них же выводится и необходимость поступать в отношении друг друга в духе братства, то есть права человека утверждаются и в качестве принципов действия, представляющих собой попытку – все еще совершенно недостаточную как практически, так и теоретически – внести этические требования в социальную организацию, право и политику [5, с. 48].

Необходимо отметить, что осмысление идеи гуманизма было бы неполным только в русле научной разработки, так как свою особенную роль в утверждении гуманистического мировоззрения сыграли все формы духовной жизни общества. Значительный вклад в развитие идеи гуманизма исторически внесло религиозное, в частности христианское, ее понимание. Христианские заповеди «возлюби ближнего как самого себя» и «любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих и гонящих вас» ознаменовали новый этап в развитии гуманизма. Христианский принцип гуманизма, объединивший людей на основе

того, что все они дети божьи, и отвергший значимость экономических, политических и социокультурных различий между людьми, обрел как сторонников, так и противников. Одним из самых известных критиков религиозной версии гуманизма был К. Маркс, который считал, что гуманизма в полном смысле этого слова не может быть в христианстве, которое никогда не поставит человека выше Бога. Он прямо противопоставлял религию и гуманизм, считая, что становлением теоретического гуманизма является атеизм, а практическим гуманизмом выступает коммунизм. С точки зрения Маркса, «атеизм есть гуманизм, опосредованный с самим собой путем снятия религии, а коммунизм – гуманизм, опосредованный с самим собой путем снятия частной собственности. Только путем снятия этого опосредования, являющегося, однако, необходимой предпосылкой, возникает положительно начинающий с самого себя, положительный гуманизм» [6, с. 169].

В свою очередь, западный «безрелигиозный» гуманизм был предметом критического анализа русской религиозной философии. Так, С. Л. Франк считал, что, отвергнув Бога и осознав себя земным богом, человек полностью перевернул свою духовную жизнь. Сущность этого переворота философ видел в том, что «утратив сознание трансцендентной, сверхмирно-духовной основы своего бытия – сознание Бога, человек заменил нераздельно-неслиянное двуединство своего богочеловеческого, боготварного существа какой-то смутной мешаниной обоих начал, которую он противоречиво пытается втиснуть в свое только природное существо и мнит усмотреть в имманентном составе последнего» [12]. Философский анализ противоречий гуманизма был предложен и Н. А. Бердяевым, который считал, что гуманизм, зародившись в отпадении от Бога, с одной стороны, несет опасность истребления человека, с другой – является путем свободы человека, испытания его творческих сил и самораскрытия человеческой природы. По мнению философа, именно свобода и является главным содержанием христианства, она безмерно дорога христианину, «потому что свобода есть пафос его веры, потому что Христос есть свобода» [1, с. 255]. Представляется, что сегодня актуально говорить о сближении позиций светского и религиозного гуманизма, особенно перед лицом тех глобальных опасностей, с которыми столкнулось человечество в постиндустриальную эпоху своего развития

и которые поставили под вопрос само привычное существование человека и человечества.

К глобальным проблемам современной цивилизации исследователи относят прежде всего экологический и антропологический кризисы, «ускоряющиеся процессы отчуждения, изобретение все новых средств массового уничтожения, грозящих гибелью всему человечеству» [2, с. 17]. Проявлением кризиса В. С. Степин считает и увеличение количества мутагенных факторов вследствие воздействия загрязненной окружающей среды через появление новых видов болезнетворных микробов и вирусов и повышения давления на человека стрессовых нагрузок. Стремление осмысливать и решать эти проблемы в привычной для техногенного общества технологической парадигме привело к росту популярности идей трансгуманизма, представители которого считают, что «через ряд промежуточных этапов станет возможным технологическое решение таких сверхзадач, как создание искусственного тела, различных аватаров, построение действующих моделей организма и психической самоорганизации на суперкомпьютерах» [9, с. 80] и наступит новый период преобразования земной цивилизации. Анализируя эти перспективы, современные исследователи обращают внимание на скрытую в них новую угрозу, состоящую в том, что «идеология трансгуманизма как нового супероптимистического, технологического проекта направлена не только на преобразование человеческой телесности, но и на отказ от нее и достижение на этой осно-

ве кибернетического бессмертия» [9, с. 81]. Современные тенденции переконструирования биологической основы человека могут иметь непредсказуемые последствия, так как они абстрагированы от понимания того, что телесность человека не является просто нейтральным биологическим фоном его социального бытия, а представляет собой почву, «на которой выросла человеческая культура и вне которой невозможны были бы состояния человеческой духовности» [2, с. 19]. Разумеется, можно воспринимать идеи трансгуманизма об изменении биологической основы человека, создании искусственного тела и кибернетическом бессмертии как утопические, но история свидетельствует о том, что наука претворяла в жизнь и более фантастические проекты. В связи с этим сегодня идея гуманизма и ее выражение в правах человека могут сыграть ключевую роль в осмыслении и преодолении той новой зоны риска, которую открыли антропологический кризис и попытка выйти из него путем трансгуманистической эволюции, а концепция прав человека в современной ее интерпретации должна выступить стабилизирующим фактором в разработке сценариев будущего нашей цивилизации, определении границ преобразования человека и социума. Права человека как гарантированную законом и обеспеченную судебной защитой способность реализации в различных сферах жизнедеятельности [8, с. 19] необходимо рассматривать в качестве универсального феномена, имеющего не только юридические, но и нравственные и социокультурные характеристики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев, Н. А. *Философия свободы* / Н. А. Бердяев. – Москва : АСТ, 2004. – 333 с. – ISBN 5-17-021919-9.
2. *Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция* / под редакцией профессора Д. И. Дубровского. – Москва : МБА, 2013. – 272 с. – ISBN 978-5-906325-26-6.
3. Локк, Дж. *Два трактата о правлении* / Джон Локк // *Сочинения*. В 3 томах. Том 3 / Джон Локк. – Москва : Мысль, 1988. – С. 137–405. – ISBN 5-244-00085-3.
4. Кант, И. *Сочинения*. В 6 томах. Том 4. Часть 1 / И. Кант. – Москва : Мысль, 1965. – 554 с.
5. Кучуради, И. *Понятия человеческого достоинства и прав человека* / И. Кучуради // *Вопросы философии*. – 2018. – № 5. – С. 43–50.
6. Маркс, К. *Экономическо-философские рукописи 1844 г.* / К. Маркс // *Сочинения*. В 50 томах. Том 42 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Москва : Политиздат, 1974. – С. 41–174.
7. Межуев, В. М. *Гуманизм* / В. М. Межуев // *Новая философская энциклопедия*. В 4 томах. Том 1. – Москва : Мысль, 2010. – С. 268. – ISBN 978-2-244-01116-6.
8. Нагорных, Р. В. *Административно-правовое регулирование государственной службы Российской Федерации в правоохранительной сфере : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Нагорных Роман Вадимович*. – Москва, 2017. – 42 с.
9. Оботурова, Г. Н. *Трансгуманизм – утопия или реальность?* / Г. Н. Оботурова // *Вестник института: преступление, наказание, исправление*. – 2015. – № 1 (29). – С. 79–82.
10. Субботина, Н. Д. *Идея гуманизма как фактор общественного развития* / Н. Д. Субботина // *Вопросы философии*. – 2018. – № 8. – С. 5–15.
11. *Право и национальные традиции : материалы «круглого стола»* / А. А. Гусейнов [и др.] // *Вопросы философии*. – 2016. – № 12. – С. 5–41.
12. Франк, С. Л. *Реальность и человек* / С. Л. Франк. – URL: <http://altrea.narod.ru/frank/realnost.html> (дата обращения: 25.05.2020).

REFERENCES

1. Berdyayev N. A. *Filosofiya svobody* [Philosophy of freedom]. Moscow, 2004. 333 p. (In Russ.).
2. Dubrovskij D. I. (red.) *Global'noe budushchee 2045. Konvergentnye tekhnologii (NBICS) i transgumanisticheskaya evolyuciya* [Global Future 2045. Converged Technologies (NBICS) and Transhumanist Evolution]. Moscow, 2013. 272 p. (In Russ.).
3. Lokk Dzh. Dva traktata o pravlenii [Two Treatises of Government]. *Sochineniya. V 3 tomah. Tom 3* [Compositions in 3 vol. Vol. 3]. Moscow, 1988, pp. 137–405. (In Russ.).
4. Kant I. *Sochineniya. V 6 tomah. Tom 4. CHast' 1* [Works in 6 vol. Vol. 4, part 1]. Moscow, 1965. 554 p. (In Russ.).
5. Kuchuradi I. Ponyatiya chelovecheskogo dostoinstva i prav cheloveka [The concepts of human dignity and human rights]. *Voprosy filosofii – Philosophy Issues*, 2018, no. 5, pp. 43–50. (In Russ.).
6. Marks K. Ekonomicheskoe-filosofskie rukopisi 1844 g. [Economic and Philosophical Manuscripts of 1844]. *Sochineniya K. Marksa, F. Engel'sa v 50 tomah. Tom 42* [Works of K. Marx, F. Engels in 50 vol. Vol. 42]. Moscow, 1965, pp. 41–174. (In Russ.).
7. Mezhuiev V. M. Gumanizm [Humanism]. *Novaya filosofskaya enciklopediya. V 4 tomah. Tom 1* [New philosophical encyclopedia. In 4 vol. Vol. 1]. Moscow, 2010, p. 268. (In Russ.).
8. Nagornyh R. V. *Administrativno-pravovoe regulirovanie gosudarstvennoj sluzhby Rossijskoj Federacii v pravoohranitel'noj sfere. Avtoref. diss. dokt. yurid. nauk* [Administrative and legal regulation of the public service of the Russian Federation in law enforcement. Author's abstract of the diss. Dsc. in Law]. Moscow, 2017. 42 p. (In Russ.).
9. Oboturova G. N. Transgumanizm – utopiya ili real'nost'? [Transhumanism - Utopia or Reality?]. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie – Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction*, 2015, no. 1 (29), pp. 79–82. (In Russ.).
10. Subbotina N. D. *Ideya gumanizma kak faktor obshchestvennogo razvitiya* [The idea of humanism as a factor in social development]. *Voprosy filosofii – Philosophy Issues*, 2018, no. 8, pp. 5–15. (In Russ.).
11. Gusejnov A. A., Stepin V. S., Smirnov A. V., Gadzhiev G. A., Bondar' N. S., Solov'ev E. YU., Mezhuiev V. M., Barenbojm P. D., Lapaeva V. V., CHizhkov S. L. Pravo i nacional'nye tradicii [Law and national traditions]. *Voprosy filosofii – Philosophy Issues*, 2016, no. 12, pp. 5–41. (In Russ.).
12. Frank S. L. *Real'nost' i chelovek* [Reality and man]. Available at: <http://altrea.narod.ru/frank/realnost.html> (accessed 25.05.2020). (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTORS

НАТАЛЬЯ СЕРГЕЕВНА ОБОТУРОВА – профессор кафедры философии и истории психологического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация, доктор философских наук, доцент. ORCID 0000-0002-5430-5059, e-mail: oboturova@inbox.ru

NATAL'YA S. OBOTUROVA – Professor of the Department of Philosophy and History of the Psychological Department of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Vologda, Russian Federation, Dsc. in Philosophy, Associate Professor. ORCID 0000-0002-5430-5059, e-mail: oboturova@inbox.ru

DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-2-161-167

УДК 94(47).084.8:343.83

Особенности кадрового обеспечения исправительно-трудовых учреждений на Кубани в годы Великой Отечественной войны

И. Л. ИЗЮМСКАЯ

Межрегиональный учебный центр по подготовке сотрудников отделов специального назначения Управления Федеральной службы исполнения наказаний по Краснодарскому краю, г. Сочи, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8823-7592>, e-mail: rochka1919@rambler.ru

Реферат. В статье рассматриваются некоторые аспекты кадрового обеспечения исправительно-трудовых учреждений управления Народного комиссариата внутренних дел СССР по Краснодарскому краю в период Великой Отечественной войны: комплектование кадров исправительно-трудовых учреждений Краснодарского края, проблемы соблюдения исполнительской дисциплины, роль кадров исправительно-трудовых учреждений в обеспечении производственных планов, особенности политико-воспитательной работы с личным составом учреждений и организации профессиональной подготовки и переподготовки. Проанализированы архивные материалы УФСИН России по Краснодарскому краю периода Великой Отечественной войны, сделан вывод о дефиците квалифицированных кадров в связи

с мобилизациями сотрудников в Красную армию. Автор связывает негативные проявления (рост числа побегов, халатность отдельных должностных лиц, грубые нарушения караульной службы, неуставные отношения с осужденными и т. п.), имевшие место в системе исправительно-трудовых учреждений, главным образом с кадровой проблемой, которая являлась одной из основных сложностей и в решении приоритетной задачи, стоявшей перед исправительно-трудовыми учреждениями в годы войны, – выполнении производственных планов. Не менее важными направлениями в кадровой работе военного времени были массово-воспитательная работа с личным составом, которая наиболее активно проводилась с 1943 г., после завершения немецко-фашистской оккупации Кубани, и становление системы профессиональной подготовки и переподготовки. Поиск эффективных организационно-педагогических методов функционирования системы учебных заведений обоснованно привел к реорганизации имевшегося пенитенциарного персонала кадрового состава мест заключения Главного управления лагерей НКВД СССР, способного успешно решать поставленные перед ними задачи как в условиях военного, так и наступающего мирного времени. В заключение автором делается вывод, что система профессионального обучения и переподготовки пенитенциарного персонала в процессе служебной деятельности по-прежнему представляет собой важнейший элемент уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; исправительно-трудовые учреждения; кадровое обеспечение; политико-воспитательная работа; система профессиональной подготовки.

12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

Для цитирования: Изюмская И. Л. Особенности кадрового обеспечения исправительно-трудовых учреждений на Кубани в годы Великой Отечественной войны. *Пенитенциарная наука*. 2020; 14(2):161–167. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-2-161-167.

Features of staffing correctional labor institutions in the Kuban during the Great Patriotic War

I. L. IZYUMSKAYA

the Interregional Training Center for the Special Force of the Federal Penal Service Administration in the Krasnodar Territory, Sochi, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8823-7592>, e-mail: rochka1919@rambler.ru

Abstract. The article discusses some aspects of the staffing correctional labor institutions of the People's Commissariat of Internal Affairs of the USSR for the Krasnodar Territory during the Great Patriotic War: staffing of correctional labor institutions of the Krasnodar Territory, problems of compliance with executive discipline, the role of staff of correctional labor institutions in ensuring production plans, features of political and educational work with the personnel of institutions and the organization of vocational training and retraining. Archival materials of the Federal Penal Service of Russia in the Krasnodar Territory of the Great Patriotic War were analyzed, and a conclusion was drawn about the shortage of qualified personnel in connection with the mobilization of employees in the Red Army. The author connects the negative manifestations (increase in the number of shoots, negligence of certain officials, gross violations of guard duty, hazing with convicts, etc.) that took place in the system of correctional labor institutions, mainly with the staff problem, which was one of the main difficulties in solving the main task facing correctional institutions during the war years – the implementation of production plans. Another important area was the mass educational work with personnel, which was most actively carried out since 1943, after the end of the Nazi occupation of the Kuban. One of the key areas in the personnel work of wartime is the system of vocational training and retraining. The search for effective organizational and pedagogical methods for the functioning of the system of educational institutions reasonably led to the reorganization of the available prison staff of the Main Directorate of the NKVD Camps, which was able to successfully solve the tasks assigned to them, both in wartime and in peacetime. In conclusion the author concludes that the system of vocational training and retraining of prison staff in the process of performance is still an essential element of the penal system.

Key words: Great Patriotic War; correctional labor institutions; staffing; political and educational work; vocational training system.

12.00.01 – Theory and history of law and state; history of studies of law and state

For citation: Izyumskaya I. L. Features of staffing correctional labor institutions in the Kuban during the Great Patriotic War. *Penitenciarnaya nauka = Penitentiary Science*. 2020; 14(2):161–167. (In Russ.). DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-2-161-167.

Несмотря на достаточно большое количество опубликованных работ по истории органов Народного комиссариата внутренних дел (далее – НКВД) СССР, в том числе исправительно-трудовых учреждений (далее – ИТУ), практически не изученными остаются некоторые региональные особенности их функционирования, в частности в годы Великой Отечественной войны. При этом несомненный научный и практический интерес представляет исследование особенностей политико-воспитательной работы с офицерским составом ИТУ [6, с. 304], проблемы комплектования кадров ИТУ, соблюдения исполнительской дисциплины, обеспечения производственных планов, организации профессиональной подготовки и переподготовки в рассматриваемый период.

Целью нашего исследования является изучение специфики кадрового обеспечения исправительно-трудовых учреждений на Кубани в годы Великой Отечественной войны.

Следует отметить, что уголовно-исполнительная система испытывала определенные сложности с комплектованием специалистов не только в рассматриваемый период [3, с. 169]. Профессиональное обучение и переподготовка сотрудников уголовно-исполнительной системы по-прежнему является важнейшим направлением оптимизации кадрового обеспечения в условиях реформирования отечественной пенитенциарной системы.

С первых месяцев войны в органах НКВД, в том числе и отделах исправительно-трудовых учреждений (далее – ОИТУ), наблюдался дефицит квалифицированных кадров, поскольку большое количество сотрудников было призвано в Красную армию. В соответствии с приказами Наркомата обороны СССР от 15.09.1941 и НКВД от 19.09.1941 в ряды Рабоче-крестьянской Красной армии (далее – РККА) подлежали призыву военнообязанные рядового и младшего начальствующего состава запаса РККА, работавшие в органах НКВД и имевшие отсрочку от призыва, то есть забронированные и состоявшие на спецучете. Мобилизация работников ИТУ рассчитывалась таким образом, чтобы основным контингентом призванных были рядовые стрелки и младшие командиры военизированной охраны (далее – ВОХР),

то есть молодые мужчины, умевшие обращаться с оружием. Боеспособность охраны не должна была пострадать в результате призыва, поэтому убытие сотрудников проходило в два этапа, и некоторое время параллельно с мобилизованными служили новички [4, с. 155]. На фронт было отправлено большое количество сотрудников ИТУ Краснодарского края. Среди них основную массу составляли стрелки ВОХРа, были начальники караулов пожарных частей, начальники учреждений, вольнонаемный состав (Архив УФСИН России по Краснодар. краю. 1941. Оп. 11/1. Д. 10. Л. 1, 35, 38, 43, 130, 146, 149, 154, 164).

Следует признать, что многие негативные проявления в исправительно-трудовой системе были обусловлены прежде всего кадровой проблемой. Слабость кадрового состава ИТУ, пришедшего на смену мобилизованным, объяснялась тем, что в колониях трудились женщины, инвалиды войны, военнообязанные запаса, ограниченно годные или негодные к строевой службе. Кроме того, заметно снизился уровень подготовки сотрудников военизированной охраны. Несмотря на тщательную проверку, которой должны были быть подвергнуты вновь принятые на службу, их подготовка оставляла желать лучшего [4, с. 155]. Это отрицательно сказывалось на деятельности исправительно-трудовых учреждений, что выражалось в росте числа побегов заключенных, случившихся по вине сотрудников охраны. Так, в ночь с 17 на 18 января 1942 г. с Васюринского участка массовых работ был совершен групповой побег пяти заключенных Тахтамукаевской ИТК. Произведенным расследованием было установлено, что побег был совершен вследствие преступного халатного отношения к своим обязанностям со стороны дежурного коменданта участка Тайчер и его помощника Якубенко. Тайчер при заступлении на дежурство не потребовал утвержденного списка заключенных, имеющих право на бесконвойное хождение. Якубенко, являясь помощником дежурного и видя бесконвойное движение группы заключенных по доставке воды, не поинтересовался их личностью и правом на бесконвойное хождение. За халатное отношение к исполнению служебных обязанностей и нарушение

приказов НКВД СССР по охране заключенных Тайчер И. И. и Якубенко И. М. были переданы суду, начальнику Тахтамукаевской ИТК Качееву объявлен выговор (Архив УФСИН России по Краснодар. краю. 1942. Оп. 1/1. Д. 13. Л. 37).

С приближением частей противника к городам Кубани сотрудники ОИТК УНКВД по Краснодарскому краю сосредоточили свои усилия на работе по этапированию заключенных в лагеря по нарядам Главного управления лагерями (далее – ГУЛАГ) НКВД СССР. В течение апреля–мая 1942 г. аппаратом ОИТК УНКВД по Краснодарскому краю и Усть-Лабинским пересыльным пунктом была проведена большая работа по этапированию заключенных в лагеря по нарядам ГУЛАГа НКВД СССР. Несмотря на сжатые сроки, трудности по формированию эшелонов вследствие несвоевременного предоставления вагонов железной дорогой, тяжелых условий по обеспечению этапироваемых заключенных и эшелонов всем необходимым, все наряды ГУЛАГа НКВД СССР были выполнены. Однако отдельные руководители ИТК не уделили должного внимания поставленной задаче. На Усть-Лабинский пункт отдельными ИТК (Армавирской сельско-хозяйственной ИТК № 5, Горяче-Ключевской ИТК, ИТК № 3) были направлены ограниченно годные заключенные, истощенные, а также с остатком срока менее 6 месяцев. Приказом начальника УНКВД должностным лицам, допустившим нарушения при осуществлении этапирования, объявлены выговоры. Кроме того, в приказе содержится пункт о предупреждении всего руководящего состава ОИТК и ИТК о необходимости «самого серьезного отношения к выполнению правительственных заданий по этапированию заключенных на стройки оборонного значения» (Архив УФСИН России по Краснодар. краю. 1942. Оп. 1/1. Д. 13. Л. 27).

В феврале 1942 г. была издана «Инструкция о режиме содержания и охране заключенных в исправительно-трудовых лагерях и колониях НКВД СССР в военное время». Оперативно-служебному отряду охраны вменялось в обязанность применять оружие без предупреждения при побеге и преследовании заключенных, при нападении на конвой, караул или охраняемый объект [2, с. 30], а также после предупреждения при злостном сопротивлении заключенных охране или администрации, открытом демонстративном отказе от работы. Так, 7 мая 1942 г. из производственного корпуса № 1 ИТК № 1 заключенный Крамаренко В. С., пройдя пред-

упредительную зону, открыл калитку, вышел на полотно железной дороги и стал уходить. Постовой Сухачева увидела уходившего заключенного, произвела два предупредительных выстрела вверх, но заключенный не остановился, а стал убежать. Сухачева произвела выстрел по убежавшему, ранив его в плечо в 27 метрах от зоны корпуса. За хорошее знание службы, бдительность и проявленную инициативу стрелку Сухачевой объявлена благодарность и выдана премия в размере 100 руб. (Архив УФСИН России по Краснодар. краю. 1942. Оп. 1/1. Д. 13. Л. 12). Аналогичный случай умелого несения караульной службы имел место в Армавирской трудовой колонии для несовершеннолетних. 16 мая 1942 г. ответственный дежурный по колонии стрелок Леонтович П. Ф., получив данные о готовящемся групповом побеге заключенных, немедленно объявил тревогу, умело расставил посты охраны, выставил дозоры со служебно-розыскными собаками. Благодаря бдительности Леонтовича побег из колонии четырех заключенных был предотвращен, за что стрелку была объявлена благодарность и выдана премия в размере 200 руб. (Архив УФСИН России по Краснодар. краю. 1942. Оп. 1/1. Д. 13. Л. 8).

В военный период вольнонаемным сотрудникам исправительно-трудовой системы, особенно стрелкам ВОХРа, предстояло трудиться значительно интенсивней, а спрос с них стал гораздо строже [4, с. 152]. В исправительных учреждениях края сотрудники ВОХРа зачастую допускали грубые нарушения караульной службы. Так, 6 июня 1942 г. стрелок ВОХРа сельско-хозяйственной ИТК № 5 Лозовский В. Т. был поставлен на пост по охране заключенных, работающих в чувячном цехе, в 14.00 самовольно ушел с поста за зону охраняемого объекта по естественным надобностям, оставив винтовку контролеру Маркову, не имеющему отношения к охране. Последний при неосторожном обращении с винтовкой произвел выстрел вверх. За самовольный уход с поста и грубое нарушение караульной службы приказом начальника ОИТК УНКВД по Краснодарскому краю Лозовскому назначено наказание в виде ареста на пять суток с удержанием 25 % суточной зарплаты за каждый день ареста» (Архив УФСИН России по Краснодар. краю. 1942. Оп. 1/1. Д. 13. Л. 20). Также имели место случаи халатного отношения сотрудников к своим обязанностям, приводившие к побегам заключенных. Так, 14 июня 1942 г. на участке № 2 «Широкая балка» Хадыженской ИТК в результате халатно-

го и безответственного отношения к своим обязанностям стрелком Васильченко М. В. был допущен побег двух заключенных, осужденных на десять и семь лет лишения свободы. За преступное халатное отношение к несению караульной службы стрелок Васильченко была уволена из органов НКВД (Архив УФСИН России по Краснодар. краю. 1942. Оп. 1/1. Д. 13. Л. 91).

На протяжении длительного времени в исправительных учреждениях существовала проблема неуставных отношений сотрудников с осужденными, нередко были случаи совместного распития спиртных напитков. Так, 3 июня 1942 г. дежурный помощник коменданта Армавирской сельскохозяйственной ИТК № 5 Матвиенко М. И., будучи ответственным по колонии, совместно с кладовщиком центрального склада Маншилиным в помещении кладовой распивали спиртные напитки. Кроме того, Матвиенко самовольно разрешил свидание заключенному Прищенко с женой, а после сдачи дежурства принял участие в распитии спирта, принесенного женой Прищенко. Последний в состоянии алкогольного опьянения учинил дебош. За нарушение режимных правил, связь с заключенными и распитие спиртных напитков Матвиенко был арестован на десять суток и понижен в должности, переведен стрелком в Армавирскую ИТК № 2 (Архив УФСИН России по Краснодар. краю. 1942. Оп. 1/1. Д. 13. Л. 51).

Нередко нарушения служебной дисциплины допускали и руководители ВОХРа колоний. Так, врио начальника командира взвода военизированной охраны Майкопской ИТК Германов Н. И. халатно относился к своим обязанностям: «плохо занимался боевой подготовкой; не работал с личным составом, ввиду чего в ИТК № 3 имели место систематические побег заключенных из-под стражи; не выполнял распоряжения начальника колонии о выезде на место побега для преследования и розыска бежавших из-под стражи заключенных; выезжая в командировки, не оказывал командирам отделений практической помощи, а наоборот, бездельничал, в рабочее время спал, вечерами ходил гулять и ловить в реке рыбу». За бездеятельность, отказ выполнять приказ начальника ИТК № 3 и халатное отношение к работе приказом начальника УНКВД Краснодарского края Германов был арестован на 15 суток и уволен из органов НКВД (Архив УФСИН России по Краснодар. краю. 1942. Оп. 1/1. Д. 13. Л. 100).

Усиление бдительности и дисциплины, в том числе и в исправительно-трудовой системе, было обусловлено реалиями военного времени. В целях улучшения охраны и режима, борьбы с побегами и розыска бежавших заключенных с 14 декабря 1943 г. во всех ИТК Краснодарского края было введено круглосуточное дежурство из числа руководящего состава колоний, которые с дежурными по охране систематически проверяли несение караульно-конвойной службы. Ответственность за оперативное руководство охраной было возложено на начальников ИТК. Работниками штаба охраны ОИТК при выездах в колонии проводились внеплановые дневные и ночные проверки правильности несения караульно-конвойной службы (Архив УФСИН России по Краснодар. краю. 1943. Оп. 1/1. Д. 3. Л. 2). Кроме того, накануне и в дни революционных праздников в целях их прохождения в спокойной обстановке усиливался режим содержания заключенных. Так, 29 апреля 1944 г. приказом № 54 начальника Усть-Лабинской пересыльной тюрьмы всему личному составу военизированной пожарной охраны и административно-хозяйственным работникам запрещался выход за пределы учреждения в период с 30 апреля по 3 мая 1944 г. (Архив УФСИН России по Краснодар. краю. Ф. 102. Д. 7. Л. 24).

Кадровые проблемы препятствовали решению главной задачи, стоявшей перед ИТУ в период Великой Отечественной войны, по выполнению производственных планов [4, с. 156]. Поскольку в рассматриваемое время исправительно-трудовая система была важной составляющей экономической жизни страны, на сотрудников ИТУ ложилась задача обеспечения производственных планов. Как отмечают В. А. Пронько и В. Н. Земсков, «если в мирное время основной продукцией промышленных колоний ГУЛАГа являлись предметы ширпотреба, то с первых дней войны ГУЛАГ организовал на своих предприятиях выполнение заказов для нужд фронта» [5, с. 143]. Весьма сложным оказалось перефилирование производства на военный лад, в связи с чем в первые месяцы войны государственные задания по оборонной продукции не всегда выполнялись, за что сотрудники ИТУ несли наказания. Так, за срыв производственной программы и оборонных заказов по ИТК № 7 в 1941 г. и первом квартале 1942 г., за необеспечение планового ремонта лесозавода и автотракторного парка, непроведение мероприятий по сплаву и

запущенность производственного учета по лесопилению и лесозаготовкам начальник производственно-плановой части ИТК № 7 Сирота был уволен из органов НКВД (Архив УФСИН России по Краснодар. краю. 1942. Оп. 1/1. Д. 13. Л. 201).

Деятельность сотрудников пожарной охраны колоний также была усилена. В случае выявления нарушений по результатам проверки противопожарных мероприятий виновных привлекали к ответственности. Так, 19 мая 1942 г. приказом заместителя начальника ОИТК УНКВД по Краснодарскому краю начальнику лесозавода ИТК № 7 Ищенко был объявлен строгий выговор за невыполнение противопожарных мероприятий, предложенных по результатам ранее проведенной проверки, в ходе которой было установлено, что Ищенко допустил захламленность территории лесозавода древесными отходами, опилками, щепой и лесоматериалами (Архив УФСИН России по Краснодар. краю. 1942. Оп. 1/1. Д. 13. Л. 20).

Немаловажным направлением в работе с кадрами являлась массовая воспитательная работа с личным составом колоний, которая включала в себя: идеологическое обучение и воспитание, патриотическое воспитание, культурно-просветительную работу и т. д. При этом руководство ОИТУ УНКВД по Краснодарскому краю тщательно анализировало политико-воспитательную работу в случаях нарушения служебной дисциплины сотрудниками, усматривая их причины в неосуществлении таковой со стороны непосредственных начальников. Так, 18 апреля 1942 г. в результате преступного халатного отношения к несению караульной службы стрелком Головинской ИТК Петрусьяном допущен побег двух заключенных из-под стражи, за что он был арестован на десять суток. Начальник ИТК Филиппов объяснил плохое несение караульной службы отсутствием должной политико-воспитательной работы со стороны командира взвода ВОХРа Газиева и политрука взвода Дудникова. Вследствие этого Газиеву и Дудникову был объявлен выговор (Архив УФСИН России по Краснодар. краю. 1942. Оп. 1/1. Д. 13. Л. 200).

Одним из ведущих направлений в кадровой работе военного времени становится система профессиональной подготовки и переподготовки. 12 ноября 1943 г. заместителем Народного комиссара внутренних дел СССР по кадрам комиссаром государственной безопасности 3-го ранга Б. П. Обручниковым для упорядочения си-

стемы отбора и подготовки персонала ИТУ утверждаются единые «Условия приема в школы ГУЛАГ НКВД по подготовке руководящих кадров лагерного сектора». В документе предусматривался ряд педагогических особенностей, ставших впоследствии обязательными при профессиональной подготовке персонала для пенитенциарных учреждений, а также были определены наиболее востребованные должностные категории, подготовка которых целесообразна в школах ГУЛАГа: начальники лагерных подразделений и частей общего снабжения, культурно-воспитательных, учетно-распорядительных и санитарных частей [1, с. 168].

Наиболее активной формой обучения в рамках политико-воспитательной работы стали с 1943 г., после завершения немецко-фашистской оккупации Кубани, инструктивные сборы в краевом УНКВД начальников колоний и их подразделений. Особое внимание уделялось работе подразделений ВОХРа. Так, командиру отдельного дивизиона ВОХРа Егорову предписывалось в обязательном порядке ежемесячно проводить совещания с командно-офицерским составом ВОХРа с подведением итогов работы по охране за месяц с проработкой всех недостатков и планированием новых задач с оформлением соответствующих протоколов. Кроме того, заместителю командира дивизиона ВОХРа Кулишу в целях усиления и обеспечения массово-воспитательной работы среди личного состава по колониям было поручено в срок до 10 января 1944 г. доукомплектовать по взводам грамотными политруками и провести с ними семинары по вопросам усиления охраны и режима в колониях (Архив УФСИН по Краснодар. краю. 1943. Оп. 1/1. Д. 3. Л. 18). Большое внимание уделялось также индивидуальной воспитательной работе с личным составом.

Поиск эффективных организационно-педагогических методов функционирования системы учебных заведений обоснованно привел к реорганизации кадрового состава ГУЛАГа, способного успешно решать поставленные перед ним задачи в условиях как Великой Отечественной войны, так и наступающего мирного времени [1, с. 170].

Полагаем, что профессиональное обучение и переподготовка сотрудников уголовно-исполнительной системы по-прежнему является важнейшим направлением оптимизации кадрового обеспечения в условиях реформирования отечественной пенитенциарной системы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Волошин, Д. В.** Условия приема в школы ГУЛАГ НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны / Д. В. Волошин // Вестник Кузбасского института. – 2015. – № 2 (23). – С. 167–171.
2. **Кузьмин, С.** ГУЛАГ в годы войны / С. Кузьмин, Р. Гилязутдинов // Преступление и наказание. – 1998. – № 5. – С. 28–32.
3. **Остапенко, П. И.** Некоторые проблемы кадрового обеспечения исправительно-трудовых учреждений Краснодарского края в 1950-1970-х гг. / П. И. Остапенко, А. Д. Лебедева // Вестник Владимирского юридического института. – 2007. – № 1 (2). – С. 169–170.
4. **Печерский, В. А.** Некоторые аспекты деятельности исправительно-трудовых учреждений Красноярского края в годы Великой Отечественной войны / В. А. Печерский // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 428. – С. 151–159.
5. **Пронько, В. А.** Вклад заключенных ГУЛАГа в Победу в Великой Отечественной войне / В. А. Пронько, В. Н. Земсков // Новая и новейшая история. – 1996. – № 5. – С. 131–151.
6. **Федосеев, В. И.** Основные направления и особенности политико-воспитательной работы с офицерским составом УИС в период Великой Отечественной войны / В. И. Федосеев // Правовое и духовно-нравственное воспитание российского офицера : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (14 ноября 2014 г.) / под общей редакцией Р. А. Ромашова. – Самара : Самарский юридический институт ФСИН России, 2015. – С. 304–310. – ISBN 978-5-91612-095-0.

REFERENCES

1. Voloshin D. V. Usloviya priema v shkoly GULAG NKVD SSSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Conditions for admission to the GULAG schools of the NKVD of the USSR during the Great Patriotic War]. *Vestnik Kuzbasskogo institute – Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2015, no. 2 (23), pp. 167–171. (In Russ.).
2. Kuz'min S., Gilyazutdinov R. GULAG v gody vojny [GULAG during the war]. *Prestuplenie i nakazanie – Crime and Punishment*, 1998, no. 5, pp. 28–32. (In Russ.).
3. Ostapenko P. I., Lebedeva A. D. Nekotorye problemy kadrovogo obespecheniya ispravitel'no-trudovykh uchrezhdenij Krasnodarskogo kraja v 1950-1970-h gg. [Some problems of staffing of correctional labor institutions of the Krasnodar Territory in the 1950–1970s.]. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta – Bulletin of the Vladimir Law Institute*, 2007, no. 1 (2), pp. 169–170. (In Russ.).
4. Pecherskij V. A. Nekotorye aspekty deyatel'nosti ispravitel'no-trudovykh uchrezhdenij Krasnoyarskogo kraja v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Some aspects of the work of the correctional labor institutions of the Krasnoyarsk Territory during the Great Patriotic War]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of the Tomsk State University*, 2018, no. 428, pp. 151–159. (In Russ.).
5. Pron'ko V. A., Zemskov V. N. Vklad zaklyuchennykh GULAGa v Pobedu v Velikoj Otechestvennoj vojne [Contribution of GULAG Prisoners to Victory in the Great Patriotic War]. *Novaya i novejschaya istoriya – New and recent history*, 1996, no. 5, pp. 131–151. (In Russ.).
6. Fedoseev V. I. Osnovnye napravleniya i osobennosti politiko-vozpitatej'noj raboty s oficerskim sostavom UIS v period Velikoj Otechestvennoj vojny [The main directions and features of political and educational work with the officers of the penal system during the Great Patriotic War]. *Materialy konferencii «Pravovoe i duhovno-nravstvennoe vospitanie rossijskogo oficerstva»* [Materials of the conference «Legal and spiritual-moral education of Russian officers»]. Samara, 2015, pp. 304–310. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTORS

ИРИНА ЛЕОНИДОВНА ИЗЮМСКАЯ – начальник Межрегионального учебного центра по подготовке сотрудников отделов специального назначения Управления Федеральной службы исполнения наказаний по Краснодарскому краю, г. Сочи, Российская Федерация, кандидат юридических наук. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8823-7592>, e-mail: rochka1919@rambler.ru

IRINA L. IZYUMSKAYA – Head of the Interregional Training Center for the Special Force of the Federal Penal Service Administration in the Krasnodar Territory, Sochi, Russian Federation, PhD. in Law. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8823-7592>, e-mail: rochka1919@rambler.ru

DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-2-167-176

УДК 349.9.018.3

Причины насилия в семье**Ю. М. АНТОНЯН**

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0030-3031>, e-mail: antonyaa@yandex.ru

Реферат. В статье предпринята попытка определить природу семьи и на этой основе исследовать причины насилия в ней, обязательно учитывая внешние социальные условия ее существования. Причины насилия в семье рассмотрены в контексте причин насилия в целом. В поисках причин семейного насилия автор исходит из общего положения о том, что у человека есть инстинкт агрессии как наследство

человекообразных предков, с которым он не в состоянии справиться. Насилие, пережитое в детстве и ранней юности, убеждает человека, что только его собственная сила является надежной и что удовольствие насильственного контроля является единственной альтернативой его страданиям и способом защиты. Высказано мнение, что насилие как часть агрессии может быть злокачественным и доброкачественным (по Э. Фромму) и передаваться биологическим путем из поколения в поколение как одна из форм и условий жизнедеятельности человека. Автор приходит к выводу, что насилие – естественная склонность человека, акцентирует внимание на том, что сама природа агрессивна, когда на планете происходят землетрясения, наводнения, эпидемии и т. д. Высказывается мнение о том, что острые конфликты неизменно вредят воспитанию детей, трудовой деятельности, проведению досуга, состоянию здоровья, порождают преступное поведение.

Причины насилия в семье автор делит на группы (внутрисемейные, внешнесоциальные, экономические, «медицинские», индивидуальные), не углубляясь в исследование каждой из них. Объектом изучения становятся наиболее важные проблемы семейного насилия (семейное воспитание, страх смерти). В подтверждение своих выводов автор приводит яркие примеры из практики.

Ключевые слова: семья; насилие; причины насилия; общие детерминанты насилия (агрессии); тревога; страх смерти; мать; отец.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Для цитирования: Антонян Ю. М. Причины насилия в семье. *Пенитенциарная наука*. 2020; 14(2):167–176. DOI 10.24411/2686-9764-2020-167-176.

Causes of domestic violence

YU. M. ANTONYAN

the Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0030-3031>, e-mail: antonyaa@yandex.ru

Abstract. The article attempts to determine the nature of the family and on this basis to investigate the causes of violence in it, necessarily taking into account the external social conditions of its existence. The causes of domestic violence are considered in the context of the causes of violence in general. In searching for the causes of domestic violence, the author proceeds from the general position that a person has an instinct of aggression as a legacy of anthropoid ancestors, with which he is unable to cope. The violence experienced in childhood and early adolescence convinces a person that only his own strength is reliable and that the pleasure of violent control is the only alternative to his suffering and a way of protection. It has been suggested that violence as part of aggression can be malignant and benign (according to E. Fromm) and transmitted biologically from generation to generation as one of the forms and conditions of human life. The author concludes that violence is a natural tendency of a person, focuses on the fact that nature itself is aggressive when earthquakes, floods, epidemics occur on the planet. It is suggested that acute conflicts invariably harm the upbringing of children, labor activities, leisure activities, health conditions, give rise to criminal behavior.

The author divides the causes of domestic violence into groups (intrafamily, external social, economic, “medical”, individual), without delving into the study of each of them. The object of study is the most important problem of family violence (family education, fear of death). In support of his conclusions the author gives vivid examples from practice.

Key words: family; violence; causes of violence; common determinants of violence (aggression); anxiety; fear of death; mother; father.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law

For citation: Antonyan Yu. M. Causes of domestic violence. *Penitenciarnaya nauka = Penitentiary Science*. 2020; 14(2):167–176. (In Russ.). DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-2-167-176.

Причины насилия в семье представляют собой заметную часть общих причин агрессивной преступности. Однако установить их природу мы обязаны, несмотря на всю слож-

ность и неочевидность данного явления, но в этом как раз и состоит предназначение науки. И здесь недостаточно одних только эмпирических данных, даже полученных пу-

тем квалифицированных психологических и психиатрических изысканий. Необходима общая теория причин семейного насилия, которая позволит выработать практические меры по его предупреждению, хотя не следует обольщаться по поводу того, что можно вообще искоренить это явление.

В поисках причин семейного насилия нужно исходить из общего положения, что у человека есть инстинкт агрессии как наследство человекообразных предков, с которым он не в состоянии справиться. Главная опасность этого инстинкта состоит в спонтанности, неочевидности, неспособности личности обеспечить его постоянный контроль.

Сразу же надо отметить, что семья представляет собой не только социальную, но и биологическую группу, необходимую для существования человечества. В семье имеет место противоречие между ее социальным и биологическим (продление вида) назначением и потребностями (часто бессознательными) отдельного человека, которому требуется естественное и очень важное для него жизненное пространство, где он мог бы удовлетворить свои социальные и биологически обусловленные тенденции. Семья, иначе говоря, ограничивает, иногда очень существенно, его жизненные потенции, что не в равной степени относится к мужчине и к женщине. Последняя, как известно, в силу своего биологического призвания значительно лучше адаптирована к стеснению. Его способны переживать не только, конечно, супруги, но и любой член семьи. Названные противоречия как раз и порождают конфликты, хотя не все правонарушения порождаются именно конфликтами.

Конфликты за лидерство в семье или какой-нибудь иной статус, постоянный или временный, представляют собой стремление обеспечить себе наилучшие условия жизни, которые, по ощущениям члена семьи, ему необходимы. Причем противоречия здесь, особенно в случаях соперничества за верховенство, могут приобретать гротескный характер, чего, к сожалению, обычно не понимают участники «схватки».

О. Кернберг считает, что сильная привязанность к фрустрирующей матери является главным источником превращения ярости в ненависть. Причиной данного превращения является фиксация на травматических отношениях с фундаментально необходимым объектом, переживаемым как абсолютно плохой и разрушивший или поглотивший идеальный, абсолютно хороший объект.

Имеющее характер мести разрушение этого плохого объекта направлено на магическое восстановление абсолютно хорошего, но процесс мести ведет к разрушению самой способности «Я» к отношениям с объектом. Это превращение принимает форму не просто идентификации с объектом (матерью), но с отношением с нею, так что ненависть матери как преследователя, приводящая к боли, бессилию, чувству парализованности, также превращается в идентификацию с ней как с жестоким, всемогущим, разрушительным объектом. В то же время возникает потребность в поиске других объектов, на которые проецируется атакуемое, презируемое и унижаемое «Я». Идентифицируясь как со страдающим «Я», так и с садистским объектом, субъект сам оказывается поглощенным всеобъемлющей агрессией этих взаимоотношений [1, с. 125].

Позицию О. Кернберга можно интерпретировать так: страдание выливается в ненависть как основной способ мстительного триумфа над объектом, триумфа также над внушающей ужас репрезентацией «Я». Это достигается посредством проективной идентификации и символической мести за прошлые страдания. В целом мы рассматриваем выводы О. Кернберга как совпадающие с нашими, которые следует дополнить тем, что насилие, пережитое в детстве и ранней юности, убеждает человека, что только его собственная сила является надежной и что удовольствие насильственного, в том числе садистского, контроля является единственной альтернативой его страданиям и способом защиты.

Главная проблема в поисках детерминации насилия в семье состоит в том, чтобы выяснить, насколько условия существования семьи и каждого человека в ней ответственны за возникновение у него желания прибегнуть к насилию, причем такое желание следует расценивать как решение своей жизненной задачи. Успех здесь может доставить ему удовлетворение (удовольствие, если прибегнуть к психоаналитической терминологии). Недостижение требуемого результата способно породить новые конфликты, в том числе внутриличностные, связанные с унижением «Я», что для личности может быть совершенно неприемлемо. Известно, что человек способен принимать самого себя, если он адекватен некой виртуальной модели, которая им же формируется. Поэтому посягательство на «Я» всегда травматично, равно как и недостижение идентификации с моделью.

Э. Фромм считал, что объяснение жестокости и деструктивности человека следует искать не в унаследованном от животного разрушительном инстинкте, а в тех факторах, которые отличают человека от его животных предков. Он ссылается на Л. фон Берталанфи, который писал, что «в человеческой психике, без сомнения, есть некоторые деструктивные тенденции, которые похожи на биологические задатки. Однако самые угрожающие формы агрессивности далеко выходят за рамки проблемы самосохранения и саморазрушения. Они коренятся в собственно человеческой форме жизни, которая выше биологической и специфика которой обусловлена способностью к абстрактному мышлению, к созданию особого символического мира мысли, речи и общения» [3, с. 163].

Нет никаких оснований полагать, что человеческая агрессия и жестокость наследуются от животных. Понятие жестокости вообще неприменимо к ним, а агрессивны они в основном потому, что сталкиваются с необходимостью добывать пищу, обеспечивать себе пространство для жизни, защищать детенышей, отгонять (побеждать) соперника и овладевать самкой. Как и люди, животные испытывают удовольствие, в чем можно легко убедиться, почесав своей собаке живот или за ушами, однако они никогда не бывают жестоки и не проявляют агрессии ради агрессии, не нападают с целью получения удовольствия, как люди, никогда не мучают жертву. Э. Фромм приводит убедительный пример игры кошки с мышью: кошка делает это не для того, чтобы помучить мышь перед смертью, а только ради самой игры, так же кошка будет поступать в отношении любого движущегося предмета, например мотка шерсти.

Таким образом, мы видим, что человеческая агрессия резко отличается от агрессии животных прежде всего своей природой. Следует согласиться с мнением Л. фон Берталанфи, что агрессивность людей коренится в собственно человеческой форме жизни.

Людам свойственны агрессивность и агрессия не потому, что они их унаследовали от животных, а вследствие того, что они часть живого (животного) мира и поэтому не могут существовать без насилия для удовлетворения своих потребностей. Агрессия у людей и животных разная, и уже поэтому первые никак не могут унаследовать ее у вторых. Злокачественная (по Э. Фромму) агрессия – с целью получения удовольствия, при-

чинение жертве мучений, издевательства над ней, убийства из мести и т. д. – сформирована у человека после его появления на Земле независимо от животных. Дело в том, что рождение и развитие человеческих существ проходило в обстановке постоянных опасностей и угроз – со стороны природного окружения, зверей, других людей, непонимания их и самого себя. Вот тогда, на заре человечества, и возникли особенности его агрессии и способы ее реализации, но не сразу, конечно, а постепенно, очень постепенно. Благодаря своему мозгу только человек мог охватить окружающие его угрозы во всей их тотальности и сложности. Возникшие в этой связи переживания и эмоции у первых людей, как можно предположить, осели и закрепились в психике, в ее глубинах и, по всей видимости, также в биологии.

М. Элиаде и И. Кулиано писали, что эпохой мезолита следует датировать типично мужские обряды подражания хищникам. В начале 1970-х гг. появилась этнологическая фикция, согласно которой подобное поведение является куда более древним и связано с самим зарождением человеческого рода. Некоторые этнологи даже утверждали, что кровожадная агрессивность будто бы является проклятием нашей расы (под расой, по-видимому, авторы понимают все человечество. – Ю. А.). На самом деле, это всего лишь бездоказательные гипотезы, отражающие убеждения отдельных ученых в определенные эпохи. Охотничий инстинкт возник сравнительно недавно и не может служить главным фактором, определяющим историю человечества [4, с. 231]. Действительно, охотничий инстинкт не может служить главным фактором, определяющим историю человечества, однако в другими приведенными здесь положениями трудно согласиться. Прежде всего, человек не подражал хищникам, а убивал животных для того, чтобы получить пищу, и это было главным источником поддержания жизни до того, как он освоил злаки и научился одомашнивать животных. Поэтому нет никаких оснований считать, что охотничий инстинкт возник сравнительно недавно. Любят охоту и даже живут охотой (например, в первобытных общинах современной Африки) сравнительно мало людей, в то время как во время доисторического человечества к ней прибегало большинство, особенно мужчин. Вот почему охотничий инстинкт передается из поколения в поколение. Столетия цивилизации не смогли стереть эти первые следы, возникшие в результате взаимодействия че-

ловека и среды, поскольку угрозы остались (не со стороны, разумеется, саблезубого тигра, а новых видов оружия, вследствие не исчезающего острого соперничества, из-за бедности, неустроенности и т. д.). Жестокое насилие, доходящее до изуверства (например, у немецких нацистских преступников), было свойственно человечеству всегда.

Сам механизм перехода внешних воздействий в соматику неизвестен, если, конечно, наша гипотеза о причинах злокачественной агрессии верна. Однако не вызывает сомнений, что такая агрессия есть часть агрессии вообще, которая человечеству, как и животным, необходима, чтобы выжить. Следовательно, многое, хотя и не все, в формировании злокачественной агрессии зависит от воспитания, но ни семья, ни школа, ни неформальная группа не учат садизму или некрофилии, точнее, чрезвычайно редко делают это специально. Получать удовольствие от мучений своей жертвы, проявлять садизм, совершать убийство ради убийства – свойство самого человека, непонятной ему, но могучей силы, сидящей в нем самом. Насилие – естественная склонность человека. Не надо забывать, что сама природа агрессивна, когда на планете происходят землетрясения, наводнения, эпидемии и т. д.

Острые конфликты неизменно вредят воспитанию детей, трудовой деятельности, проведению досуга, состоянию здоровья, порождают преступное поведение.

Причины насилия в семье можно разделить на следующие группы:

– внутрисемейные, то есть порожденные отношениями в самой семье, в том числе интимными;

– внешнесоциальные, то есть реализующиеся в семейном насилии обиды, унижения, провалы, имевшие место вне семьи, но компенсированные в ней;

– экономические, то есть созданные низким материальным достатком в семье, плохими жилищными условиями и т. д.;

– «медицинские», то есть вызванные тяжелыми болезнями, особенно хроническими, в том числе психическими, инвалидностью, одного или нескольких членов семьи;

– индивидуальные, то есть связанные с особенностями психологии (и морали, вписанной в психологию) данного члена семьи или(и) расстройствами его психики.

Этот реестр причин может быть подвергнут самой суровой критике, но тем не менее есть возможность говорить о самой главной среди них – об индивидуальных особенностях личности данного члена се-

мьи. Все остальные факторы внутри семьи, внешнесоциальные и другие неизбежно будут осваиваться индивидом, причем в каждом случае в зависимости от его психологии и состояния психики. Расстройство последней, даже временное, может привести к самым трагическим последствиям.

В работе не будут исследованы отдельно каждая из названных групп причин. Объектом изучения станут наиболее важные проблемы семейного насилия для понимания его природы и причин.

Разные по своей природе причины способны переплетаться, не только усиливая, но и ослабляя друг друга в зависимости от того, где они существуют: в каком социальном слое, в какой культуре, в каком регионе. Названные причины могут породить конфликты и противоречия в семье, которые в свою очередь способны вызывать преступное поведение. Но не все преступления бывают связаны с конфликтами в семье, например убийства с целью завладения имуществом или деньгами родственника либо супруга (супруги).

В поисках причин преступного насилия в семье необходимо сосредоточить внимание не только и даже не столько на объективно сложившейся ситуации в ней, сколько на субъективном восприятии ее сторонами конфликта или, если нет конфликта, на внутриличностных переживаниях виновного. Только в этом возможно установление истинных мотивов поведения всех лиц (и в первую очередь преступника) в сложившихся обстоятельствах. Это весьма непростая задача, почти всегда обусловленная сложными отношениями в семье и трудностями их понимания.

В российском обществе, как и во многих других странах, есть низший социальный слой – слой бедняков. Там многие живут за чертой бедности, много безработных или временно занятых в труде, большинство имеет мизерные заработки. Бедняки отличаются низким уровнем общей и профессиональной культуры, интеллекта и потребностей, среди которых преобладают материальные. Они не живут, а проживают, не видя для себя особых перспектив, часто пьянствуют, причем к спиртному приобщаются в 14–15 лет, иногда и раньше, с этого же возраста многие курят и вступают в сексуальные отношения; охотно прибегают к грубому физическому насилию, сквернословят, не проявляют должного уважения к окружающим, в том числе к старикам и женщинам. О хороших манерах они просто не знают.

В этой связи следует посмотреть на статистические данные по России о наименее экономически обеспеченных группах населения. В 2013 г. численность населения с денежными доходами ниже прожиточного уровня составляло 10,8 %, в 2014 г. – 11,3 %, в 2015 г. – 13,4 %, в 2016 г. – 13,3 %, в 2017 г. – 12,9 %, в 2018 г. – 12,6 %. Иными словами, примерно каждый девятый обладает доходом ниже прожиточного уровня. Это составляет 18–19 млн чел.

Названный слой является основным поставщиком воров. Там же чаще, чем в других социальных сферах, имеет место насилие в семье, и там же женщины, не жалуясь, сносят побои мужей или сожителей, боясь потерять кормильцев. Разумеется, этот вид насилия встречается и среди людей, принадлежащих к среднему классу и элите, но его масштабы среди последних намного меньше.

Однако только такой социологический анализ недостаточен для объяснения причин насилия в семье. Его детерминация должна быть адекватно исследована еще и в культурологических, психологических и психиатрических аспектах. Культурологическое исследование предполагает максимальный учет культурной принадлежности данной общности. Например, социальные статусы женщины, ребенка, старика и др. будут разными в разных культурах. Если опираться на религиозные ориентиры, то можно выделить христианскую, исламскую и буддистскую культуры семьи. Но упомянутые статусы важны и в рамках национальной культуры. Так, можно отметить высокий статус девушки (молодой женщины) среди французов или англичан и низкий среди цыган. Но цыганка, старея, все больше повышает свой статус, старая цыганская женщина становится архетипом великой матери с высоким статусом. Различны статусы стариков среди русских людей и народов Северного Кавказа. Перечень примеров можно продолжить, но уже из числа приведенных ясно, как важно учитывать культуру, образованную под влиянием религии и традиций данной нации.

В такой многонациональной стране, как наша, неизбежны конфликты культур в семье. Один из самых распространенных путей состоит в следующем: в Россию приезжает много мигрантов из ближнего зарубежья (бывших союзных республик), в исконно русские регионы мигрируют представители национальных республик России, например Северного Кавказа. И те и другие нередко

вступают в брачные отношения с представителями коренного населения. Так образуются семьи, в которых соединяются представители разных культур, взгляды которых на поведение и образ жизни, особенно в семье, на воспитание детей, на отношение к старшему поколению могут не совпадать и породить на этой почве конфликты.

Иногда названные мигранты из обеих групп переселяются семьями, в которых имеются дети, они начинают учиться в школе и через своих сверстников воспринимать вестернизированную городскую культуру (если семья приехала в город, особенно крупный). Подростки и молодые взрослые начинают вести себя так, как это совсем не нравится их родителям. Начинаются конфликты в семье зачастую с применением насилия к детям, больше к девочкам (девушкам).

Важным источником формирования причин насилия, в частности в семье, является сама семья, точнее, семейное воспитание. Имеется множество убедительных доказательств того, что в семьях с прочными, теплыми эмоциональными контактами, уважительным отношением к детям у подрастающего поколения активнее формируются такие качества, как коллективизм, доброжелательность, внимательность, способность к сопереживанию, самостоятельность, инициативность, умение разрешать конфликтные ситуации и др. Все это делает их коммуникабельными, обеспечивая высокий престиж в группе сверстников. Напротив, чем меньше тепла, ласки, заботы получает ребенок, тем медленнее он формируется как личность. Даже недостаточное внимание, низкая частота общения родителей и детей (гипоопека) по самым разным причинам, в том числе объективным, нередко вызывают у последних эмоциональный голод, недоразвитость высших чувств, инфантильность личности.

У психологически отчужденного от семьи ребенка формируется высокая тревожность при полном чаще всего непонимании ее природы и истоков, неясной для него, но ожидаемой агрессии, в целом восприятие среды как враждебной и, как следствие, тоже враждебное отношение к ней. По механизмам импринтинга подобные контакты с окружающим миром становятся стабильной, хотя бессознательной или плохо осознанной установкой. Она может сохраниться на всю жизнь, проявляясь в самых различных формах, – от упреждения мнимой опасности с помощью насилия до постоянного недоверия другим.

Как показали наши эмпирические изыскания, психологические раны, наносимые ребенку жестоким насилием в детстве, «уходят» в глубины психики и начинают вести там автономное существование. Они могут не меняться даже при благоприятных в дальнейшем жизненных обстоятельствах и появиться вдруг в деструктивных и даже весьма жестоких действиях. У мужчин агрессивные вспышки происходят обычно в состоянии опьянения, когда они менее всего контролируют себя. Если объектами их агрессии становятся дети и подростки, это позволяет предположить, что на психологическом уровне они пытаются покончить жизнь самоубийством, нападая на эти жертвы и пытаясь тем самым стереть впечатления своего собственного детства или отрочества. В других случаях они нападают на женщин, которые намного старше их по возрасту, что дает основание думать, что это агрессия против их матерей – опять-таки на психологическом уровне.

Дефицит общения у ребенка с отцом и матерью с негативными последствиями может возникать и по таким уважительным причинам, как их загруженность по работе, длительные служебные командировки, хронические болезни и т. д.

Психологическое отчуждение ребенка родителями не единственная причина формирования агрессивной личности. Нередко это происходит иным путем: у ребенка и подростка есть необходимые эмоциональные связи с родителями, но именно родители демонстрируют ему пренебрежительное отношение к нравственным и правовым запретам, образцы противоправного поведения (например, постоянно пьянствуют, учиняют хулиганские действия и т. д.). Поэтому подросток сравнительно легко усваивает эти образцы, соответствующие им взгляды и представления, которые вписываются в его психологию и начинают стимулировать его поступки. Можно сказать, что ненадлежащее воспитание в семье может стать причиной насилия против той же самой семьи или иной, созданной впоследствии.

Совершенно не обязательно, что при традиционном господстве мужчины в семье, предписанном данной культурой, он станет постоянно принуждать женщину к повинности, а когда нужно, применять для этого насилие. В таких культурах девочка, девушка уже воспитывается так, что она будет вполне добровольно, а иногда и автоматически подчиняться мужчине, в первую очередь мужу, поэтому у него не будет нужды ее за-

ставлять что-то делать, прибегая к силе, или наказывать за что-то, если он не садист и у него нет психических отклонений.

Подростки, по разным причинам не включенные в эмоциональную матрицу семьи, ищут себе другую группу, в которой они способны найти понимание, поддержку и защиту, в том числе психологическую. Обычно это неформальная группа таких же вытолкнутых из семьи юношей и девушек. Такие группы становятся референтными [2, с. 360–427] для каждого из них. Поэтому они будут воспринимать ее ценности и ориентации, в частности включающие в себя насилие как способ разрешения ситуации или привычная форма поведения.

Можно выделить преступников, совершающих агрессивные преступления против члена своей семьи, действия которых имеют достаточно четкий, даже иногда осознаваемый личностный смысл. Здесь имеет место не просто физическое уничтожение другого, но попытка уничтожить жертву и на психологическом уровне. Этот тип сопоставим с самоутверждающимся типом, описанным в литературе.

В этом случае у преступника вызываются такие эмоции, как страх унижения, потери собственного достоинства, попытки любым унижительным способом спасти свою жизнь и т. д. Образно говоря, здесь происходит как бы двойное уничтожение – сначала личности, а потом человека как физического объекта. Мотивация таких действий отличается сложностью и имеет смысл глобального самоутверждения над другим. Корни такой мотивации обычно лежат в крайне жестких и унижительных условиях социализации будущего преступника начиная с его раннего детства. В любом случае подобные условия непосредственно предшествовали совершению преступления, причем они соседствовали и с такими обстоятельствами, которые унижали честь и достоинство человека на протяжении совместной жизни. В противном случае напряжение в связи с постоянным унижением и потребностью в самоутверждении не возникало бы. Результатом, выходом такого напряжения и является убийство родного человека. Оно может быть совершено в отношении любого члена семьи, который объективно вроде бы совсем не должен генерировать напряжение. Это возможно благодаря действию психологического механизма – переносу. Он связан и со стремлением компенсировать собственные аналогичные ощущения, то есть здесь имеет место не только попытка «возвраще-

ния ударов», но и стремление восстановить собственное внутреннее благополучие за счет постановки другого в наиболее унизительную и разрушительную позицию по отношению к себе. Ярким примером здесь может служить следующий:

В., будучи в нетрезвом состоянии, жестоко избил свою жену, нанес ей удары ногами, пытался задушить ее. Одновременно он нанес удары ногами и своему двухмесячному сыну. Жене удалось вырваться и выбежать из дома. После чего В., схватив сына, ударил его об пол.

Как показало исследование, В. испытывал большую ненависть к собственному отцу, указывал на то, что ничего хорошего от него не видел, поскольку тот постоянно избивал мать на его глазах, воспитывал его в атмосфере грубости и цинизма, часто издевался над матерью. Однажды явился свидетелем того, как отец разрубил армейским бидоном нос матери. Удовлетворения от отношений с отцом не испытывал, даже в тех случаях, когда тот брал его с собой на работу, сажал с собой за трактор или когда они вместе ходили за грибами. С большим уважением относился к своей матери, боготворил ее. При его женитьбе мать была против будущей жены. Отношения с невесткой сразу не сложились и были напряженными. Ему мать постоянно ставила условие: «Хорошо, женись, но в дом не приводи». Со своей женой В. был знаком с третьего класса, они сидели за одной партией.

При нашей попытке выяснения отношения жены к его матери он от прямого ответа уходил, «закрывался» и пояснял только, что она матерью ее не называла. Проживая с женой около года, как пояснил В., он постоянно находился «между двух огней». О семье жены отзывался с искренней теплотой. В этой семье были две малолетние сестры жены, которым в течение последних лет потерпевшая заменяла скончавшуюся мать.

Как мы видим, у этого убийцы напряжение возникло с раннего детства и продолжалось всю последующую жизнь, выражаясь в цепи: отец – В. – мать – В. – жена. Поводом к преступлению послужил очередной конфликт между В. и его женой. Причиной послужило накопленное напряжение и перенос его от ненавистной жены, которая конфликтовала с обожаемой им матерью, к своему сыну, который бессознательно ощущался как продолжение жены, то есть, убивая ребенка, он на психологическом уровне убивал жену.

Вместе с тем нельзя не отметить и такой глубинный фактор, на наш взгляд, опреде-

ляющий убийство своего сына: его уничтожение явилось для В. прежде всего уничтожением тяжелых психотравмирующих переживаний своего детства. Собственный сын ассоциировался с его детством, воспоминания о котором и связанные с ним переживания на бессознательном уровне доставляли ему глубокие психотравмы, ликвидация которых на этом уровне субъективно выразилась в совершении данного убийства.

Далее следует отметить, что наряду с перечисленными мотивами, побуждающими к совершению убийства члена семьи, существует и другой глубинный мотив, не менее существенный, – страх смерти.

Страх смерти – это постоянное ощущение, редко осознаваемое и обычно томящееся в глубинах психики. У подавляющего большинства людей образ смерти, мысли о ней вызывают негативные, деструктивные эмоции как нечто неведомое и ужасное. Исключение составляют, возможно, те, которые верят в загробную жизнь, причем в их числе могут быть и нерелигиозные люди. Не вызывает сомнений, что у человечества в целом однозначно негативное отношение к смерти, что способствует формированию аналогичных позиций у конкретных лиц.

Страх смерти способен оставаться в рамках нормы, всю жизнь незримо сопровождать человека и незаметно влиять на его поступки. Но в некоторых случаях, чаще всего в результате эмоционального отвержения родителями своего ребенка, необеспечения его своим попечением, этот страх может выйти за указанные рамки. Тогда личность начинает острее ощущать, что нечто грозит ему гибелью сейчас и необходимо поэтому что-то предпринять, например упреждающие насильственные действия. Острота угрозы далеко не всегда выражается только в том, что индивид начинает думать о неизбежной кончине, ищет и находит ее предвестников, лишь определенным образом объясняет некоторые предметы и события, постепенно подчиняя предчувствиям всего себя. Иногда смертельная опасность представляется ему в отношениях, высказываниях и поступках других лиц, хотя объективно они могут и не быть таковыми.

Как отмечалось выше, наиболее острые ощущения смерти очень часто формируются в результате эмоционального отвержения родителями (в первую очередь матерью) ребенка, его психической депривации в семье. Как известно, ребенок больше всего нуждается в психологической защите, попечении

и любви именно в детстве, в период своей абсолютной беспомощности. Если такое отношение родителей отсутствует, у ребенка не возникает уверенности в своем праве на существование, своей самоидентичности, автономии «Я» от «не-Я», а также, что очень важно, чувства безопасности. Напротив, он бессознательно ощущает себя очень уязвимым и незащищенным, поскольку его оставили те, кто самой природой определен быть попечителем ребенка.

Поэтому страх за свое существование начинают вызывать самые различные явления и окружающие люди. Именно такой страх порождает кровавое насилие, поскольку субъект, уничтожая других, тем самым подавляет в себе страх смерти. Ярким примером тому может служить поведение Сталина и Гитлера, которые к тому же, что особенно важно, тяготели к смерти, то есть являлись некрофилами. Возвращаясь к такому глобальному мотиву, как страх смерти, следует сказать, что рассматриваемые убийцы, ощущая себя вершителями жизней членов семьи, обладают высоким уровнем страха смерти. Совершая насилие, они пытаются ликвидировать этот страх, снизить собственную неуверенность, высокую тревожность, как бы отодвинуть от себя смерть.

Неслучайно страх смерти мы определили как глобальный мотив. По нашему мнению, он является одной из основных побудительных сил у большинства изученных убийц. Эти преступники в подавляющем большинстве испытывали психическую депривацию на этапе раннесемейных отношений, постоянно переживали чувство угрозы своему существованию, ощущали свою уязвимость и незащищенность на бессознательном уровне. Поэтому можно утверждать, что страх смерти как мотив может присутствовать и побуждать к совершению убийств членов семьи.

Вместе с этим страх смерти может выступать и отдельным главным мотивом. В первую очередь, он более наглядно может проявляться, ближе выступать на поверхность у той категории преступников, которая подвергалась различному давлению со стороны их будущей жертвы до совершения ими преступления.

Так, например, несовершеннолетний Б. совершил убийство своего брата Е. при следующих обстоятельствах. Е. ранее неоднократно избивал Б. и С., требовал у них денег, унижал, всячески издевался над ними, нередко в присутствии других лиц. При этом неоднократно угрожал им убийством, причем такие угрозы носили реальный харак-

тер. Об этом свидетельствовал образ жизни Е., положение его в микросреде и все его предшествовавшее поведение. Б. и С. предварительно договорились между собой о совершении убийства Е. В безлюдном месте вырыли яму, спрятали там же ранее принесенный топор. Далее под предлогом совместного распития спиртных напитков и игры привели Е. в заранее подготовленное место. Совместно распивая спиртные напитки, С. отвлекал Е. игрой в домино, Б., пользуясь этим и действуя по намеченному плану, подошел к Е. со стороны спины и несколько раз нанес удары топором, преимущественно в область головы и туловища. Затем, реализуя свой замысел и желая довести его до конца, Б. взял нож у С. и нанес им 15 ранений в различные части тела Е. После чего они совместно с С., все это время наблюдавшим за действиями Б., закопали Е. в заранее подготовленную яму и скрылись с места совершения преступления.

Подобное убийство своего брата берет свое начало именно в существовании страха смерти, причиной которого являлся в данном случае Е. Важно в этой связи подчеркнуть, что братья росли и воспитывались в неблагополучной семье, где существовал описанный выше неблагоприятный психологический климат: родители ими не занимались, не любили их и не заботились о них. Отвергнуты они были и в школе. Вместе с тем постоянное насилие со стороны Е., наносимые им унижения и оскорбления в их адрес также существенно влияли на их статус, на отношение к ним сверстников. Поэтому насилие с их стороны выступило в качестве утверждения и самоутверждения. Практически растерзав Е., принося ему невыносимые страдания, что называется, без остатка уничтожая его и не обращая внимания на его мольбы (а он молил о пощаде), они ощущали всю полноту и значимость своей личности. Восстанавливая свой статус, они подтверждали свое место в жизни. Грубые отношения в семье и издевательства в отношениях между ее членами могут отражать потребность утверждения своей безраздельной власти.

Существенно еще раз подчеркнуть, что истоки такого страха коренятся в далеком детстве, в раннесемейных отношениях и основываются на природе отношений родителей и детей, в которых последние ощущают свою незащищенность, отвергнутость и высокую тревожность за свое биологическое, а впоследствии и социальное существование.

Связь ребенка с отцом и матерью различна. Новорожденный воспринимает мать сразу после рождения, инстинктивно ощущая в ней самый близкий, более того, единственный для себя объект. Ничего другого в этот период для него не существует. Отца он начинает воспринимать

позже, причем на фоне своей крепкой привязанности к матери. Поэтому есть все основания считать, что связь с ней является фундаментальной, но она может ее нарушить, порождая фрустрацию у ребенка, следы которой могут сохраниться на всю жизнь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кернберг, О. Агрессия при расстройствах личности / О. Кернберг // Психология человеческой агрессивности : хрестоматия / составитель К. В. Сельченко. – Минск : Харвест, 1999. – С. 115–168. – ISBN 985-433-514-3.
2. Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон. – Москва : АСТ : АСТ МОСКВА : Хранитель, 2006. – 873 с. – ISBN 5-17-029089-6 (АСТ), 5-9713-0703-7 (АСТ МОСКВА), 5-9762-0143-1 (Хранитель).
3. Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм. – Москва : Республика, 1994. – 447 с. – ISBN 5-250-02472-6.
4. Элиаде, М. Словарь религий, обрядов и верований / М. Элиаде, И. Кулиано. – Москва : Академический Проект, 2014. – 384 с. – ISBN 978-5-8291-1591-3.

REFERENCES

1. Kernberg O. Agressiya pri rasstrojstvah lichnosti [Aggression in personality disorders]. *Psihologiya chelovecheskoj agressivnosti* [The Psychology of Human Aggression]. Minsk, 1999, pp. 115–168. (In Russ.).
2. Merton R. *Social'naya teoriya i social'naya struktura* [Social Theory and Social Structure]. Moscow, 2006. 873 p. (In Russ.).
3. Fromm E. *Anatomiya chelovecheskoj destruktivnosti* [The Anatomy of Human Destructiveness]. Moscow, 1994. 447 p. (In Russ.).
4. Eliade M., Kuliano I. *Slovar' religij, obryadov i verovanij* [Dictionary of Religions, Rites and Beliefs]. Moscow, 2014. 384 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTORS

ЮРИЙ МИРАНОВИЧ АНТОНЯН – профессор кафедры уголовного права и процесса Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва, Российская Федерация, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0030-3031>, e-mail: antonyaa@yandex.ru

YURIJ M. ANTONYAN – Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation, Dsc. in Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0030-3031>, e-mail: antonyaa@yandex.ru

DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-2-176-184

УДК 343.842

Идея прогрессивной системы исполнения уголовных наказаний и ее развитие в отечественной пенитенциарной науке

А. Л. САНТАШОВ

Северо-Западный институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Вологда, Российская Федерация

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1044-1697>, e-mail: santashov@list.ru

А. Б. СКАКОВ

Костанайская академия МВД Республики Казахстан им. Ш. Кабылбаева, г. Астана, Республика Казахстан;

Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4199-5473>, e-mail: aidarkan@mail.ru

Реферат. В статье рассматриваются теоретические и прикладные вопросы развития прогрессивной системы исполнения и отбывания уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера. По мнению авторов статьи, прогрессивная система является комплексным, межотраслевым институтом, состоящим из самостоятельных институтов уголовного и уголовно-исполнительного права, при применении которых правовое положение осужденного меняется в зависимости от степени его исправления либо в сторону расширения его прав, либо в сторону их ограничения.

В исследовании проведен анализ научных представлений о прогрессивной системе, ее воплощении в уголовно-правовой и уголовно-исполнительной политике, реализуемой в Российской Федерации в области исполнения лишения свободы. В связи с наличием ряда существенных недостатков необходимо дальнейшее совершенствование правовой регламентации процесса исполнения наказаний и иных мер уголовно-правового характера, альтернативных лишению свободы. Так, правовое регулирование исполнения всех мер уголовно-правового воздействия следует осуществлять посредством уголовно-исполнительного законодательства, а применение правовых институтов прогрессивной системы исполнения лишения свободы возможно распространить и на другие, альтернативные ему наказания.

Авторы считают целесообразным единый подход в формировании уголовного и уголовно-исполнительного законодательства по прогрессивной системе исполнения и отбывания уголовных наказаний. Кроме того, в проекте Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, по их мнению, необходимо предусмотреть расширение границ предмета уголовно-исполнительного права не только за счет регулирования исполнения и отбывания иных мер уголовно-правового характера на уголовно-исполнительном уровне, но и других институтов уголовного права, имеющих уголовно-исполнительный характер: видов наказаний, системы исправительных учреждений, исполнения наказаний, альтернативных лишению свободы; осуждения условно, замены наказания, условно-досрочного освобождения.

Ключевые слова: прогрессивная система; исполнение и отбывание уголовных наказаний; иные меры уголовно-правового характера; дифференциация и индивидуализация наказания; осужденный; исправительное учреждение.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Для цитирования: Санташов А. Л., Скаков А. Б. Идея прогрессивной системы исполнения уголовных наказаний и ее развитие в отечественной пенитенциарной науке. *Пенитенциарная наука*. 2020; 14(2):176–184. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-2-176-184.

The idea of a progressive system of execution of criminal sentences and its development in the domestic penitentiary science

A. L. SANTASHOV

the North-West Institute (branch) of the Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (Moscow State Law Academy), Vologda, Russian Federation
the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Vologda, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1044-1697>, e-mail: santashov@list.ru

A. B. SKAKOV

the Kostanay Academy of the MIA of the Republic of Kazakhstan named after Sh. Kabyibaev, Astana, Republic of Kazakhstan;
the Academy of the Federal Penal Service of Russia, Ryazan, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4199-5473>, e-mail: aidarkan@mail.ru

Abstract. The article discusses theoretical and applied issues of developing a progressive system of execution and serving of criminal sentences and other measures of a criminal law nature. According to the authors of the article the progressive system is a complex, intersectoral institution consisting of independent institutions of criminal and penal law, in the application of which the legal status of the convicted person changes

depending on the degree of correction, either in the direction of expanding his rights or in the direction of their restriction.

The study analyzes the scientific ideas about the progressive system, its implementation in the criminal law and penal policy implemented in the Russian Federation in the field of the execution of imprisonment. In connection with the presence of a number of significant shortcomings, it is necessary to further improve the legal regulation of the process of execution of sentences and other measures of a criminal law nature, alternative to imprisonment. Thus, the legal regulation of the implementation of all measures of criminal legal influence should be carried out through criminal enforcement legislation, and the use of legal institutions of a progressive system of the execution of imprisonment can be extended to other alternative punishments.

The authors consider it appropriate to have a unified approach to the formation of criminal and penal legislation on a progressive system of execution and serving of criminal sentences. In addition in the draft Criminal Executive Code of the Russian Federation, in their opinion, it is necessary to provide for the expansion of the boundaries of the subject of the penal law, not only by regulating the execution and serving of other measures of a criminal law nature at the penal level, but also other criminal enforcement institutions rights: types of sentences, correctional system, execution of sentences, alternative to imprisonment; probation, commutation of punishment, grant of parole.

Key words: progressive system; execution and serving of criminal sentences; other measures of a criminal law nature; differentiation and individualization of punishment; convicted persons; correctional facilities.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law

For citation: Santashov A. L., Skakov A. B. The idea of a progressive system of execution of criminal sentences and its development in the domestic penitentiary science. *Penitenciarnaya nauka = Penitentiary Science*. 2020; 14(2):176–184. (In Russ.). DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-2-176-184.

Традиционно при рассмотрении вопросов дифференциации исполнения наказания в юридической литературе в первоочередном порядке поднималась проблема прогрессивной системы исполнения (отбывания) уголовных наказаний. Так, в 1997 г. вышла в свет книга профессора кафедры уголовного права МГУ им. М. В. Ломоносова Ю. М. Ткачевского, ставшая без преувеличения настоящим бестселлером среди ученых-пенитенциаристов и выдержавшая два переиздания [22]. Несколько ранее данные проблемы поднимались советскими учеными из Белорусского государственного университета [2].

Несмотря на то что прогрессивная система как способ отбывания наказания известна и применяется различными государствами более полутора веков и ей посвящены многочисленные теоретические разработки, у нее были и до сих пор есть как убежденные сторонники (Г. А. Аванесов [1], Н. А. Беляев [3], О. И. Бажанов, Ю. М. Ткачевский, Ю. К. Якимович [29] и др.), так и противники (А. Е. Наташев [14], А. Сольц, С. Файнблит [19], В. А. Фефелов [25] и др.).

В историческом плане отношение к прогрессивной системе не было однозначным, особенно в период Советского государства и права, как со стороны законодателя, ученых, так и со стороны практических работников [30]. В конечном счете все аргументы

ее противников сводились к ее несоответствию классовой судебно-исправительной политике. И лишь в 1970–1980 гг. практически общепризнанным стало положение, что отбывание лишения свободы должно строиться на основе прогрессивной системы [28, с. 12].

В юридической литературе среди убежденных сторонников прогрессивной системы сохранилась дискуссия по поводу ее сущности. Так, например, Н. А. Стручков обоснованно выступал против отождествления прогрессивной системы с полным исполнением наказания. Он исходил из того, что прогрессивная система всего лишь часть процесса исполнения наказания, проявление его дифференциации [20, с. 93–94]. Справедливости ради следует отметить, что Н. А. Стручков считал категорически невозможным использование в исправительно-трудовом праве термина «прогрессивная система» и предлагал рассматривать институт изменения условий содержания осужденных. Вместе с тем он является одним из первых советских ученых, который ввел в теорию исправительно-трудового права термин «дифференциация» [21, с. 177].

По мнению Ю. М. Ткачевского, прогрессивная система является одной из частей (элементов) режима исполнения наказания и реализуется путем изменения карательного воздействия в ту или иную сторону

[22, с. 133]. Действительно, кара осужденного осуществляется только через режимные правила исполнения любого наказания. Следовательно, предписания прогрессивной системы являются не только частью карательно-воспитательного процесса, но и частью режима исполнения наказания.

Систему организации режима в исправительных учреждениях, которая предусматривает изменение условий содержания осужденных в зависимости от результатов исправительного воздействия, также принято именовать прогрессивной системой. Следует отметить, что в широком смысле прогрессивная система исполнения уголовных наказаний включает в себя следующие элементы: изменение условий отбывания наказания в границах одного и того же исправительного учреждения; изменение вида исправительного учреждения; замену одного уголовного наказания другим в процессе их исполнения; осуждение за совершение преступления в процессе исполнения наказания [23, с. 85–128]. Она является одной из основных форм реализации принципа дифференциации исполнения наказания. При этом, как справедливо отмечал О. И. Бажанов, определение прогрессивной системы только как особого порядка отбывания наказания в виде лишения свободы необоснованно сужает ее цели [2, с. 69–70]. Она понималась как совокупность правил, регулирующих изменение условий отбывания наказания и характер этих изменений в зависимости от достижения осужденными определенной степени исправления и отбытия установленного срока наказания [11, с. 3–4].

В более поздних источниках прогрессивная система исполнения и отбывания уголовных наказаний рассматривалась как «регламентированный нормами уголовного, уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального права конкретизированный применительно к видам исправительных учреждений порядок применения стимулирующих правопослушное поведение организационных, режимных, воспитательных и иных мер исправительного воздействия, основанный на осознаваемой осужденным возможности изменений условий его содержания и правового положения в зависимости от его поведения как в сторону ухудшения, так и улучшения, вплоть до условно-досрочного освобождения от наказания» [17, с. 15].

В научной литературе также утверждалось, что институт изменения условий отбывания наказания осужденными представляет со-

бой часть прогрессивной системы исполнения [6, с. 108–109] и отбывания наказаний [24, с. 238]. Однако, по мнению В. Е. Южанина и Д. В. Горбань, понятие «изменение условий отбывания наказания» не равнозначно понятию «прогрессивная система», поскольку последняя представляет собой несколько последовательно следующих друг за другом стадий отбывания наказания, влекущих за собой улучшение правового положения осужденных с обязательным включением стадии подготовки их к освобождению и оказания помощи в социальной адаптации [27, с. 148].

Наиболее оптимальной нам представляется позиция Ю. М. Ткачевского: «Прогрессивной системой исполнения уголовных наказаний является установленный законом порядок изменения условий исполнения уголовных наказаний, улучшающий или ухудшающий правовой статус осужденного в зависимости от его поведения, отношения к отбываемому наказанию» [22, с. 132].

Вполне объяснимо, что с течением времени представления о прогрессивной системе, формах и видах ее реализации существенно менялись. Совершенно справедливо отмечает Ю. М. Ткачевский, что сам этот термин условен [22, с. 3–4], хотя в последнее время предпринята попытка его подкорректировать. Так, А. Е. Шевченко использует в своей работе понятие «прогрессивно-регрессивная система» [26]. По его мнению, в случае хорошего поведения осужденного и, соответственно, улучшения условий отбывания наказания имеет место прогрессивный элемент, и наоборот, при плохом поведении и ухудшении условий – регрессивный.

Вместе с тем большинство авторов скептически относятся к такого рода терминологическим нововведениям, поскольку предложенная формулировка не полностью отражает сущность прогрессивной системы. При ее применении ключевым является то обстоятельство, что осужденный постоянно ощущает перспективу изменения своего положения как в сторону улучшения, так и в сторону ухудшения. Таким образом, с точки зрения карательно-воспитательного воздействия возможность увеличения объема кары выступает как прогрессивный элемент [18, с. 7].

В данном случае следует согласиться с А. Е. Шевченко, так как оба элемента следует рассматривать в диалектическом единстве как два способа выражения реакции общества на изменение поведения осужденного [26, с. 3–6].

Особое значение в раскрытии сущности прогрессивной системы имеют ее признаки

(свойства), к числу которых относятся следующие:

1) наглядность применения (личный опыт и пример осужденных демонстрирует связь положительного или негативного поведения субъекта, его отношения к режимным правилам исполняемого наказания с изменениями его правового положения в лучшую или худшую сторону);

2) обоснованность (справедливость) применения;

3) равенство возможностей (все осужденные имеют равные возможности на улучшение условий содержания);

4) значительность и ощутимость изменений режима исполнения наказания в связи с переходом на ту или иную ступень прогрессивной системы;

5) неоднократность применения;

6) реализация путем применения поощрительных и охранительных норм уголовного и уголовно-исполнительного права.

Как справедливо отмечал А. С. Михлин, пенитенциарная практика свидетельствует о необходимости постоянного совершенствования и поиска наиболее оптимальной дифференциации условий отбывания наказания для различных категорий осужденных [13, с. 210]. Речь здесь следует вести, с одной стороны, о смягчении условий отбывания наказания, сокращении сроков пребывания в исправительных учреждениях осужденных за менее опасные преступления, с другой – о создании жестких условий для тех, кто виновен в тяжких и особо тяжких преступлениях, а также для нежелающих становиться на путь исправления, злостных нарушителей режима, не поддающихся исправлению [7, с. 10].

Наиболее отчетливо курс на гуманизацию условий отбывания наказания в отношении осужденных проявился с принятием новых кодексов – уголовного и уголовно-исполнительного [15, с. 17]. Особое внимание стало уделяться возможности изменения условий содержания осужденных в рамках одного учреждения в зависимости от достигаемых результатов исправления и специфики отдельных групп (категорий) осужденных [5, с. 17–18].

При этом если до принятия ИТК РСФСР 1970 г. речь преимущественно вели о прогрессивной системе исполнения лишения свободы, то после принятия данного нормативного акта стали говорить о необходимости распространения этой идеи при исполнении всех видов уголовных наказаний. Сегодня назрела необходимость пойти

далее и вести речь уже о прогрессивной системе (дифференциации) исполнения не только наказаний, но и иных мер уголовно-правового воздействия, регламентация которых должна занять достойное место в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве.

Как справедливо отмечают В. Е. Южанин и Д. В. Горбань, развитие прогрессивной системы отбывания наказания в уголовно-исполнительном законодательстве – это целая пенитенциарная идеология, которой должны быть подчинены институты данной отрасли законодательства [27, с. 149] и в своей совокупности работать на основополагающий принцип дифференциации и индивидуализации исполнения наказания.

К сожалению, действующий УИК РФ не может похвастаться воплощением этой прогрессивной идеи в полном объеме в отношении несовершеннолетних осужденных и содержит лишь одну комплексную гл. 17, посвященную особенностям исполнения наказания в отношении их. Что касается исполнения иных видов наказаний, не говоря уже об их дифференциации, то следует указать, что законодатель, как и в УК РФ, ограничился использованием простых приемов: «сократить сроки или размеры», «ограничить применение...» и т. п.

В 2016 г. под руководством профессора В. И. Селиверстова был подготовлен проект Общей части УИК РФ, обсуждение которого состоялось в том же году на X Российском конгрессе уголовного права «Криминологические основы уголовного права» [16]. Безусловно, данное новаторство стало, прежде всего, новым импульсом в упорядочивании регламентации уголовно-исполнительных отношений.

Так, указанный проект УИК РФ, в отличие от действующего УИК РФ, предусматривает расширение границ предмета уголовно-исполнительного права за счет предложения регулировать исполнение и отбывание иных мер уголовно-правового характера на уголовно-исполнительном уровне [4, с. 237].

Проблема регламентации в УИК РФ связана с отсутствием единства мнений среди ученых по ключевым вопросам, а также четкой позиции законодателя о содержании категории «иные меры уголовно-правового характера».

Во-первых, законодатель в разд. VI УК РФ выделил принудительные меры медицинского характера, судебный штраф и конфискацию имущества. Более того, в ныне действующей редакции Инструкции по ор-

ганизации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества, утвержденной приказом Минюста России от 20.05.2009 № 142, к числу иных мер уголовно-правового характера отнесены условное осуждение и отсрочка отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей. Однако некоторые ученые считают, что иные меры уголовно-правового характера не относятся к видам (формам) реализации уголовной ответственности [31, с. 133]. Возможно, что в скором времени перечень иных мер уголовно-правового характера изменится, если проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка» будет одобрен Государственной Думой.

Во-вторых, согласно мнению ряда ученых, отличающемуся от позиции законодателя, к иным мерам относят: принудительные меры медицинского характера, конфискацию имущества, принудительные меры воспитательного воздействия, дополнительные наказания, судимость [8; 10, с. 25].

В-третьих, в юридической науке имеются приверженцы еще более широкого подхода к рассматриваемой проблеме. В качестве иных мер уголовно-правового характера ими предлагается рассматривать условное осуждение, отсрочку отбывания наказания, принудительные меры воспитательного воздействия; меры уголовно-правового воздействия, связанные с судимостью; освобождение от уголовной ответственности; освобождение от наказания; досрочное снятие судимости; принудительные меры медицинского характера, применяемые к лицам, признанным невменяемыми на момент совершения общественно опасного деяния, а также невменяемыми после совершения преступления [12, с. 81–87].

Институт иных мер уголовно-правового характера дискуссионен, что объясняется отсутствием четкой законодательной позиции на этот счет. В действующем УИК РФ используются термины «иные меры уголовно-правового характера», «меры уголовно-правового характера», «меры уголовной ответственности», «меры уголовно-правового воздействия».

Определенного внимания заслуживает решение данной проблемы в законодательстве некоторых стран ближнего зарубежья. К примеру, УИК Республики Беларусь содержит гл. 24 «Применение принудительных

мер воспитательного характера и профилактического наблюдения в отношении несовершеннолетних осужденных», в которой определены:

- органы, осуществляющие контроль за применением принудительных мер воспитательного характера и профилактического наблюдения (ст. 182);
- порядок исполнения этих мер (ст. 183);
- исчисление сроков их применения (ст. 184);
- меры поощрения и взыскания, применяемые к несовершеннолетним, осужденным с применением принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 185) [9].

Думается, что регламентация иных видов ответственности должна занять соответствующее место и в российском уголовно-исполнительном законодательстве. Так, ст. 18 УИК РФ содержит правила применения к осужденным принудительных мер медицинского характера. В то же время в УИК РФ отсутствуют какие-либо нормы, регламентирующие исполнение принудительных мер воспитательного воздействия. Законодательно этот процесс сегодня регулируется лишь отчасти, в частности Федеральным законом от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».

Следует подчеркнуть, что исполнение не должно предусматривать принудительные меры воспитательного воздействия, назначаемые несовершеннолетнему, освобожденному от уголовной ответственности. Во-первых, несовершеннолетние лица освобождаются от уголовной ответственности, они не становятся носителями прав, законных интересов и обязанностей осужденных в уголовно-исполнительных правоотношениях. Во-вторых, в данном случае речь идет о поощрительной мере уголовно-правового характера, при реализации которой прекращаются даже уголовно-правовые отношения. Поведение данного субъекта становится предметом социально-правовой опеки.

В положениях проекта нового УИК РФ учитывается данная позиция и в отношении иных мер уголовно-правового характера, исполнение которых должно регулироваться в рамках предмета уголовно-исполнительного права. Сюда относят, в частности, принудительные меры воспитательного характера, применяемые к несовершеннолетнему осужденному на основании ч. 2 ст. 92 УК РФ.

Таким образом, дифференцированный подход к несовершеннолетним правона-

рушителям должен в полной мере подкрепляться соответствующими нормами уголовно-исполнительного законодательства. В этой связи в УИК РФ целесообразно выделить в самостоятельный раздел группу норм об исполнении в отношении несовершеннолетних осужденных всех видов уголовных наказаний и включить главу об особенностях исполнения принудительных мер воспитательного воздействия.

Учитывая изложенное, предлагается, во-первых, внести в уголовно-исполнительное законодательство следующее авторское понятие прогрессивной системы: комплексный, межотраслевой институт, состоящий из самостоятельных институтов уголовного и уголовно-исполнительного права, при применении которых правовое положение

осужденного меняется в зависимости от степени его исправления либо в сторону расширения его прав, либо в сторону их ограничения; во-вторых, в проекте УИК РФ необходимо расширить границы предмета уголовно-исполнительного права не только за счет регулирования исполнения и отбывания иных мер уголовно-правового характера на уголовно-исполнительном уровне, но и других институтов уголовного права, имеющих уголовно-исполнительный характер: виды наказаний, система исправительных учреждений, исполнение наказаний, альтернативных лишению свободы, осуждение условно, замена наказания, условно-досрочное освобождение; в-третьих, исполнение всех видов наказаний осуществлять по прогрессивной системе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Аванесов, Г. А.** Изменение условий содержания осужденных в процессе отбывания лишения свободы: прогрессивная система : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Аванесов Геннадий Арташесович. – Москва, 1966. – 16 с.
2. **Бажанов, О. И.** Прогрессивная система исполнения наказания / О. И. Бажанов. – Минск : Наука и техника, 1981. – 168 с.
3. **Беляев, Н. А.** Цели наказания и средства их достижения в исправительно-трудовых учреждениях : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Беляев Николай Александрович. – Ленинград, 1963. – 41 с.
4. **Головастова, Ю. А.** Новеллы предмета уголовно-исполнительного права: модернизация уголовно-исполнительных отношений / Ю. А. Головастова // Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: итоги и обоснование теоретического моделирования / под редакцией В. И. Селиверстова. – Москва : Юриспруденция, 2017. – С. 237–243. – ISBN 978-5-9516-07-89-8.
5. **Данилин, Е. М.** Организационные и психолого-педагогические проблемы исполнения наказания в отношении несовершеннолетних осужденных : учебное пособие / Е. М. Данилин, В. И. Поздняков, Л. С. Саблина. – Москва : ВНИИ МВД России, 1994. – 80 с.
6. **Зверева, О. Н.** Реализация принципа индивидуализации наказания при исполнении лишения свободы / О. Н. Зверева, С. Н. Смирнов. – Липецк : Липецкий филиал Владимирского юридического института, 2006. – 152 с. – ISBN 5-93035-161-9.
7. **Кашуба, Ю. А.** Уголовно-исполнительная политика в отношении несовершеннолетних : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Кашуба Юрий Анатольевич. – Рязань, 2002. – 64 с.
8. **Келина, С. Г.** Иные меры уголовно-правового характера как институт уголовного права / С. Г. Келина // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы IV Международной научно-практической конференции / ответственный редактор А. И. Рарог. – Москва : Велби, 2007. – С. 283–288. – ISBN 978-5-482-01463-9.
9. **Кеник, А. А.** Защита прав несовершеннолетних в Республике Беларусь / А. А. Кеник. – Минск : Дикта, 2006. – 312 с. – ISBN 985-494-081-0.
10. **Костюк, М. Ф.** Понятие и виды иных мер уголовно-правового характера : учебное пособие / М. Ф. Костюк, А. Н. Батанов, В. А. Посохова, Т. М. Калинина. – Москва : Проспект, 2011. – 319 с. – ISBN 978-5-392-02544-2.
11. **Мелентьев, М. П.** Изменение условий содержания осужденных в ИТУ / М. П. Мелентьев, О. И. Бажанов. – Рязань : Рязанская высшая школа МВД СССР, 1975. – 33 с.
12. **Миняева, Т. Ф.** Цели наказания и иных мер уголовно-правового характера и средства их достижения в современном уголовном праве / Т. Ф. Миняева // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2007. – № 5. – С. 81–87.
13. **Михлин, А. С.** Уголовно-исполнительное законодательство на современном этапе / А. С. Михлин // Роль органов юстиции в правовом государстве : материалы всероссийской научно-практической конференции / ответственный редактор В. Б. Евдокимов. – Москва : РПА Минюста России, 2002. – С. 210–215. – ISBN 5-89172-018-3.
14. **Наташев, А. Е.** Непримируемость «прогрессивной системы» отбывания лишения свободы / А. Е. Наташев // Проблемы развития советского исправительно-трудового законодательства. – Саратов : Изд-во Саратовского университета, 1961. – С. 249–250.
15. **Никитенко, И. В.** Гуманизация исполнения и отбывания наказания в воспитательной колонии (организационно-правовой аспект) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Никитенко Илья Викторович. – Иркутск, 2002. – 23 с.
16. Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: результаты теоретического моделирования / под ред. В. И. Селиверстова. – Москва : Юриспруденция, 2016. – 76 с. – ISBN 978-5-9516-0773-7.
17. **Сидоров, В. П.** Прогрессивная система в исправительных учреждениях : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Сидоров Василий Петрович. – Санкт-Петербург, 1999. – 23 с.
18. **Скаков, А. Б.** Прогрессивная система исполнения лишения свободы и ее отражение в новом законодательстве Республики Казахстан / А. Б. Скаков. – Астана : Норма К, 2004. – 151 с. – ISBN 9965-608-76-8.
19. **Сольц, А.** Революционная законность и наша карательная политика / А. Сольц, С. Файнблит. – Москва : Московский рабочий, 1925. – 123 с.
20. **Стручков, Н. А.** Курс исправительно-трудового права. Проблемы Особенной части / Н. А. Стручков. – Москва : Юридическая литература, 1985. – 255 с.

21. **Стручков, Н. А.** Советская исправительно-трудовая политика и ее роль в борьбе с преступностью / Н. А. Стручков. – Саратов : Изд-во Саратовского университета, 1970. – 271 с.
22. **Ткачевский, Ю. М.** Прогрессивная система исполнения уголовных наказаний / Ю. М. Ткачевский. – Москва : Зерцало, 1998. – 237 с. – ISBN 978-5-9584-0163-5.
23. **Ткачевский, Ю. М.** Российская прогрессивная система исполнения уголовных наказаний / Ю. М. Ткачевский. – Москва : Городец, 2007. – 237 с. – ISBN 978-5-9584-0163-5.
24. Уголовно-исполнительное право. Особенная часть : учебник / под общей редакцией Г. А. Корниенко. – Рязань : Академия ФСИН России, 2013. – 822 с. – ISBN 978-5-7743-0603-9.
25. **Фефелов, В. А.** Принцип дифференциации исполнения наказания – узаконение нецивилизованных правил отбывания наказания // Проблемы совершенствования исполнения уголовных наказаний : материалы секции научно-практической конференции «Человек: преступление и наказание». – Рязань : Рязанская высшая школа МВД РФ, 1992. – С. 48–52.
26. **Шевченко, А. Е.** Прогрессивно-регрессивная система исполнения уголовных наказаний : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Шевченко Алексей Евгеньевич. – Ставрополь, 2002. – 26 с.
27. **Южанин, В. Е.** Режим и меры предупреждения правонарушений среди осужденных в системе исполнения наказания в виде лишения свободы / В. Е. Южанин, Д. В. Горбань. – Москва : Юрлитинформ, 2018. – 492 с. – ISBN 978-5-4396-1560-5.
28. **Якимович, Ю. К.** Избранные труды / Ю. К. Якимович. – Санкт-Петербург : Юридический Центр-Пресс, 2011. – 770 с. – ISBN 978-5-94201-628-9.
29. **Якимович, Ю. К.** Изменение условий содержания осужденных в пределах одного исправительно-трудового учреждения (по материалам ИТК общего, усиленного и строгого режимов Западно-Сибирского региона) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Якимович Юрий Константинович. – Томск, 1981. – 19 с.
30. **Якимович, Ю. К.** Становление советской прогрессивной системы отбывания лишения свободы (1918–1924 гг.) / Ю. К. Якимович // Предупреждение рецидивной преступности в Сибири : сборник научных трудов / под редакцией А. Л. Ременсона и В. Д. Филимонова. – Томск : Томский государственный университет, 1980. – С. 17–26.
31. **Яни, П. С.** Конфискация имущества и уголовная ответственность / П. С. Яни // Уголовное право. – 2006. – № 6. – С. 133–140.

REFERENCES

1. Avanesov G. A. *Izmenenie uslovij sodержaniya osuzhdennykh v processe otbyvaniya lisheniya svobody: progressivnaya sistema. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk* [Changing the conditions of detention of convicts in the process of serving a prison sentence. Author's abstract of the diss. PhD. in Law]. Moscow, 1966. 16 p. (In Russ.).
2. Bazhanov O. I. *Progressivnaya sistema ispolneniya nakazaniya* [Progressive Penal System]. Minsk, 1981. 168 p. (In Russ.).
3. Belyaev N. A. *Celi nakazaniya i sredstva ih dostizheniya v ispravitel'no-trudovykh uchrezhdeniyah. Avtoref. diss. dokt. yurid. nauk* [The goals of punishment and the means to achieve them in correctional labor institutions. Author's abstract of the diss. Dsc. in Law]. Leningrad, 1963. 41 p. (In Russ.).
4. Golovastova YU. A. *Novelly predmeta ugovolno-ispolnitel'nogo prava: modernizatsiya ugovolno-ispolnitel'nykh otnoshenij* [Novels of the subject of Penal law: modernization of Penal relations]. *Obshchaya chast' novogo Ugovolno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii: itogi i obosnovanie teoreticheskogo modelirovaniya* [General part of the new Penal Code of the Russian Federation: results and justification of theoretical modeling]. Moscow, 2017, pp. 237–243. (In Russ.).
5. Danilin E. M., Pozdnyakov V. I., Sablina L. S. *Organizacionnye i psichologo-pedagogicheskie problemy ispolneniya nakazaniya v otnoshenii nesovershennoletnih osuzhdennykh* [Organizational and psychological-pedagogical problems of the execution of sentences in relation to juvenile convicts]. Moscow, 1994. 80 p. (In Russ.).
6. Zvereva O. N., Smirnov S. N. *Realizatsiya principa individualizatsii nakazaniya pri ispolnenii lisheniya svobody* [Implementation of the principle of individualization of punishment in the execution of imprisonment]. Lipetsk, 2006. 152 p. (In Russ.).
7. Kashuba YU. A. *Ugovolno-ispolnitel'naya politika v otnoshenii nesovershennoletnih. Avtoref. diss. dokt. yurid. nauk* [Juvenile Enforcement Policy. Author's abstract of the diss. Dsc. in Law]. Ryazan, 2002. 64 p. (In Russ.).
8. Kelina S. G. *Inye mery ugovolno-pravovogo haraktera kak institut ugovolnogo prava* [Other measures of a criminal law nature as an institution of criminal law]. *Materialy IV mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Ugovolnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke»* [Materials of the IV international scientific-practical conference «Criminal law: development strategy in the XXI century»]. Moscow, 2007, pp. 283–288. (In Russ.).
9. Kenik A. A. *Zashchita prav nesovershennoletnih v Respublike Belarus'* [Protection of the rights of minors in the Republic of Belarus]. Minsk, 2006. 312 p. (In Russ.).
10. Kostyuk M. F., Batanov A. N., Posohova V. A., Kalinina T. M. *Ponyatie i vidy inyh mer ugovolno-pravovogo haraktera* [The concept and types of other measures of criminal law]. Moscow, 2011. 319 p. (In Russ.).
11. Melent'ev M. P., Bazhanov O. I. *Izmenenie uslovij sodержaniya osuzhdennykh v ITU* [Changing the conditions of prisoners in correctional labor institutions]. Ryazan, 1975. 33 p. (In Russ.).
12. Minyazeva T. F. *Celi nakazaniya i inyh mer ugovolno-pravovogo haraktera i sredstva ih dostizheniya v sovremennom ugovolnom prave* [The purposes of punishment and other measures of a criminal law nature and the means to achieve them in modern criminal law]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika – Laws of Russia: experience, analysis, practice*, 2007, no. 5, pp. 81–87. (In Russ.).
13. Mihlin A. S. *Ugovolno-ispolnitel'noe zakonodatel'stvo na sovremennom etape* [Penal legislation at the present stage]. *Materialy vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Rol' organov yustitsii v pravovom gosudarstve»* [Materials of the All-Russian scientific and practical conference «The role of the judiciary in the rule of law»]. Moscow, 2002, pp. 210–215. (In Russ.).
14. Natashev A. E. *Neprimirimosť «progressivnoj sistemy» otbyvaniya lisheniya svobody* [Intransigence of the “progressive system” of serving a prison sentence]. *Problemy razvitiya sovetskogo ispravitel'no-trudovogo zakonodatel'stva* [Problems of the development of Soviet correctional labor legislation]. Saratov, 1961, 249–250. (In Russ.).
15. Nikitenko I. V. *Gumanizatsiya ispolneniya i otbyvaniya nakazaniya v vospitatel'noj kolonii (organizacionno-pravovoy aspekt). Avtoref. diss. kand. yurid. nauk* [Humanization of the execution and serving of sentences in an educational colony (legal and organizational aspect). Author's abstract of the diss. PhD. in Law]. Irkutsk, 2002. 23 p. (In Russ.).

16. Seliverstov V. I. (red.) *Obshchaya chast' novogo Uголовно-исполнител'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii: rezul'taty teoreticheskogo modelirovaniya* [The general part of the new Penal Code of the Russian Federation: the results of theoretical modeling]. Moscow, 2016. 76 p. (In Russ.).
17. Sidorov V. P. *Progressivnaya sistema v ispravitel'nyh uchrezhdeniyah. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk* [Progressive system in correctional facilities. Author's abstract of the diss. PhD. in Law]. St. Petersburg, 1999. 23 p. (In Russ.).
18. Skakov A. B. *Progressivnaya sistema ispolneniya lisheniya svobody i ee otrazhenie v novom zakonodatel'stve Respubliki Kazahstan* [Progressive system of execution of imprisonment and its reflection in the new legislation of the Republic of Kazakhstan]. Astana, 2004. 151 p. (In Russ.).
19. Sol'c A., Fajnbli S. *Revolucionnaya zakonnost' i nasha karatel'naya politika* [Revolutionary legality and our punitive policy]. Moscow, 1925. 123 p. (In Russ.).
20. Struchkov N. A. *Kurs ispravitel'no-trudovogo prava. Problemy Osobennoj chasti* [Correctional labor course. Problems of Special Part]. Moscow, 1985. 255 p. (In Russ.).
21. Struchkov N. A. *Sovetskaya ispravitel'no-trudovaya politika i ee rol' v bor'be s prestupnost'yu* [Soviet corrective labor policy and its role in the fight against crime]. Saratov, 1970. 271 p. (In Russ.).
22. Tkachevskij YU. M. *Progressivnaya sistema ispolneniya ugovolnyh nakazaniy* [Progressive Penal System]. Moscow, 1998. 237 p. (In Russ.).
23. Tkachevskij YU. M. *Rossiyskaya progressivnaya sistema ispolneniya ugovolnyh nakazaniy* [Russian progressive penal system]. Moscow, 2007. 237 p. (In Russ.).
24. Kornienko G. A. (red.) *Uголовно-исполнител'noe pravo. Osobennaya chast'* [Penal Law. Special part]. Ryazan, 2013. 822 p. (In Russ.).
25. Fefelov V. A. *Princip differenciacii ispolneniya nakazaniya – uzakonenie necivilizovannyh pravil otbyvaniya nakazaniya* [The principle of differentiation of the execution of sentences – the legalization of uncivilized rules for serving sentences]. *Problemy sovershenstvovaniya ispolneniya ugovolnyh nakazaniy* [Problems of improving the enforcement of criminal sentences]. Ryazan, 1992, pp. 48–52. (In Russ.).
26. SHevchenko A. E. *Progressivno-regressivnaya sistema ispolneniya ugovolnyh nakazaniy. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk* [Progressive-regressive penal system. Author's abstract of the diss. PhD. in Law]. Stavropol, 2002. 26 p. (In Russ.).
27. YUzhanin V. E., Gorban' D. V. *Rezhim i mery preduprezhdeniya pravonarushenij sredi osuzhdennyh v sisteme ispolneniya nakazaniya v vide lisheniya svobody* [The regime and measures for the prevention of offenses among convicts in the system of execution of sentences of imprisonment]. Moscow, 2018. 492 p. (In Russ.).
28. YAkimovich YU. K. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. St. Petersburg, 2011. 770 p. (In Russ.).
29. YAkimovich YU. K. *Izmenenie uslovij soderzhaniya osuzhdennyh v predelakh odnogo ispravitel'no-trudovogo uchrezhdeniya (po materialam ITK obshchego, usilennogo i strogogo rezhimov Zapadno-Sibirskogo regiona). Avtoref. diss. kand. yurid. nauk* [Changing the conditions of detention of convicts within the same labor institution (based on materials from correctional labor camps in the general, reinforced and strict regimes of the West Siberian region). Author's abstract of the diss. PhD. in Law]. Tomsk, 1981. 19 p. (In Russ.).
30. YAkimovich YU. K. *Stanovlenie sovetskoj progressivnoj sistemy otbyvaniya lisheniya svobody (1918–1924 gg.)* [The Formation of the Soviet Progressive System for Serving Deprivation of Liberty (1918–1924)]. *Preduprezhdenie recidivnoj prestupnosti v Sibiri* [The prevention of recidivism in Siberia]. Tomsk, 1980, pp. 17–26. (In Russ.).
31. YAni P. S. *Konfiskaciya imushchestva i ugovolnaya otvetstvennost'* [Confiscation of property and criminal liability]. *Uголовное право – Criminal law*, 2006, no. 6, pp. 133–140. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTORS

АНДРЕЙ ЛЕОНИДОВИЧ САНТАШОВ – профессор кафедры уголовного права и криминологии Северо-Западного института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Вологда, Российская Федерация, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин факультета психологии и права Вологодского института права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация, доктор юридических наук, доцент. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1044-1697>, e-mail: santashov@list.ru

АЙДАРКАН БАЙДЕКОВИЧ СКАКОВ – профессор кафедры уголовного права и организации исполнения наказаний Костанайской академии МВД Республики Казахстан им. Ш. Кабылбаева, г. Астана, Республика Казахстан, профессор кафедры криминологии и организации профилактики преступлений Академии ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация, доктор юридических наук, профессор. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4199-5473> e-mail: aidarkan@mail.ru

ANDREJ L. SANTASHOV – Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the North-West Institute (branch) of the Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (Moscow State Law Academy), Vologda, Russian Federation, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Department of Psychology and Law of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Vologda, Russian Federation, Dsc. in Law, Associate Professor. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1044-1697>, e-mail: santashov@list.ru

AJDARKAN B. SKAKOV – Professor of the Department of Criminal Law and Organization of the Execution of Sentences of the Kostanay Academy of the MIA of the Republic of Kazakhstan named after Sh. Kabybaev, Astana, Republic of Kazakhstan, Professor of the Department of Criminology and Organization of Crime Prevention of the Academy of the Federal Penal Service of Russia, Ryazan, Russian Federation, Dsc. in Law, Professor. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4199-5473>, e-mail: aidarkan@mail.ru

DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-2-185-191
УДК 343.96(476)

О необходимости совершенствования уголовно-исполнительного законодательства Республики Беларусь в сфере исполнения наказаний в отношении осужденных с психическими расстройствами

В. Б. ШАБАНОВ

Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5796-3727>, e-mail: lawcrim@bsu.by

М. Ю. КАШИНСКИЙ

Академия МВД Республики Беларусь, г. Минск, Республика Беларусь

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5126-8734>, e-mail: m.kashinsky@yandex.ru

Реферат. Настоящая работа посвящена проблеме преступности и противоправного поведения осужденных с психическими расстройствами в местах лишения свободы.

В статье изложены теоретические и прикладные аспекты исполнения наказаний в отношении осужденных с психическими расстройствами. Затронуты отдельные вопросы психиатрического освидетельствования осужденных, страдающих психическими расстройствами, в местах лишения свободы, производства судебно-психиатрической экспертизы при совершении ими противоправных действий в период отбывания наказания в учреждениях уголовно-исполнительной системы Республики Беларусь, назначения и применения принудительных мер безопасности и лечения.

По результатам проведенного исследования делается вывод, что абсолютное большинство психических расстройств у лиц, содержащихся в учреждениях УИС Республики Беларусь, имеют непсихотический уровень расстройств психической деятельности (осужденные способны сознавать фактический характер и значение своих действий или руководить ими) и не препятствуют отбыванию наказания в виде лишения свободы, а также выделены пять групп психических расстройств, наиболее распространенных среди лиц, содержащихся в учреждениях УИС Республики Беларусь.

Исходя из высокой распространенности и сложной природы психических расстройств, противоправного поведения страдающих данным недугом осужденных в местах лишения свободы, недостаточной эффективности существующих профилактических мер, делается вывод о необходимости использования современной криминологией знаний и достижений из смежных областей научного знания, занимающихся исследованием данной проблемы, и разработки норм уголовно-исполнительного законодательства Республики Беларусь, регламентирующих особенности исполнения наказаний в отношении осужденных с психическими расстройствами.

Ключевые слова: противодействие преступности в местах лишения свободы; преступность лиц с психическими расстройствами; междисциплинарный и системно-комплексный подходы в криминологии.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Для цитирования: Шабанов В. Б., Кашинский М. Ю. О необходимости совершенствования уголовно-исполнительного законодательства Республики Беларусь в сфере исполнения наказаний в отношении осужденных с психическими расстройствами. *Пенитенциарная наука*. 2020; 14(2):185–191. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-2-185-191.

On the need to improve the penal legislation of the Republic of Belarus in the field of the execution of punishments for convicted persons with mental disorders

V. B. SHABANOV

the Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5796-3727>, e-mail: lawcrim@bsu.by

M. YU. KASHINSKY

the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Minsk, Republic of Belarus

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5126-8734>, e-mail: m.kashinsky@yandex.ru

Abstract. The present work is devoted to the problem of crime and unlawful behavior of prisoners with mental disorders in prisons.

The article sets out the theoretical and applied aspects of the execution of sentences in relation to prisoners with mental disorders. Some issues of psychiatric examination of prisoners suffering from mental disorders in places of deprivation of liberty, the production of forensic psychiatric examination during their commission of unlawful acts during the serving of sentences in the penitentiary system of the Republic of Belarus, the appointment and application of coercive measures of safety and treatment are raised.

Based on the results of the study, it is concluded that the vast majority of mental disorders in people held in penitentiary institutions of the Republic of Belarus have a non-psychotic level of mental activity disorders (convicts are able to recognize the actual nature and significance of their actions or manage them) and do not prevent serving a sentence of deprivation of liberty freedom, as well as five groups of mental disorders, the most common among people held in prisons in the Republic of Belarus.

Based on the high prevalence and complex nature of mental disorders, the unlawful behavior of convicts suffering from this ailment in places of deprivation of liberty, the insufficient effectiveness of existing preventive measures, it is concluded that modern criminology needs to use knowledge and achievements from related fields of scientific knowledge that study this problem and develop norms of the criminal-executive legislation of the Republic of Belarus, regulating the specifics of the execution of sentences in relation to prisoners with mental disorders.

Key words: combating crime in places of deprivation of liberty; crime of persons with mental disorders; interdisciplinary and system-integrated approaches in criminology.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law

For citation: Shabanov V. B., Kashinsky M. Yu. On the need to improve the penal legislation of the Republic of Belarus in the field of the execution of punishments for convicted persons with mental disorders. *Penitenciarnaya nauka = Penitentiary Science*. 2020; 14(2):185–191. (In Russ.). DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-2-185-191.

В настоящее время нормы законодательства Республики Беларусь не в полной мере учитывают состояние психического здоровья лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы. В то же время, исходя из анализа зарубежной юридической литературы, во всем мире наблюдается значительный рост преступности лиц с психическими расстройствами, а «среди лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, особенно за насильственные преступления, удельный вес лиц с психическими нарушениями составляет до 80 % случаев» [2], при этом «психические расстройства и другие заболевания, влияющие на поведение многих осужденных и влекущие совер-

шение правонарушений, не подвергаются надлежащему профилактическому воздействию» [8]. По свидетельству А. В. Кулакова, в исправительных учреждениях ФСИН России «примерно половина всех пенитенциарных преступлений совершается осужденными с психическими девиациями», а «уголовно-правовые деликты осужденных с патологией психики характеризуются, как правило, особой жестокостью, что свидетельствует о криминогенной пораженности и повышенной общественной опасности совершающих их лиц, а следовательно, о необходимости научного осмысления характерологических особенностей личности преступников данной категории» [7, с. 5].

Важно также учитывать, что в условиях учреждений УИС, которые, несомненно, являются экстремальными для любой личности, к состоянию психического здоровья осужденного (лица, содержащегося под стражей) предъявляются повышенные требования. В результате этого у большинства осужденных к лишению свободы (особенно впервые) или лиц, содержащихся под стражей в СИЗО, могут возникнуть психические расстройства или будут прогрессировать имевшиеся у них ранее до попадания в пенитенциарные учреждения расстройства психики, если в отношении их не предпринимать специального воздействия.

Как свидетельствует практика, сомнения в психическом здоровье осужденного возникают обычно в случаях изменения его поведения, что проявляется чаще всего в нарушении им установленного законодательством порядка исполнения и отбывания наказания, немотивированного отказа от работы, конфликтности, неуживчивости и агрессивности, повторных необоснованных жалоб и протестов и неадекватного поведения (членовредительство, попытки самоубийства, отчужденность, скрытность, прекращение словарного контакта с окружающими и др.). По данным российских исследователей, «осужденные с психическими расстройствами совершают больше правонарушений, чем психически здоровые осужденные», что подтверждает «гипотезу об осложнении процесса исправления осужденных ввиду наличия у части из них психических расстройств» [6, с. 145].

Психические расстройства у лиц, содержащихся в учреждениях УИС, как и все заболевания, в зависимости от длительности течения могут быть острыми и хроническими. Острые психические расстройства носят временный характер и заканчиваются, как правило, выздоровлением (например, реакция на тяжелый стресс и нарушение адаптации, посттравматическое стрессовое расстройство, симптоматические психозы, реактивные состояния и др.). Хронические психические расстройства – это неизлечимые заболевания с длительным течением, характеризующиеся периодами обострения (стадия проявления признаком заболевания) и ремиссии (стадия улучшения, которая характеризуется временным отсутствием признаков заболевания). Они могут быть прогрессирующими – ведущими к необратимым изменениям психики и деградации личности (например, шизофрения, эпилепсия, биполярное аффективное расстрой-

ство (маниакально-депрессивный психоз), инволюционные (связанные со старением) психические нарушения и др.), и прогрессирующими (невротические расстройства, расстройства личности и др.).

Как показывают анализ специальной зарубежной и отечественной литературы, а также результаты собственных исследований, психическое расстройство, как правило, у большинства лиц не является непосредственной причиной преступления, а выступает лишь условием, на фоне которого негативно воздействующая на лицо, страдающее психическим расстройством (заболеванием), действительность, преломляясь через его деформированную расстройством (заболеванием) психику, может проявляться неадекватным (агрессивным, аутоагрессивным, противоправным) реагированием на воздействие раздражителя [4, с. 94–95]. Такие люди из-за имеющихся расстройств психики не способны адекватно (правильно) отражать объективную реальность (нарушено восприятие), то есть действительно имеющие место в жизни факты, явления, события окружающей действительности (внешнего мира). Из-за неадекватного восприятия они не способны правильно осмысливать (анализировать) сложившуюся ситуацию перед преступлением, то есть наблюдают неадекватные (неправильные) установление собственного отношения к этим явлениям и обстоятельствам, определение мотивов своих действий и прогнозирование их возможных последствий (нарушение мышления). Соответственно, из-за неадекватного (неправильного) осмысления сложившейся ситуации их поведение носит неадекватный, а нередко и противоправный характер. При этом из-за ослабления волевого контроля, а также выраженности личностных или психопатологических изменений, имеющихся особенностей высшей нервной деятельности, такие люди могут действовать импульсивно, нередко инстинктивно, а соответственно, зачастую быстрее, чем здоровые лица, начинают совершать противоправные деяния [5, с. 140].

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что основной причиной противоправного и аутодеструктивного поведения (как суицидальных, так и несуицидальных форм – членовредительства, демонстративных попыток самоубийства, голодовок) лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, являются именно пенитенциарные (специ-

фические) причины, имеющие место исключительно в местах лишения свободы, обусловленные прежде всего экстремальным воздействием среды и особенностями отношений, характерными для исправительных учреждений и следственных изоляторов, которые возникают как по горизонтали (осужденный – осужденный), так и по вертикали (сотрудник – осужденный). Эта группа причин является основной в возникновении противоправной и аутодеструктивной мотивации личности в условиях мест лишения свободы, что объясняется жизненно необходимыми потребностями осужденного (заключенного): обеспечением безопасности жизни и здоровья, самоутверждением в среде осужденных, сохранением личного достоинства, изменением своего социального положения в системе неофициальной стратификации, эмоциональной разрядкой и т. д. [9, с. 89–91]. Они во многом обусловлены самой природой такого вида уголовного наказания, как лишение свободы, которое наиболее существенно деформирует правовой статус гражданина, меняет весь его образ жизни. Данное обстоятельство, безусловно, не может не отразиться и на состоянии психического здоровья осужденного, под которым в современной психиатрии понимают наличие способности человека хорошо адаптироваться к среде, прежде всего социальной, и состояние психического, психологического и социального благополучия. Исходя из данного определения, психически здоровым (в широком смысле этого слова) нельзя считать ни одного осужденного, поскольку, как установлено настоящим исследованием, даже неоднократно судимые осужденные с достаточно высоким неформальным статусом отмечали негативное психоэмоциональное состояние (сниженный фон настроения, тревожность, расстройства сна и т. д.). Поскольку сам факт лишения свободы часто ввергает осужденного (особенно лиц, впервые осужденных к данному виду уголовного наказания) в депрессию, которая усугубляется сложностью адаптации к новым (для большинства лиц с суицидальными формами аутодеструктивного поведения) условиям лишения свободы, отсутствием жизненных перспектив на будущее (чаще на часть срока лишения свободы, необходимого для перевода в колонию-поселение, представления к условно-досрочному освобождению, реже – на весь срок заключения), мысленным «вычеркиванием» предстоящего срока лишения свободы из жизни, что нередко способствует

совершению противоправного или аутодеструктивного акта, в том числе и самоубийства [3, с. 92–93].

В случае когда диагностированные у осужденных психические расстройства не поддаются лечению и препятствуют отбыванию наказания в виде лишения свободы, приоритетной становится задача направления их на психиатрическое освидетельствование, которое является составной частью медицинского освидетельствования и осуществляется на основании ч. 7–1 ст. 187 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь (далее – УИК РБ). В настоящее время порядок медицинского освидетельствования осужденных определяется Инструкцией о порядке медицинского освидетельствования осужденных и установлении перечня заболеваний, препятствующих дальнейшему отбыванию наказания, утвержденной совместным постановлением Министерства внутренних дел Республики Беларусь и Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 16.02.2011 № 54/15 (ред. от 16.04.2015). В соответствии с п. 3.1 данной инструкции медицинскому освидетельствованию подлежат осужденные, заболевшие психическим расстройством после вынесения приговора, лишаящим их возможности сознавать фактический характер и значение своих действий или руководить ими, указанным в перечне заболеваний, препятствующих дальнейшему отбыванию наказания. Результаты такого освидетельствования (представление об освобождении от отбывания наказания из-за психического расстройства осужденного, заключение медицинской комиссии и личное дело осужденного) начальником учреждения УИС направляются в суд, который рассматривает вопрос о возможности освобождения заболевшего от наказания и применения к нему принудительных мер безопасности и лечения (далее – ПМБЛ) в соответствии с ч. 1 ст. 92 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК РБ).

При совершении осужденными противоправных действий в период отбывания наказания в учреждении УИС и возникновении сомнения в их психическом здоровье психиатрическое освидетельствование не проводится, а назначается судебно-психиатрическая экспертиза (далее – СПЭ). Важно понимать, что при производстве СПЭ в отношении осужденных перед экспертами-психиатрами в соответствии с п. 3 ст. 228 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК РБ)

ставятся в первую очередь вопросы о возможности сознавать фактический характер и общественную опасность своих действий или руководить ими в момент совершения противоправного деяния в местах лишения свободы, а лишь затем в соответствии с ч. 1 ст. 92 УК РБ – вопросы о возможности отбывания наказания и применении принудительных мер безопасности и лечения (ст. 100, 101 УК РБ).

Если СПЭ будет установлено, что осужденный страдает хроническим психическим расстройством, лишаящим его возможности сознавать фактический характер и значение своих действий или руководить ими, то суд принимает решение о признании его невменяемым в отношении инкриминируемого ему деяния и выносит заключение о невозможности дальнейшего отбывания наказания в соответствии с ч. 1 ст. 92 УК РБ. Если СПЭ будет определено, что осужденный страдает острым (временным) психическим расстройством, лишаящим его возможности сознавать фактический характер и значение своих действий или руководить ими в момент совершения противоправного деяния, суд признает его невменяемым, но при этом выносит заключение о возможности после выздоровления отбывать наказание, если не истекли сроки давности, предусмотренные ч. 4 ст. 92 УК РБ.

При определении возможности применения к данным лицам ПМБЛ наряду с установлением характера совершенного деяния и психического состояния. Подлежит также выяснению вопрос, представляет ли психическое расстройство опасность для них самих и (или) других лиц либо существует возможность причинения ими иного вреда (п. 5 ст. 447 УПК РБ). При назначении конкретного вида ПМБЛ суды руководствуются положениями ст. 102 УК РБ. Время применения ПМБЛ подлежит зачету в срок наказания, при этом один день принудительных мер соответствует одному дню лишения свободы (ст. 105 УК РБ). Следует также подчеркнуть, что после выздоровления к таким лицам в соответствии со ст. 104 УК РБ может быть приведено в исполнение уже назначенное им наказание.

При назначении ПМБЛ осужденному, совершившему преступление в учреждении УИС в состоянии уменьшенной вменяемости, когда лицо не могло в полной мере сознавать значение своих действий или руководить ими вследствие психического расстройства, ПМБЛ применяются по месту отбывания наказания.

Однако абсолютное большинство психических расстройств осужденных имеют непсихотический уровень расстройств психической деятельности и не препятствуют отбыванию наказания в виде лишения свободы. Осужденный в таком психическом состоянии способен сознавать фактический характер и значение своих действий или руководить ими.

По результатам проведенного анализа статистических данных среди лиц, содержащихся в учреждениях УИС Республики Беларусь, нами выделены наиболее распространенные группы психических расстройств осужденных¹:

F10-F19: психические поведенческие расстройства, вследствие употребления психоактивных веществ (прежде всего это синдром зависимости от алкоголя (F10) и синдром зависимости от наркотических средств (F11–F19)). Тяжесть данных психических расстройств разнообразна – от депрессивных расстройств до выраженных психозов и деменции (приобретенное слабоумие), но при этом все проявления вызваны употреблением одного или нескольких психоактивных веществ.

F00–F09: органические, включая симптоматические, психические расстройства. Это группа психических расстройств, обусловленных поражением головного мозга – травматические поражения головного мозга, перенесенные инсульты, асфиксии, энцефалиты, психозы в предстарческом и старческом возрасте и др. Проявляются разнообразными интеллектуально-мнестическими (поражением познавательных функций, таких как память, мышление, интеллект, обучаемость, внимание) и эмоционально-волевыми нарушениями (депрессия, приподнятость, тревога, расстройство общего склада личности и поведения) с различной степенью их выраженности – от незначительных астенических и невротоподобных проявлений до состояний тяжелой деменции.

F40–F48: невротические, связанные со стрессом и соматоформные расстройства. Это различные функциональные (не связанные с органическим поражением центральной нервной системы) изменения нервно-психической деятельности, возникающие у лиц с неустойчивой нервной системой под

¹ Диагнозы и шифр психических расстройств указаны в соответствии с гл. 5 «Психические и поведенческие расстройства» Международной классификацией болезней и проблем, связанных со здоровьем, десятого пересмотра, разработанной Всемирной организацией здравоохранения.

влиянием психической травмы – попадание в места лишения свободы («пенитенциарный стресс»). Данные расстройства ведут к нарушенному социальному функционированию и нередко сопровождаются актами самоповреждения, что наиболее ярко выражено в условиях учреждений УИС.

F60–F69: расстройства зрелой личности и поведения у взрослых. Это группа психических расстройств, проявляющихся в дисгармоничном складе характера, темперамента и поведения, препятствующих адекватной адаптации человека в социальной среде, из-за чего у таких лиц постоянно возникают конфликты, социальные проблемы, испытываемые либо ими самими, либо окружающими, либо ими вместе.

F70: умственная отсталость легкой степени. Клиническое состояние остановленного или неполного психического развития, характеризующееся отставанием в интеллектуальном развитии и сопровождающееся нарушением способности к социальной адаптации.

Следует отметить, что в ч. 4 ст. 7 УИК РБ четко прописано, что средства исправления осужденных применяются с учетом форм реализации уголовной ответственности, вида наказания, характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности осужденного и его поведения», а ч. 4 ст. 104 предусматривает, что воспитательная работа проводится с учетом индивидуальных особенностей личности осужденного, совершенных им преступлений и поведения в период отбывания наказания. Вместе с тем практика показывает, что организация воспитательной работы и применение иных средств исправления в отношении осужденных с психическими расстройствами, как правило, строится без учета имеющегося у них диагноза психических расстройств и ориентирована на среднестатистического психически здорового осужденного, а «проблемы осужденных с личностной патологией решаются на уровне психологов и психиатров пенитенциарного учреждения» [1]. Безусловно, воспитательная работа с осужденными, страдающими психическими расстройствами, должна проводиться с учетом рекомендаций (выявленных личностных изменений и особенностей) специалиста (психиатра, нарколога, психо-

лога), однако, на наш взгляд, деятельность всех без исключения служб и подразделений исправительного учреждения должна нести в большей степени воспитательную нагрузку. Неслучайно учеными все чаще высказывается справедливая точка зрения, что отбывание наказания осужденными, страдающими психическими расстройствами, должно иметь свою специфику, иначе цели наказания будут недостижимы, а особенности их психофизиологической сферы и особенности поведения диктуют необходимость совершенствования организации исправительного и профилактического воздействия на них [6, с. 124–126].

Однако в действующем уголовно-исполнительном законодательстве Республики Беларусь отсутствуют нормы, регламентирующие как особенности исполнения наказаний в отношении лиц с психическими расстройствами, так и особенности применения средств исправления к данной категории лиц.

В этой связи, учитывая широкую распространенность психической патологии среди лиц, содержащихся в учреждениях УИС, возможность влияния психического расстройства на поведение осужденного в местах лишения свободы, для достижения всех целей уголовной ответственности считаем необходимым приступить к разработке норм уголовно-исполнительного законодательства Республики Беларусь, регламентирующих особенности исполнения наказаний в отношении осужденных с психическими расстройствами (включая общие положения исполнения наказания, особенности режима в исправительных учреждениях и средства его обеспечения в отношении данной категории граждан; особенности воспитательного воздействия на таких осужденных, особенности условий отбывания наказания, привлечения их к труду и др.).

Все это означает целесообразность системно-комплексного и междисциплинарного подходов к всестороннему изучению всех аспектов личности осужденных с психическими расстройствами, основанного на современных достижениях криминологии, психиатрии, психологии, педагогики, социологии и др. и использующего комплекс педагогических, медицинских и психологических средств исправительного воздействия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Диденко, А. В. Проблемы медико-социальной реабилитации осужденных с расстройствами личности в условиях исправительных учреждений / А. В. Диденко // Вестник Кузбасского института. – 2013. – № 3 (16). – С. 7–8.

2. **Ильюк, Е. В.** Применение принудительных мер медицинского характера при ограниченной вменяемости: проблемы применения / Е. В. Ильюк. – URL: <http://www.law.edu.ru/article/article.asp?articleID=1597962> (дата обращения: 12.01.2016).
3. **Кашинский, М. Ю.** Влияние состояния психического здоровья осужденных к лишению свободы на их исправление / М. Ю. Кашинский // Организационное обеспечение реформирования уголовно-исполнительной системы: материалы межвузовской научно-практической конференции (г. Рязань, 3 февраля 2014 г.). – Рязань: Академия ФСИН России, 2014. – С. 91–94.
4. **Кашинский, М. Ю.** Детерминанты преступности лиц с психическими расстройствами / М. Ю. Кашинский // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2017. – № 2 (34). – С. 94–98.
5. **Кашинский, М. Ю.** Роль личностных детерминант в генезе преступности и отклоняющегося поведения лиц с психическими расстройствами / М. Ю. Кашинский // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2018. – № 2 (36). – С. 139–144.
6. **Копыткин, С. А.** Правовые, организационные и медико-психологические основы расследования преступлений, совершенных осужденными с психическими расстройствами: монография / С. А. Копыткин, В. Б. Первозванский, Б. А. Спасенников. – Москва: Юрлитинформ, 2017. – 240 с. – ISBN 978-5-4396-1336-6.
7. **Кулаков, А. В.** Предупреждение преступного поведения осужденных с психическими девиациями в местах лишения свободы: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Кулаков Андрей Владимирович. – Самара, 2019. – 209 с.
8. **Скиба, А. П.** Исполнение уголовных наказаний в отношении больных осужденных: теоретико-прикладное исследование: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Скиба Андрей Петрович. – Рязань, 2013. – 38 с.
9. **Шабанов, В. Б.** Аутодеструктивное поведение в учреждениях уголовно-исполнительной системы: организационные и правовые проблемы: монография / В. Б. Шабанов, М. Ю. Кашинский. – Минск: Академия МВД Республики Беларусь, 2009. – 148 с. – ISBN 978-985-427-534-5.

REFERENCES

1. Didenko A. V. Problemy mediko-social'noj rehabilitacii osuzhdennyh s rasstrojstvami lichnosti v usloviyah ispravitel'nyh uchrezhdenij [Problems of medical and social rehabilitation of convicts with personality disorders in correctional facilities]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta – Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2013, no. 3 (16), pp. 7–8. (In Russ.).
2. Il'yuk E. V. *Primenenie prinuditel'nyh mer medicinskogo haraktera pri ogranichennoj vmenyaemosti: problemy primeneniya* [The use of compulsory medical measures with limited sanity: problems of application]. Available at: <http://www.law.edu.ru/article/article.asp?articleID=1597962> (accessed 12.01.2016). (In Russ.).
3. Kashinskij M. YU. Vliyaniye sostoyaniya psicheskogo zdorov'ya osuzhdennyh k lisheniyu svobody na ih ispravlenie [The influence of the mental health status of prisoners on their correction]. *Materialy mezhdvuzovskoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Organizacionnoye obespechenie reformirovaniya ugovovno-ispolnitel'noj sistemy»* [Materials of the interuniversity scientific and practical conference «Organizational support for the reform of the penal system»]. Ryazan, 2014, pp. 91–94. (In Russ.).
4. Kashinskij M. YU. Determinanty prestupnosti lic s psicheskimi rasstrojstvami [Determinants of the Crime of Persons with Mental Disabilities]. *Vestnik Akademii MVD Respubliki Belarus' – Bulletin of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus*, 2017, no. 2 (34), pp. 94–98. (In Russ.).
5. Kashinskij M. YU. Rol' lichnostnyh determinant v geneze prestupnosti i otklonyayushchegosya povedeniya lic s psicheskimi rasstrojstvami [The role of personality determinants in the genesis of crime and deviant behavior of persons with mental disorders]. *Vestnik Akademii MVD Respubliki Belarus' – Bulletin of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus*, 2018, no. 2 (36), pp. 139–144. (In Russ.).
6. Kopytkin S. A., Pervozvanskij V. B., Spasennikov B. A. *Pravovye, organizacionnye i mediko-psichologicheskie osnovy rassledovaniya prestuplenij, sovershennyh osuzhdennymi s psicheskimi rasstrojstvami* [Legal, organizational and medical-psychological foundations of the investigation of crimes committed by prisoners with mental disorders]. Moscow, 2017. 240 p. (In Russ.).
7. Kulakov A. V. *Preduprezhdenie prestupnogo povedeniya osuzhdennyh s psicheskimi deviaciyami v mestah lisheniya svobody. Diss. kand. yurid. nauk* [Prevention of criminal behavior of prisoners with mental deviations in prisons. Diss. PhD. in Law]. Samara, 2019. 209 p. (In Russ.).
8. Skiba A. P. *Ispolnenie ugovovnyh nakazaniy v otnoshenii bol'nyh osuzhdennyh: teoretiko-prikladnoye issledovanie. Avtoref. diss. dokt. yurid. nauk* [Execution of criminal sentences in relation to sick convicts: theoretical and applied research. Author's abstract of the diss. PhD. in Law]. Ryazan, 2013. 38 p. (In Russ.).
9. SHabanov V. B., Kashinskij M. YU. *Autodestruktivnoye povedenie v uchrezhdeniyah ugovovno-ispolnitel'noj sistemy: organizacionnye i pravovye problemy* [Auto-destructive behavior in institutions of the penal system: organizational and legal problems]. Minsk, 2009. 148 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTORS

ВЯЧЕСЛАВ БОРИСОВИЧ ШАБАНОВ – заведующий кафедрой криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск, Республика Беларусь, доктор юридических наук, профессор. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5796-3727>, e-mail: lawcrim@bsu.by

МИХАИЛ ЮЛЬЕВИЧ КАШИНСКИЙ – докторант научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь, г. Минск, Республика Беларусь, кандидат юридических наук, доцент. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5126-8734>, e-mail: m.kashinsky@yandex.ru

VYACHESLAV B. SHABANOV – Head of the Department of Criminology, Faculty of Law, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus, Dsc. in Law, Professor. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5796-3727>, e-mail: lawcrim@bsu.by

MIHAIL YU. KASHINSKIY – Postdoctoral Student of the Scientific and Pedagogical Faculty of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Minsk, Republic of Belarus, PhD. in Law, Associate Professor. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5126-8734>, e-mail: m.kashinsky@yandex.ru

Назначение уголовного наказания компьютерной программой: правовая инновация или деградация?¹

В. Ф. ЛАПШИН

Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация

Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8549-6305>, e-mail: kapitan-44@yandex.ru

Реферат. Настоящая работа посвящена рассмотрению вопроса о возможности введения в действующую систему правосудия различных математических алгоритмов и компьютерных программ, средствами которых определялись бы виды наказаний по конкретным уголовным делам, а также их предельные сроки или размеры. Данная проблема была предметом обсуждения на заседании Санкт-Петербургского международного криминологического клуба 15 февраля 2019 г. по теме «Преступление и проблемы адекватного наказания».

В целом исследование представляет собой критический анализ научных и практических доводов, которые приводят сторонники введения электронной системы определения наказания, наиболее соответствующего общественной опасности совершенного деяния и личности преступника. По результатам изучения представленных по этому поводу суждений делаются выводы о несостоятельности и (или) явной преувеличенности возможностей электронных средств назначения наказания в сравнении с интеллектуально-чувственными возможностями человека. Особое внимание обращается на тот факт, что в современных представлениях человечества отсутствуют общепризнанные критерии справедливости, соразмерности, милосердия и др., не поддающиеся автоматическому цифровому определению, а устанавливаемые благодаря исключительно чувственному восприятию человеком в процессе осуществления интеллектуальной деятельности.

В завершение работы приводится аргументация и формулируется вывод о возможности назначения уголовного наказания только человеком, без участия в этом процессе компьютерных программ и иных высокотехнологичных средств электронной обработки информации. Только основанное на положениях уголовного закона восприятие человеком (судьей) действительной общественной опасности совершенного преступления и личности преступника может обеспечить высокую степень справедливости и гуманизма назначаемого и исполняемого наказания в каждом конкретном случае.

Ключевые слова: назначение уголовного наказания; определение меры уголовно-правового воздействия; цифровые средства определения уголовного наказания; инновации в уголовном и уголовно-процессуальном праве; «Электронные весы правосудия».

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Для цитирования: Лапшин В. Ф. Назначение уголовного наказания компьютерной программой: правовая инновация или деградация? *Пенитенциарная наука*. 2020; 14(2):192–198. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-2-192-198.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Ямало-Ненецкого автономного округа в рамках научного проекта № 19-49-890002 (The reported study was funded by RFBR and Yamal-Nenets Autonomous Okrug, project number 19-49-890002) «Пределы гуманизации наказаний в условиях пенитенциарных учреждений Севера (Арктики): период Новой и Новейшей истории».

Assignment of criminal punishment by a computer program: legal innovation or degradation?¹

V. F. LAPSHIN

the Academy of the Federal Penal Service of Russia, Ryazan, Russian Federation
the Ugra State University, Khanty-Mansiysk, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8549-6305>, e-mail: kapitan-44@yandex.ru

Abstract. The present work is devoted to the consideration of the possibility of introducing various mathematical algorithms and computer programs into the current justice system that would determine the types of sentences in specific criminal cases as well as their terms or length. This problem was discussed at a meeting of the St. Petersburg International Criminological Club on February 15, 2019 on the topic: "Crime and the problems of adequate punishment".

In general the study is a critical analysis of the scientific and practical component of the arguments brought forward supporters of the introduction of an electronic system for assignment sentences, the most relevant of the committed act to public danger and the identity of the offender. Based on the results of the study of the judgments presented on this subject, conclusions are drawn about the insolvency and (or) apparent exaggeration of the possibilities of electronic means of sentencing in comparison with the intellectually-sensual capabilities of a person. Particular attention is drawn to the fact that in modern representations of mankind there are no universally recognized criteria of fairness, proportionality, mercy, etc. that are not amenable to automatic digital determination, but are established due to exclusively sensory perception by a person in the process of carrying out intellectual activity.

At the end of the work an argument is given and a conclusion is formulated about the possibility of assignment criminal punishment only by a person, without participation in this process of computer programs and other high-tech means of electronic information processing. Only the perception by the person (judge) of the real social danger of the crime committed and the identity of the offender based on the provisions of the criminal law can ensure a high degree of justice and humanism of the punishment imposed and executed in each case.

Key words: criminal punishment assignment; definition of a measure of criminal legal influence; digital means of determining criminal penalties; innovations in criminal and criminal procedure law; "Electronic scales of justice."

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law

For citation: Lapshin V. F. Assignment of criminal punishment by a computer program: legal innovation or degradation? *Penitenciarnaya nauka = Penitentiary Science*. 2020; 14(2):192–198. (In Russ.). DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-2-192-198.

Современные общественные отношения характеризуются широким применением электронных средств обработки информации. С учетом интенсивного развития компьютерных технологий они уже демонстрируют готовность к выполнению сложных функций, предполагающих комплексное решение как технических, так и творческих задач. Технологии, получившие обобщенное название «искусственный интеллект», в настоящее время успешно применяются в различных сферах жизни человека: от распознавания лиц на экране смартфона до создания «с нуля» художественных и музы-

кальных произведений [2]. Учитывая данные обстоятельства, в юридической науке все чаще высказываются суждения о необходимости применения высокотехнологичных средств в уголовном судопроизводстве, в том числе для определения уголовного наказания и иных форм уголовно-правового воздействия в отношении лиц, совершивших общественно опасное деяние.

Думается, что за последние несколько лет наиболее представительной дискуссионной площадкой по обсуждению возможностей применения цифровых технологий в уголовно-процессуальной деятельности

¹ The reported study was funded by RFBR and Yamal-Nenets Autonomous Okrug, project number 19-49-890002 «The limits of humanization of punishments in the conditions of the penal institutions of the North (Arctic): the period of the New and Contemporary History».

стало международное научное мероприятие, проведенное 15 февраля 2019 г. Санкт-Петербургским международным криминологическим клубом по теме «Преступление и проблемы адекватного наказания». Оно было организовано в формате международной беседы, предполагающей выступление основного докладчика с последующим коллективным обсуждением заявленных им проблемных вопросов и перспектив их решения как в гуманитарной науке, так и в области практической деятельности [6].

Основной доклад был представлен директором Центра правовых исследований (г. Баку) профессором Х. Д. Аликперовым по теме «Электронные весы правосудия». Ключевые тезисы доклада сводились к следующим утверждениям:

– современное правосудие на постсоветском пространстве характеризуется чрезмерным обвинительным уклоном и «расточительным применением уголовной репрессии». Подобную «расточительность» автор усмотрел в мизерном количестве выносимых оправдательных приговоров и чрезмерности случаев назначения наказания в виде лишения свободы на определенный срок. В качестве примера положительного опыта реализации правосудия по уголовным делам приведен опыт отдельных стран Западной Европы, в которых указанное наказание применяется в 8–15 % случаев вынесения обвинительных приговоров;

– действующий УК РФ определяет весьма широкие возможности для судебного усмотрения при принятии решения по уголовному делу, прежде всего при выборе вида уголовного наказания, его размера или срока. В дополнение к этому Х. Д. Аликперовым было обращено внимание на объективно низкое качество положений уголовного и уголовно-процессуального законодательства в совокупности с «систематическим извращением со стороны правоприменительных органов *духа и буквы закона* (курсив мой. – В. Л.)». К сожалению, докладчик не конкретизировал содержание объекта и средств указанного негативного воздействия.

По мнению Х. Д. Аликперова, обозначенные проблемы приобрели хронический характер, в связи с чем в современном обществе возникла потребность пересмотра «философии современного уголовного судопроизводства». Это указывает на необходимость поиска оптимальных мер, реализация которых «превратит суды в храмы правосудия, в которых замолкает голос неправды и звучит лишь глас права». В каче-

стве такого средства была предложена разработанная ученым программа для ЭВМ «Электронная система определения оптимальной меры наказания», обозначенная в докладе как «Электронные весы правосудия». В настоящее время данная программа зарегистрирована Федеральной службой по интеллектуальной собственности России (рег. № 2019615955 от 15.05.2019; автор и правообладатель Х. Д. Аликперов).

Многие участники научной дискуссии в процессе обсуждения доклада в целом выразили одобрение идеи Х. Д. Аликперова о необходимости введения подобной электронной инновации в процесс назначения уголовного наказания. В частности, Д. А. Шестаковым обращено внимание на перспективную возможность существенного облегчения умственной работы судьи и оказания ему информационной помощи при принятии решения в процессе индивидуализации уголовной ответственности [6]. Профессор Г. Н. Горшенков оценил предлагаемое цифровое уголовно-правовое нововведение как совершенно новую гуманистическую технологию превентивного воздействия уголовного наказания [4, с. 16].

Новые возможности для эффективной борьбы с судебским произволом и коррупцией в сфере уголовного судопроизводства увидел Ю. В. Голик. По его мнению, внедрение предлагаемой программы в процесс назначения уголовного наказания повысит доверие населения к судебной системе, а также обеспечит упрощение и ускорение сроков проверки законности и обоснованности вынесенных решений вышестоящими судами. В конечном счете указанная инновация будет способствовать укреплению законности и правопорядка в стране [6].

Аналогичные суждения были высказаны Я. И. Гилинским, который полагает, что внедрению в практическую деятельность программы «Электронные весы правосудия» будут активно противодействовать в первую очередь представители судебного корпуса, принимающие спорные решения в силу отсутствия должной степени профессионализма либо коррумпированности. Однако решение многих социальных проблем в перспективе будет обеспечено цифровыми средствами, неизбежность внедрения которых под сомнение не ставится [3, с. 20].

В ходе беседы были высказаны и иные более сдержанные мнения относительно повсеместного применения в судебной практике предлагаемой программы (А. В. Никуленко, А. П. Данилов, Н. А. Край-

нова, Ю. И. Дук и др.). Однако участники беседы отказались от категоричного отрицания возможности внедрения электронных средств принятия или влияния на принятие итоговых решений по уголовным делам [6].

Независимо от конечного положительно или отрицательного решения о внедрении «Электронных весов правосудия» в практическую сферу юриспруденции следует признать несомненную заслугу Х. Д. Аликперова в том, что им проделана серьезная научно-исследовательская работа, результат которой готов для внедрения в деятельность органов судебной власти. Количество подобных предложений с течением времени будет только увеличиваться, потому перед научным юридическим сообществом поставлен принципиальный вопрос о допустимости в целом или о пределах возможной допустимости участия неодушевленных средств материального или виртуального мира в отправлении правосудия.

Прежде чем высказать собственное мнение относительно применения компьютерных программ в решении вопросов о виде и размере (сроке) наказания, которое следует назначить по конкретному уголовному делу, считаем обязательным осуществить анализ представленных Х. Д. Аликперовым аргументов о переосмыслении «философии современного уголовного судопроизводства». Так, нельзя не согласиться с выводом ученого о значительном количественном превосходстве обвинительных приговоров над оправдательными. При этом подобная судебная практика имеет место на территории всего постсоветского пространства. Но можно ли рассматривать данный факт в качестве свидетельства или некомпетентности, или необъективности, или жестокости, и (или) иных негативных личностных характеристик тех лиц, которые уполномочены принимать решение об избрании для подсудимого индивидуальной меры уголовной ответственности?

Полагаем, что причина непопулярности оправдательного приговора в современном правосудии носит системный, а не индивидуальный характер. Убедиться в этом достаточно легко, если учесть существующие ведомственные правила оценки эффективности деятельности органов дознания, предварительного следствия и прокуратуры, то есть компетентных органов государственной власти, обеспечивающих направление уголовных дел в суд.

Вынесение судом оправдательного приговора с точки зрения уголовно-процессу-

ального законодательства является одним из возможных легитимных (а потому естественных, разумных) решений по уголовному делу: уголовно-правовой спор между гражданином и государством закончился победой первого, что вполне укладывается в содержание закрепленного ст. 15 УПК РФ принципа состязательности сторон. Однако вынесение оправдательного приговора и формирование статистических показателей о состоянии преступности крайне негативно влияет на общую оценку качества и эффективности профессиональной деятельности соответствующих правоохранительных ведомств и входящих в них подразделений. Действия должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование или надзор за законностью решений, принимаемых на стадиях досудебного производства по уголовному делу, определяются, по меньшей мере, как разновидность грубого дисциплинарного правонарушения – «нарушение законности», если они привели к формированию уголовного дела, по которому был вынесен оправдательный приговор.

Вследствие этого дознаватель и следователь, а также прокурор, осуществляющий надзор за законностью производства предварительного расследования, осуществляют все возможные уголовно-процессуальные действия: освобождение от уголовной ответственности, приостановление производства по уголовному делу, выделение материалов уголовного дела в отдельное производство и т. п., с целью недопущения направления в суд уголовного дела, не имеющего серьезных перспектив обвинения. Этими же причинами объясняется и популярность института особого порядка судебного разбирательства (разд. X УПК РФ), реализация которого сводится к фактически безальтернативному вынесению обвинительного приговора. Именно эти причины порождают следствие в виде незначительного количества оправдательных приговоров, а не «карательно-кровожадный» менталитет, якобы присущий большинству представителей судебной системы.

Отдельного внимания заслуживает отрицательная оценка Х. Д. Аликперова факта чрезмерно частого назначения наказания в виде лишения свободы на определенный срок. Подобные заявления, основанные преимущественно на сопоставлении аналогичных показателей деятельности судебных систем отдельных зарубежных государств, воспринимаются, по меньшей мере, как не-

корректные, а потому нуждающиеся в дополнительном обосновании.

Во-первых, в процессе выбора формы реализации уголовной ответственности суд руководствуется законодательно установленными общими началами назначения уголовного наказания (ст. 6, 60 УК РФ). В этой связи выбор наказания в виде лишения свободы не может являться произвольным, а напротив, обосновывается в содержании обвинительного приговора как наиболее приемлемое решение, реализация которого обеспечивает заявленные в ч. 2 ст. 43 УК РФ цели.

Во-вторых, суд назначает вид уголовного наказания исходя из общей оценки общественной опасности совершенного преступления, личности преступника и иных юридических и фактических обстоятельств, имеющих значение для дела. К фактическим обстоятельствам можно отнести, к сожалению, имеющие место случаи, когда предусмотренное санкцией нормы уголовного закона наказание в действительности исполнить не представляется возможным. Формальный подход к обозначению в приговоре данного вида наказания приведет к возникновению состояния безнаказанности лица, совершившего преступление. Поэтому суд поставлен в условия необходимости назначения иного реального для исполнения уголовного наказания, но с учетом выполнения требований, предусмотренных ст. 6 и 60 УК РФ.

Наконец, в-третьих, не следует забывать, что преступление представляет собой разновидность правонарушения, посягающего на наиболее важные и значимые общественные отношения, вследствие чего характеризующегося в качестве деяния, обладающего повышенной общественной опасностью. Подобная социальная характеристика преступного деяния предопределяет и первоочередной выбор видов наказаний, сущность которых сводится к лишению или ограничению наиболее важных (конституционных) прав и свобод, в том числе права на свободное передвижение в пространстве, выбора места жительства или пребывания.

Учитывая изложенное, невозможно разделить мнение тех авторов, которые указывают на несовершенство судебной практики, ссылаясь на значительное количество назначений наказания в виде лишения свободы, при этом глубоко не анализируя причины вынесения таких приговоров.

Трудно не признать справедливость указания Х. Д. Аликперова на низкое качество

положений действующего уголовного законодательства, в том числе и относительно неоправданно широких возможностей судьи при осуществлении индивидуализации уголовной ответственности. Это замечание в равной степени относится как к выбору видов назначаемых уголовно-правовых мер государственного принуждения, так и пределов минимальных и максимальных сроков или размеров наказания, предусмотренного санкциями многих уголовно-правовых норм. Но, зная об имеющихся нарушениях правил законодательной техники, допущенных при формулировании отдельных уголовно-правовых норм, было бы логичнее формулировать предложения о системном или частном исправлении соответствующих положений уголовного закона, нежели создавать электронный алгоритм, внедрение которого якобы обеспечит преодоление допущенной законодателем ошибки и гарантирует справедливость назначения уголовного наказания.

К непоследовательности в обозначении Х. Д. Аликперовым истинных причин, которыми вызваны современные проблемы в практике применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства, можно прибавить и крайнюю неопределенность формулирования целей внедрения в деятельность органов уголовного правосудия предлагаемой электронной системы, которая высчитывает оптимальную меру уголовного наказания. В этой части можно предположить, что за метафоричными заявлениями о создании «храмов правосудия», «существенной экономии уголовной репрессии» и др. в действительности кроется идея о назначении уголовного наказания, законность и справедливость которого не может быть подвергнута ни малейшему сомнению как сторонами уголовного процесса, так и третьими лицами (правда, автор все же делает оговорку о возможных апелляционных жалобах и протестах на вердикты судов, что не исключает недовольство кого-либо из участников уголовного процесса итоговым решением относительно наказания, назначенного с помощью цифрового продукта). Средством же достижения данной цели является включение в процесс принятия решения по уголовному делу компьютерной программы, которая в отличие от судьи лишена всех человеческих пороков, а потому гарантированно предложит самый объективный и справедливый вариант реализации уголовной ответственности в отношении подсудимого.

Полагаем, что как бы заманчиво ни звучали подобные целевые заявления для любого представителя общества, все же они являются чрезмерно идеалистичными, а потому и недостижимыми даже при помощи сверхсовременных средств обработки информации и электронного генерирования возможных вариантов решений. Косвенно это предположение подтверждает и сам автор программы «Электронные весы правосудия», описывая результаты ее апробации: исходным материалом стали «более ста различных обвинительных приговоров, вступивших в законную силу». В результате эмпирического исследования установлено, что «предложенная электронная система в состоянии успешно справиться с выбором справедливого наказания, причем с вероятностью, как минимум, 97–99 %» [6].

Процитированные тезисы свидетельствуют, что, во-первых, не существует эталона справедливости судебного решения, а предлагаемая (как и любая другая) программа в принципе не может обеспечить его создание. Именно по этой причине за основу для последующего сравнительного анализа работы предложенной электронной системы и были взяты уже принятые людьми судебные решения. Здесь видим явную логическую ошибку в обоснованности аргумента, определяемую как «круг в доказательстве» [1, с. 486]: решение человека не справедливо – решение программы справедливо – справедливость решения программы определяется соответствием решению человека. При этом предложенные цифровыми средствами решения о наказании совпадают с содержанием взятых за основу приговоров, вступивших в законную силу, на 97–99 %. Конечно, разницу в показателях можно отнести к вполне допустимой статистической погрешности, но все же: как оценить справедливость и, соответственно, законность тех приговоров, которые составили эти 1–3 %? Уверены, что приоритет остается за решением человека, а не программы.

Во-вторых, рискнем предположить, что количество взятых для экспериментального исследования обвинительных приговоров, вступивших в законную силу (более ста), недостаточно для формулирования положительных выводов о применении предлагаемого цифрового продукта в сфере уголовного правосудия.

В-третьих, остается открытым вопрос о целесообразности внедрения в деятельность судебных органов программ для ЭВМ, призванных обеспечить определение спра-

ведливого уголовного наказания, если основу предлагаемого алгоритма расчетов по-прежнему будут составлять ранее вынесенные судебные решения, вступившие в законную силу, а также некая средняя математически устанавливаемая пропорция между юридически значимыми обстоятельствами, смягчающими или отягчающими уголовную ответственность. Можно предположить, что в этой части результаты интеллектуальной деятельности человека окажутся обоснованнее и справедливее, чем те, которые будут предложены электронно-вычислительной машиной.

В завершение анализа предложений, сформулированных Х. Д. Аликперовым относительно внедрения программы «Электронные весы правосудия» в деятельность органов российской судебной системы, обратим внимание на тот факт, что принятое судом решение по уголовному делу должно отвечать принципу справедливости (ст. 6 УК РФ) и обеспечивать ее восстановление (ч. 2 ст. 43 УК РФ). За все время существования уголовно-правовая доктрина не смогла сформулировать общепризнанного определения справедливости и критериев ее практической оценки. Споры относительно данной категории не прекращаются (и скорее всего не прекратятся), в связи с чем некоторые авторы небезосновательно заявляют о философском, а не правовом содержании справедливости уголовного наказания [5, с. 340]. Из этого можно заключить, что в обществе имеются весьма абстрактные представления о категории «справедливость», но общего шаблонного понимания ее содержания у людей, включая участников уголовного судопроизводства, не имеется и не может иметься. Вот почему идея о применении электронного средства для определения социальных категорий, не имеющих точных количественных характеристик, сама по себе является утопией.

Справедливость выносимого приговора формируется на основе предписаний уголовного закона в совокупности с чувственными представлениями человека о сострадании, честности, сопереживании, милосердии, пределах возмездия, порядочности и др. Именно поэтому неподверженные переводу в электронный код чувства человека в конечном итоге и способствуют обеспечению *справедливости* назначенного наказания. Эта юридическая презумпция закрепляется в действующем законодательстве. И уголовный, и уголовно-процессуальный закон в качестве основополагающих на-

чал называет преимущество субъективного, то есть чувственного, отношения к оценке поведения участников уголовных правоотношений. В частности, уголовный закон предопределяет недопустимость объективного вменения (ч. 2 ст. 5 УК РФ) при характеристике общественной опасности и противоправности деяния, предусмотренного соответствующей нормой Особенной части. В этом же контексте уголовно-процессуальное право устанавливает принцип свободы оценки доказательств, в основе которой находится внутреннее убеждение властного субъекта уголовного процесса, формируемое как законом, так и собственной совестью (ст. 17 УПК РФ).

Наконец, не следует забывать, что в действительности речь идет не о механическом процессе выбора одного из предложенных санкцией видов наказаний с таким же средневзвешенным установлением его срока или размера, а об определении дальнейшей судьбы человека, признанного виновным в совершении преступления. Нельзя игнорировать тот факт, что принимаемое в

отношении подсудимого решение о назначаемой мере уголовной ответственности во многих случаях непосредственно затрагивает (умалывает) права и законные интересы третьих лиц: членов семьи, иждивенцев, потерпевшего, работодателя и др. Произвести оценку этих и многих иных фактических обстоятельств, которые не предусмотрены законом и не имеют прямого отношения ни к обстоятельствам совершенного преступления, ни к личности виновного, даже самая идеальная программа для ЭВМ не способна.

В этой связи можем заключить, что судить человека может только человек. Любое вмешательство в процесс назначения уголовного наказания, включая внедрение электронных средств сбора и обобщения информации (даже на правах «совещательного голоса»), создает опасность принятия решений, не отвечающих истинному смыслу положений уголовного закона, а также снимает с судьи значительную долю ответственности за законность и справедливость вынесенного приговора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Войшвилло, Е. К.** Логика : учебник для студентов высших учебных заведений / Е. К. Войшвилло, М. Г. Дегтярев. – Москва : ВАЛДОС-ПРЕСС, 2001. – 528 с. ISBN 5-305-00001-7.
2. ВЦИОМ: 70 % россиян не понимают сути искусственного интеллекта. – URL: <https://naked--science-ru.turbopages.org/s/naked-science.ru/article/hi-tech> (дата обращения: 23.05.2020).
3. **Гилинский, Я. И.** «Электронные весы правосудия» – вымысел или реальность? / Я. И. Гилинский // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2019. – № 1. – С. 18–20.
4. **Горшенков, Г. Н.** О «весах Аликперова» / Г. Н. Горшенков // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2019. – № 1. – С. 16–17.
5. **Наумов, А. В.** Российское уголовное право : курс лекций. В 2 томах. Том 1: Общая часть / А. В. Наумов. – Москва : Юридическая литература, 2004. – 496 с. – ISBN 5-7260-1022-1.
6. Преступление и проблемы адекватного наказания. – URL: <https://www.criminologyclub.ru/home/3-last-sessions/356-2019-02-26-20-10-22.html> (дата обращения: 23.05.2020).

REFERENCES

1. **Vojshvillo E. K., Degtyarev M. G.** *Logika* [Logics]. Moscow, 2001. 528 p. (In Russ.).
2. **VCIOM: 70 % rossiyan ne ponimayut suti iskusstvennogo intellekta** [Russian Public Opinion Research Center: 70 % of Russians do not understand the essence of artificial intelligence]. Available at: <https://naked--science-ru.turbopages.org/s/naked-science.ru/article/hi-tech> (accessed 23.05.2020). (In Russ.).
3. **Gilinskij YA. I.** «Elektronnye vesy pravosudiya» – vymysel ili real'nost'? [«Electronic scales of justice» – fiction or reality?]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: yesterday, today, tomorrow*, 2019, no. 1, pp. 18–20. (In Russ.).
4. **Gorshenkov G. N.** О «vesah Alikperova» [About «Alikperov's Scales»]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: yesterday, today, tomorrow*, 2019, no. 1, pp. 16–17. (In Russ.).
5. **Naumov A. V.** *Rossijskoe ugovolnoe pravo. V 2 tomah. Tom 1: Obshchaya chast'* [Russian criminal law. In 2 vol. Vol. 1: General part]. Moscow, 2004. 496 p. (In Russ.).
6. *Prestuplenie i problemy adekvatnogo nakazaniya* [Crime and problems of adequate punishment]. Available at: <https://www.criminologyclub.ru/home/3-last-sessions/356-2019-02-26-20-10-22.html> (accessed 23.05.2020). (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTORS

ВАЛЕРИЙ ФЕДОРОВИЧ ЛАПШИН – начальник кафедры уголовного права Академии ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса Югорского государственного университета, г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация, доктор юридических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8549-6305>, e-mail: kapitan-44@yandex.ru

VALERY F. LAPSHIN – Head of the Department of Criminal Law of the Academy of the Federal Penal Service of Russia, Ryazan, Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure of the Ugra State University, Khanty-Mansiysk, Russian Federation, Dsc. in Law, Associate Professor. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8549-6305>, e-mail: kapitan-44@yandex.ru

Ответственность за обращение контрафактных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий, фальсифицированных биологически активных добавок: проблемы правоприменительной практики в условиях пандемии коронавируса

В. С. ТАНЦЮРА

Нижегородская академия МВД России, г. Нижний Новгород, Российская Федерация

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, г. Ярославль, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0261-4271>, e-mail: victor130381@rambler.ru

М. М. ПОПОВИЧ

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2421-1748>, e-mail: marih13@mail.ru

Реферат. Предметом исследования в статье стали теоретические и прикладные вопросы реализации ответственности за обращение контрафактных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий, фальсифицированных биологически активных добавок в условиях пандемии коронавируса. Авторы анализируют законотворческую практику Государственной Думы Российской Федерации по внесению изменений и дополнений в правовую норму, регламентирующую данный состав преступления (ст. 238¹ УК РФ). Принятие дополнений в УК РФ объясняется объективно назревшей необходимостью устранения существовавшего пробела в законодательстве, а также трудностями правоприменительной практики по борьбе с преступлениями в сфере обращения лекарственных средств, медицинских изделий и БАДов. Имеющиеся статистические сведения в полной мере не отражают реального масштаба распространения фальсифицированных, недоброкачественных, незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий, фальсифицированных БАДов, однако убедительно свидетельствуют о тяжести сложившейся в этой сфере ситуации и актуальности разработки соответствующих уголовно-правовых мер противодействия. В статье указывается, что в результате проведенного правоохранительными органами Российской Федерации мониторинга сети «Интернет» было выявлено более 600 ресурсов по продаже лекарственных средств, медицинских изделий и БАДов, легальность происхождения которых вызывает сомнение.

В статье рассматривается юридическое содержание объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 238¹ УК РФ. По мнению авторов, в него необходимо внести изменения с тем, чтобы установить уголовную ответственность лица, ранее подвергнутого административной ответственности по ст. 6.33 КоАП РФ, то есть использовать прием административной преюдиции в уголовном законе, а также ввести квалифицирующий признак – совершение преступления лицом, ранее судимым за совершение аналогичного преступления.

В соответствии с требованиями ст. 7, 13 конвенции Совета Европы «Медикрим», а также под влиянием обстоятельств, связанных с международным распространением COVID-19, в качестве квалифицирующих признаков состава преступления, предусмотренного ст. 238¹ УК РФ, предлагается рассматривать совершение преступления лицом с использованием служебного положения, путем обмана или злоупотребления доверием производителя или поставщика, в условиях массового заражения населения, в условиях эпидемии или пандемии.

Ключевые слова: лекарственное средство; медицинское изделие; биологически активная добавка; квалифицирующий признак; законодательная техника; правоприменительная практика; имплементация норм права; пандемия коронавируса (COVID-19).

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Для цитирования: Танцюра В. С., Попович М. М. Ответственность за обращение контрафактных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий, фальсифицированных биологически активных добавок: проблемы правоприменительной практики в условиях пандемии коронавируса. *Пенитенциарная наука*. 2020; 14 (2):199–205. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-2-199-205.

Responsibility for circulation counterfeit and unregistered medicines, medical devices, falsified biologically active food additives: problems of law enforcement in the context of the coronavirus pandemic

V. S. TANTSYURA

the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation

the P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0261-4271>, e-mail: victor130381@rambler.ru

M. M. POPOVICH

the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Vologda, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2421-1748>, e-mail: marih13@mail.ru

Abstract. The subject of the study in the paper was theoretical and applied issues of the responsibility for the circulation of counterfeit and unregistered medicines, medical devices, falsified biologically active food additives in the context of the coronavirus pandemic. The authors analyze the legislative practice of the State Duma of the Russian Federation on amendments and addenda to the legal norm governing this corpus delicti (Art. 238¹ of the Criminal Code of the Russian Federation). The adoption of amendments to the Criminal Code of the Russian Federation is explained by the objectively urgent need to fill the existing gap in the legislation, as well as the difficulties of law enforcement practice in combating crimes in the field of circulation of medicines, medical devices and BAFD. The available statistical data do not fully reflect the real scale of the distribution of counterfeit, substandard, unregistered drugs, medical devices, and falsified BAFD, but they convincingly indicate the severity of the situation in this area and the relevance of developing appropriate criminal law countermeasures. The paper indicates that as a result of the monitoring of the Internet by law enforcement agencies of the Russian Federation more than 600 resources for the sale of medicines, medical devices and BAFD were identified, the legality of which is doubtful.

The article discusses the legal content of the objective side of the crime under Art. 238¹ of the Criminal Code. According to the authors, it is necessary to amend it in order to establish the criminal liability of a person previously subjected to administrative responsibility under Art. 6.33 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, that is, use the method of administrative prejudice in a criminal law, as well as introduce a qualifying attribute – the commission of a crime by a person previously convicted of a similar crime.

In accordance with the requirements of Art. 7, 13 of the Council of Europe Convention “Medicrim”, as well as under the influence of circumstances related to the international distribution of COVID-19, as qualifying signs of an offense under Art. 238¹ of the Criminal Code, it is proposed to consider the commission of a crime by a person using his official position, by deceiving or abusing the confidence of the manufacturer or supplier, in conditions of mass infection of the population, in an epidemic or pandemic.

Key words: drug; medical device; biologically active food additives (BAFD); qualifying attribute; legislative technique; law enforcement practice; implementation of the rule of law; coronavirus pandemic (COVID-19).

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law

For citation: Tantsyura V. S., Popovich M. M. Responsibility for circulation counterfeit and unregistered medicines, medical devices, falsified biologically active food additives:

problems of law enforcement in the context of the coronavirus pandemic. *Penitenciarnaya nauka = Penitentiary Science*. 2020; 14 (2):199–205. (In Russ.). DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-2-199-205.

В настоящее время перед мировым сообществом остро стоит проблема борьбы с коронавирусной инфекцией (далее – COVID-19), которая в условиях массового межгосударственного распространения достигла уровня пандемии. COVID-19 – рибонуклеиновая кислота, содержащая вирус, инфекционный агент, возбудитель инфекции, под официальным названием SARS-CoV-2, способный инфицировать людей и некоторых животных, вызывающий у людей ряд заболеваний – от легких форм острой респираторной инфекции до тяжелого острого респираторного синдрома [1].

По состоянию на 12 мая 2020 г. в мире зарегистрировано 4 262 799 случаев заражения COVID-19, число выздоровевших составляет 1 493 661, зафиксирован 291 981 случай смертельного исхода в результате заболевания COVID-19, ежедневно количество заболевших лиц и смертельных случаев вследствие заболевания COVID-19 непрерывно возрастает. Исходя из вышеприведенных статистических данных, следует признать, что COVID-19 представляет серьезную угрозу для мирового сообщества.

На территории Российской Федерации по состоянию на 12 мая 2020 г. зарегистрировано 232 243 случая заражения COVID-19, 2116 смертельных исходов в результате поражения COVID-19, количество выздоровевших лиц составляет 43 512. Очевидна необходимость проведения в оперативном режиме срочных мероприятий по преодолению условий, способствующих нейтрализации вредных последствий распространения COVID-19 в России и в мире. В сложившихся условиях пандемии коронавируса объективно возрастает спрос прежде всего на лекарственные средства, медицинские изделия, которые представляют собой фармацевтические средства лечения сопутствующих симптомов COVID-19. Также необходимо принимать во внимание все возрастающий интерес со стороны широких слоев населения в отношении биологически активных добавок, которые могут выступать как средство профилактики заболевания COVID-19. Данные объективные тенденции создают благоприятную почву для негативных проявлений в условиях суровой российской действительности, вызванной пандемией, что находит выражение в многочисленных

фактах реализации лекарственных средств, медицинских изделий, биологически активных добавок сомнительного происхождения, представляющих опасность для жизни и здоровья человека.

Юридическая ответственность за производство, сбыт или ввоз на территорию Российской Федерации фальсифицированных лекарственных средств или медицинских изделий, либо сбыт или ввоз на территорию Российской Федерации недоброкачественных лекарственных средств или медицинских изделий, либо незаконное производство, сбыт или ввоз на территорию Российской Федерации в целях сбыта незарегистрированных лекарственных средств или медицинских изделий, либо производство, сбыт или ввоз на территорию Российской Федерации фальсифицированных биологически активных добавок, содержащих не заявленные при государственной регистрации фармацевтические субстанции, была введена в содержание Особенной части УК РФ федеральным законом от 31.12.2014 № 532-ФЗ. Впервые в истории отечественного уголовного права законодатель в качестве основного условия наступления уголовной ответственности за незаконное обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок установил обязательный признак – совершение данного деяния в крупном размере, то есть в размере, превышающем 100 тыс. руб. (примечание к ст. 238¹ УК РФ). В качестве квалифицирующих признаков состава данного преступления в ч. 2 ст. 238¹ УК РФ были закреплены признаки: в п. «а» – совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 238¹ УК РФ, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой; в п. «б» – совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 238¹ УК РФ, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью либо смерть человека. В ч. 3 ст. 238¹ УК РФ приводится такой квалифицирующий признак, как совершение преступлений, предусмотренного ч. 1 или ч. 2 ст. 238¹ УК РФ, повлекшие по неосторожности смерть двух или более лиц.

Предметом преступных деяний рассматриваемой категории являются незарегистрированные, фальсифицированные, недоброкачественные лекарственные средства, медицинские изделия и фальсифицированные биологически активные добавки. Лекарственными средствами признаются вещества или их комбинации, вступающие в контакт с организмом человека или животного, проникающие в органы, ткани организма человека или животного, применяемые для профилактики, диагностики (за исключением веществ или их комбинаций, не контактирующих с организмом человека или животного), лечения заболевания, реабилитации, сохранения, предотвращения или прерывания беременности и полученные из крови, плазмы крови, органов, тканей организма человека или животного, растений, минералов методами синтеза или с применением биологических технологий. К лекарственным средствам также относятся фармацевтические субстанции и лекарственные препараты. Согласно Федеральному закону от 12.04.2010 № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» недоброкачественным признается лекарственное средство, не соответствующее требованиям фармакопейной статьи либо в случае ее отсутствия требованиям нормативной документации или нормативного документа, под фальсифицированным лекарственным средством понимается лекарственное средство, сопровождаемое ложной информацией о его составе и (или) производителе.

Медицинскими изделиями являются любые инструменты, аппараты, приборы, оборудование, материалы и прочие изделия, применяемые в медицинских целях отдельно или в сочетании между собой, а также вместе с другими принадлежностями, необходимыми для применения указанных изделий по назначению, включая специальное программное обеспечение, и предназначенные производителем для профилактики, диагностики, лечения и медицинской реабилитации заболеваний, мониторинга состояния организма человека, проведения медицинских исследований, восстановления, замещения, изменения анатомической структуры или физиологических функций организма, предотвращения или прерывания беременности, функциональное назначение которых не реализуется путем фармакологического, иммунологического, генетического или метаболического воздействия на организм человека. В соответствии с Федеральным законом от 21.11.2011

№ 323-ФЗ (в ред. от 29.05.2019) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» фальсифицированным медицинским изделием является медицинское изделие, сопровождаемое ложной информацией о его характеристиках и (или) производителе (изготовителе), недоброкачественным медицинским изделием признается медицинское изделие, не соответствующее требованиям, технической и (или) эксплуатационной документации производителя (изготовителя) либо в случае ее отсутствия требованиям иной нормативной документации.

Федеральный закон от 02.01.2000 № 29-ФЗ (в ред. от 23.04.2018) «О качестве и безопасности пищевых продуктов» к биологически активным добавкам относит природные (идентичные природным) биологически активные вещества, предназначенные для употребления одновременно с пищей или введения в состав пищевых продуктов. Под фальсифицированными пищевыми продуктами (в том числе биологически активными добавками) понимаются материалы и изделия – пищевые продукты (в том числе биологически активные добавки), материалы и изделия, умышленно измененные (поддельные) и (или) имеющие скрытые свойства и качество, информация о которых является заведомо неполной или недостоверной. Незарегистрированными лекарственными средствами и медицинскими изделиями являются препараты, изделия, материалы, инструменты, прошедшие клинические испытания и применяемые за рубежом, но не зарегистрированные на территории Российской Федерации в установленном порядке.

Объективная сторона рассматриваемого преступления характеризуется совершением одного из перечисленных в диспозиции ст. 238¹ УК РФ действий. Обязательным условием наступления уголовной ответственности за ввоз на территорию Российской Федерации незарегистрированных лекарственных средств или медицинских изделий является наличие у правонарушителя цели сбыть ввезенные препараты.

Специфичность данной категории преступлений заключается в том, что лицо, осуществляющее производство, сбыт или ввоз на территорию Российской Федерации с целью сбыта фальсифицированных, недоброкачественных, незарегистрированных лекарственных средств и медицинских изделий, фальсифицированных биологически активных добавок, действует умышленно,

из корыстных побуждений, осознает общественно опасный характер своего деяния и относится безразлично к последствиям для жизни и здоровья неограниченного круга лиц, выступающих в качестве потребителей фальсифицированных, недоброкачественных, незарегистрированных лекарственных средств и медицинских изделий, фальсифицированных биологически активных добавок. В 2019 г. за совершение деяний, предусмотренных ст. 238¹ УК РФ, в судах Российской Федерации было рассмотрено по существу 37 уголовных дел, обвиняемые лица были осуждены и приговорены к различным видам уголовных наказаний (в 2018 г. – 39 уголовных дел, 38 лиц осуждено, 1 лицо оправдано; в 2017 г. – 13 уголовных дел, 13 лиц осуждено; в 2016 г. – 2 уголовных дела, 2 лица осуждено). Учитывая социальные реалии, данные количественные показатели не соответствуют объективному состоянию дел в сфере оборота фальсифицированных, недоброкачественных, незарегистрированных лекарственных средств и медицинских изделий, фальсифицированных биологически активных добавок.

О сложившейся в российском социуме ситуации свидетельствуют сведения о проведенных Росздравнадзором мероприятий в форме государственного контроля за обращением лекарственных препаратов. В частности, в 2019 г. всего было изъято из обращения 738 серий лекарственных средств, качество которых не отвечает установленным требованиям, из общего количества изъятых серии 287 – недоброкачественные лекарственные средства, 399 – лекарственные средства, которые отозваны производителями (импортерами), 12 – фальсифицированные препараты, 10 – фальсифицированные фармацевтические субстанции и препараты, изготовленные из них, 29 – контрафактные лекарственные средства, 1 – незарегистрированный препарат. Для сравнения: в 2018 г. было изъято из обращения 752 серии лекарственных средств, 2017 г. – 915, в 2016 г. – 1938, в 2015 г. – 1713. В течение 2019 г. в результате проведенных мероприятий Росздравнадзором совместно с правоохранительными органами было выявлено 1156 наименований медицинских изделий, находящихся в обращении с нарушением действующего законодательства, в том числе 258 незарегистрированных медицинских изделий (2018 г. – 249), 442 недоброкачественных медицинских изделия (2018 г. – 435), отозвано производителями 420 наименований медицинских изделий

(2018 г. – 409), изъяты из обращения 23 наименования медицинских изделий (2018 г. – 37), 13 фальсифицированных медицинских изделий (2018 г. – 20).

Приведенные статистические данные свидетельствуют о тенденции к стабилизации уровня находящихся в обращении лекарственных средств и медицинских изделий, качество которых не соответствует установленным требованиям, однако количественные показатели уровня находящихся в обороте недоброкачественных лекарственных средств и медицинских изделий свидетельствуют о сложной ситуации, сложившейся в России в сфере обращения фальсифицированных, недоброкачественных, незарегистрированных лекарственных средств и медицинских изделий, фальсифицированных биологически активных добавок, и об актуальности усиления государственно-правовых мер по ее разрешению.

В процессе правоприменительной деятельности остро встает вопрос о пресечении фактов реализации фальсифицированных, недоброкачественных, незарегистрированных лекарственных средств и медицинских изделий, фальсифицированных биологически активных добавок через всемирную сеть «Интернет». И действительно, в результате проведенного правоохранительными органами Российской Федерации мониторинга сети «Интернет», включая социальные сети, бесплатные ресурсы о купле-продаже, было выявлено более 700 интернет-ресурсов по продаже лекарственных средств, отпускаемых по рецептам, медицинских изделий и биологически активных добавок, легальность происхождения которых вызывает сомнение. В силу вышеизложенных обстоятельств очевидна необходимость внесения в существующую редакцию ст. 238¹ УК РФ изменений с целью введения оснований для привлечения к уголовной ответственности за реализацию лекарственных средств, медицинских изделий и биологически активных добавок сомнительного происхождения и качества с использованием сети «Интернет». О важности соответствующих корректив свидетельствуют требования ст. 7, 13 Конвенции Совета Европы о борьбе с фальсификацией медицинской продукции и сходными преступлениями, угрожающими здоровью населения, ратифицированной Российской Федерацией 20 марта 2018 г. и 1 июля 2018 г., вступившей в силу на территории Российской Федерации. Конвенция «Медикрим» указывает на необходимость включения в национальные системы уго-

ловного законодательства ряда квалифицирующих признаков составов преступлений, в частности речь идет о совершении преступлений в сфере оборота лекарственных средств, биологически активных добавок путем изготовления поддельных или фальсифицированных документов, а также с использованием средств широкого распространения, таких как информационные системы, включая Интернет [4, с. 8].

В ситуации, когда нормы права, в данном случае уголовного, должны обеспечивать оптимальное правовое воздействие на изменяющиеся общественные отношения, ключевая роль в процессе правотворчества отводится законодательной технике. По мнению А. В. Иванчина, законодательная техника представляет собой систему средств, приемов и правил, используемых для наиболее точного и последовательного выражения воли правотворца в нормативных актах [2, с. 28]. Л. Л. Кругликов рассматривает законодательную технику как совокупность средств и приемов, используемых для придания содержанию норм соответствующей формы [3, с. 259].

В практической плоскости эффективность применения нормы права зависит от степени проработанности законодательной техникой ее содержания и формы на предмет соответствия нормы права объективно существующим в социуме отношениям. И действительно, правотворческое предназначение законодательной техники – создание совершенных, действенных, живых правовых предписаний, способных эффективно осуществлять правовое воздействие на объективно существующие реалии в сферах жизнедеятельности личности, общества и государства. В рассматриваемом контексте необходимо обратить внимание на внесенный в октябре 2018 г. инициативной группой депутатов Государственной Думы Российской Федерации законопроект № 565354 «О внесении изменения в ст. 238¹ УК РФ», который усиливает уголовную ответственность за оборот фальсифицированных, контрафактных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и фальсифицированных биологически активных добавок в сети «Интернет». Цель рассматриваемого законопроекта – повысить уровень защищенности граждан Российской Федерации от оборота фальсифицированных, контрафактных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, ме-

дицинских изделий и фальсифицированных биологически активных добавок, реализуемых посредством сети «Интернет», а также восполнить пробел действующего законодательства Российской Федерации в части реализации требований конвенции «Медикрим». Результатом данной законотворческой деятельности стало принятие федерального закона от 01.04.2020 № 95-ФЗ, посредством чего были внесены поправки в ст. 238¹ УК РФ, устанавливающие уголовную ответственность за обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок, совершенные с использованием средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет».

В действительности, несмотря на внесенные инновационные изменения в структуру объективных признаков стороны состава преступления, предусмотренного ст. 238¹ УК РФ, актуальным остается вопрос о дальнейшем конструировании рассматриваемого состава преступления с учетом требований ст. 7, 13 конвенции Совета Европы «Медикрим» и социальных факторов, обусловленных распространением в Российской Федерации коронавирусной инфекции (COVID-19). В рассматриваемом контексте возникает необходимость использования средств, приемов, правил законодательной техники с целью оптимального и рационального конструирования объективных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 238¹ УК РФ, на предмет внесения следующих квалифицирующих признаков данного состава: совершение с использованием служебного положения, в том числе путем обмана или злоупотребления доверием производителя или поставщика, совершение лицом, ранее судимым за совершение правонарушений аналогичного характера, совершение преступления в условиях массового заражения, эпидемии или пандемии. Это позволит в полной мере говорить о соответствии рассматриваемой нормы уголовного закона общественным реалиям, даст возможность более эффективно применять ее субъектам правоохранительной деятельности. В конечном итоге можно будет сделать вывод о полной имплементации норм конвенции Совета Европы «Медикрим» в российское уголовное законодательство.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Временные методические рекомендации «Профилактика, диагностика и лечение новой коронавирусной инфекции (COVID-19)». Версия 5 (08.04.2020). – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?rnd=C046C65EFD7C8E553A45270CA2ACD0C0&req=doc&base=1> (дата обращения: 03.05.2020).
2. **Иванчин, А. В.** Уголовно-правовые конструкции и их роль в построении уголовного законодательства : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Иванчин Артем Владимирович. – Ярославль, 2003. – 201 с.
3. **Кругликов, Л. Л.** О понятии законодательной техники / Л. Л. Кругликов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Гуманитарные науки. – 2005. – № 1. – С. 259–269.
4. **Файзрахманов, Н. Ф.** Оборот фальсифицированных и недоброкачественных лекарственных средств, биологически активных добавок: вопросы расследования и уголовной ответственности / Н. Ф. Файзрахманов // Российский следователь. – 2012. – № 15. – С. 8–10.

REFERENCES

1. *Vremennye metodicheskie rekomendacii «Profilaktika, diagnostika i lechenie novoj koronavirusnoj infekcii (COVID-19)».* Versiya 5 (08.04.2020) [Temporary guidelines «Prevention, diagnosis and treatment of new coronavirus infection (COVID-19)». Version 5 (08.04.2020)]. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?rnd=C046C65EFD7C8E553A45270CA2ACD0C0&req=doc&base=1> (accessed 03.05.2020). (In Russ.).
2. Ivanchin A. V. *Ugolovno-pravovye konstrukcii i ih rol' v postroenii ugovol'nogo zakonodatel'stva.* Diss. kand. yurid. nauk [Criminal law structures and their role in the construction of criminal law. Diss. PhD. in Law]. Yaroslavl, 2003. 201 p. (In Russ.).
3. Kruglikov L. L. O ponyatii zakonodatel'noj tekhniki [About the concept of legislative technology]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Gumanitarnye nauki" – Bulletin of Voronezh State University. Series "Humanities"*, 2005, no. 1, pp. 259–269. (In Russ.).
4. Fajzrahmanov N. F. *Oborot fal'sificirovannyh i nedobrokachestvennyh lekarstvennyh sredstv, biologicheski aktivnyh dobavok: voprosy rassledovaniya i ugovol'noj otvetstvennosti* [Turnover of counterfeit and substandard medicines, dietary supplements: investigation and criminal liability]. *Rossiiskij sledovatel' – Russian investigator*, 2012, no. 15, pp. 8–10. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTORS

ВИКТОР СЕРГЕЕВИЧ ТАНЦЮРА – преподаватель кафедры профессиональной деятельности сотрудников подразделений экономической безопасности Нижегородской академии МВД России, г. Нижний Новгород, Российская Федерация, аспирант кафедры уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, г. Ярославль, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0261-4271>, e-mail: victor130381@rambler.ru

МАРИНА МИХАЙЛОВНА ПОПОВИЧ – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация, кандидат юридических наук, доцент. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2421-1748>, e-mail: marih13@mail.ru

VIKTOR S. TANCYURA – Teacher of the Department of Professional Activity of Employees of Economic Security of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, Postgraduate Student, Department of Criminal Law and Criminology of the P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0261-4271>, e-mail: victor130381@rambler.ru

MARINA M. POPOVICH – Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Vologda, Russian Federation, PhD. in Law, Associate Professor. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2421-1748>, e-mail: marih13@mail.ru

DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-2-205-211

УДК 343.851

Предупреждение побегов осужденных и лиц, содержащихся под стражей

О. И. НЕСТЕРОВА

Санкт-Петербургский университет ФСИН России, г. Пушкин, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1872-5280>, e-mail: molga.77@yandex.ru

Реферат. Статья посвящена криминологической характеристике побегов (из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи). Раскрывается общественная опасность побегов, приводятся официальные статистические данные по пенитенциарным преступлениям в целом и побегам в частности. На основании доктринальных источников и нормативных актов автор формулирует определение побега, указывает момент, когда преступление является совершенным, перечис-

ляет его особенности, рассматривает способы, причины и условия побегов и дает рекомендации по их предупреждению. Каждый тезис подтверждается примером из практики. Автор обращает внимание на то, что по рассматриваемой проблеме выполнено множество научных работ, защищен ряд диссертаций, подготовлен комплекс научных статей. Тем не менее периодическое обращение к теме побегов обосновано постоянным совершенствованием способов их совершения осужденными и лицами, заключенными под стражу, использованием все новых ухищрений. С точки зрения организации профилактики побегов важным является выяснение их причин и условий, так как в большинстве случаев это связано с недостатками в деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы и сотрудников подразделений, в чьи обязанности входит надзор за осужденными и заключенными. На основании анализа уголовных дел по фактам совершения побегов приводится перечень детерминант побеговой активности. Автор приходит к выводу, что своевременное выявление причин совершения побегов, устранение условий их совершения, планомерное и качественное проведение всего комплекса предупредительных мероприятий поможет минимизировать случаи совершения преступлений рассматриваемой категории.

Ключевые слова: предупреждение; побег; исправительное учреждение; следственный изолятор; осужденный; заключенный.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Для цитирования: Нестерова О. И. Предупреждение побегов осужденных и лиц, содержащихся под стражей. *Пенитенциарная наука*. 2020; 14(2):205–211. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-2-205-211.

Prevention of escapes of convicts and detainees

O. I. NESTEROVA

the St. Petersburg University of the Federal Penal Service of Russia, Pushkin, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1872-5280>, e-mail: molga.77@yandex.ru

Abstract. The paper is devoted to the criminological characteristics of the escapes (from the place of imprisonment, from arrest or from custody). The public danger of escapes is revealed, official statistics are given on prison crimes in general and escapes in particular. Based on doctrinal sources and regulations, the author formulates the definition of escape, indicates the moment when the crime is committed, lists its features, considers the ways, causes and conditions of the escapes and gives recommendations for their prevention. Each thesis is confirmed by a concrete practical example. The author draws attention to the fact that many scientific works have been completed on the problem under consideration, a number of dissertations have been defended, and a set of scientific articles has been prepared. Nevertheless a periodic reference to the topic of escapes is justified by the continuous improvement of the methods of escaping convicts and detainees, using more and more tricks. From the point of view of organizing the prevention of escapes, it is important to clarify their causes and conditions, since in most cases this is due to deficiencies in the activities of the institutions of the penal system and unit employees, whose duties include supervision of convicts and prisoners. Based on the analysis of criminal cases involving escapes, a list of determinants of escapes activity is provided. The author comes to the conclusion that the timely identification of the reasons for escapes, the elimination of the conditions for their commission, the planned and high-quality implementation of the entire complex of preventive measures will help minimize the incidence of crimes of this category.

Key words: prevention; escape; correctional institution; pre-trial detention center; convicted; a prisoner.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law

For citation: Nesterova O. I. Prevention of escapes of convicts and detainees. *Penitenciarnaya nauka = Penitentiary Science*. 2020; 14(2):205–211. (In Russ.). DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-2-205-211.

В исправительных учреждениях устанавливается режим исполнения и отбывания наказания. Требованиями режима определяется обязательная изоляция осужденных

и лиц, заключенных под стражу. Тем не менее анализ практики функционирования учреждений уголовно-исполнительной системы показывает, что для определенной части осужденных или заключенных процесс исправления не приносит результатов, а содержащиеся в них лица вновь совершают преступления [3, с. 30]. Наиболее распространенным (среди официально зарегистрированных) преступлений осужденных либо заключенных являются побег (ст. 313 УК РФ «Побег из мест лишения свободы, из-под ареста или из-под охраны»).

Федеральной службой исполнения наказаний принимается множество различных нормативных актов и иных документов, которые призваны совершенствовать деятельность уголовно-исполнительной системы. При всем этом, по данным, опубликованным на официальном сайте ФСИН России, общее число преступлений, совершаемых осужденными и лицами, содержащимися под стражей, растет: в 2015 г. совершено 940 преступлений, в 2016 г. – 960, в 2017 г. – 977, в 2018 г. – 1025, в 2019 г. – 1171.

В общем количестве преступлений осужденных и заключенных побег занимает одно из лидирующих мест, что также нашло свое отражение на официальном сайте службы исполнения наказаний: в 2016 г. было зарегистрировано 95 преступлений, предусмотренных ст. 313 УК РФ, в 2017 г. – 99, в 2018 г. – 104, в 2019 г. – 111. Стоит отметить, что подавляющее большинство побегов совершается из колоний-поселений и из-под надзора. Из охраняемых исправительных учреждений и следственных изоляторов происходит не более семи побегов в год.

Общественная опасность побегов не вызывает сомнения и состоит в том, что данное деяние негативно влияет на нормальное функционирование учреждений уголовно-исполнительной системы, препятствует достижению целей уголовного наказания. Для раскрытия и расследования побегов задействуются значительные ресурсы не только уголовно-исполнительной системы, но и смежных правоохранительных органов. Исходя из этого, побег (из-под охраны и без покушений) относится к категории особо учитываемых преступлений.

По исследуемой проблеме выполнено множество научных работ, диссертационных исследований, подготовлена серия научных статей. Но регулярное обращение к рассматриваемой теме обосновано постоянным изменением способов совершения

побегов осужденными, использованием новых ухищрений. Побег, совершаемый осужденными и заключенными, представляет сложность с точки зрения их предупреждения, поскольку они тщательно скрываются, подготовка к их совершению хорошо планируется. В этой связи первостепенное значение приобретает знание и постоянное изучение способов совершения побегов, так как своевременное обнаружение и выявление подготавливаемого преступления позволяет предотвратить готовящийся или пресечь совершаемый побег.

В широком смысле под побегом следует понимать умышленное оставление осужденными или заключенными места отбывания наказания или содержания под стражей. Побег считается совершенным, когда осужденный или заключенный преодолел основное ограждение. В соответствии с приказом Минюста России от 04.09.2006 № 279 (в ред. от 17.06.2013) «Об утверждении Наставления по оборудованию инженерно-техническими средствами охраны и надзора объектов уголовно-исполнительной системы» основное ограждение возводится по всему периметру объекта охраны учреждения уголовно-исполнительной системы и представляет собой забор сплошного заполнения из различных материалов, разной высоты, в зависимости от вида учреждения уголовно-исполнительной системы. Способы преодоления основного ограждения (и, как следствие, способы побегов) могут быть самыми разнообразными и классифицировать их можно по различным основаниям. Наиболее распространенными способами являются: выход через контрольно-пропускной пункт, подготовка и использование тайников, использование автотранспорта, использование подземных и воздушных коммуникаций, подкоп.

К примеру, в 2018 г. в одной из исправительных колоний УФСИН России по Хабаровскому краю осужденный П. попытался преодолеть ограждение нулевого рубежа, приблизился к ограждению внутренней запретной зоны, чем вызвал срабатывание инженерно-технических средств охраны. К месту происшествия выдвинулись резервные группы караула. Не обращая внимания на срабатывание технических средств охраны, осужденный П. приблизился вплотную к ограждению внутренней запретной зоны. Услышав окрик часового и предупредительный выстрел вверх, осужденный П. побежал в обратную сторону. Не добежав до ограждения нулевого рубежа, он вернулся

и предпринял вторую попытку преодоления ограждения внутренней запретной зоны. Осужденный П. отказался от своих намерений только после повторного окрика часового и двух предупредительных выстрелов вверх. По прибытии на место происшествия сотрудниками дежурной смены в ограждении нулевого рубежа со стороны жилой зоны были обнаружены лаз и следы, ведущие в направлении ограждения внутренней запретной зоны.

В 2017 г. в исправительной колонии особого режима ГУФСИН России по Республике Башкортостан осужденный В. совершил покушение на побег. Продвигаясь по территории локального участка вдоль ограждения, выходящего во внутреннюю запретную зону, осужденный через верх преодолел последовательно ограждения локального участка и внутренней запретной зоны, спрыгнув на внутреннюю тропу наряда. Часовой, заметив осужденного, вызвал срабатывание технических средств охраны и сделал предупредительный окрик. Осужденный В., выполнив законные требования часового, остановился и был задержан дежурной сменой.

Но в деятельности уголовно-исполнительной системы встречаются и достаточно редкие способы побегов, совершенные после длительной подготовки. Например, осужденный З. в мае 2019 г. совершил побег из исправительной колонии ГУФСИН России по Приморскому краю с использованием автомобиля и укрытия, сделанного в деревянном столе. С целью совершения указанного преступления осужденный З. по находящемуся у него сотовому телефону договорился с неустановленным лицом о направлении от его имени заказа в исправительную колонию на изготовление стола, организовал приобретение и доставку необходимых стройматериалов, посвятил других осужденных, осуществлявших сборку мебели, в свои планы. Осужденный З. (на территории производственной зоны трудоустроен не был) неоднократно беспрепятственно проходил на территорию производственной зоны, посещал мебельный цех и давал советы по изготовлению данного изделия. После завершения работ осужденный З. пришел в мебельный цех и с помощью других осужденных укрылся в подготовленном «схроне», который сверху был накрыт столешницей. Стол был загружен в автомобиль, который направился в сторону контрольно-пропускного пункта по пропуску транспортных средств. Сопровождавший его со-

трудник учреждения находился в кабине. Досмотр автомобиля производился группой досмотра и в полном объеме выполнен не был. Пропуск на вывоз (вынос) материальных средств был оформлен с нарушениями. Проверка груза проводилась формально, досмотровый инструмент для определения наличия скрытых полостей (линейка) не использовался, груз с помощью служебной собаки не обследовался. В ходе оперативно-розыскных мероприятий осужденный был задержан на значительном расстоянии от расположения исправительного учреждения [5, с. 349].

С точки зрения организации предупредительной работы [4, с. 185] важным остается выяснение причин и условий совершения побегов, так как в большинстве случаев подготовка к побегу и его реализация связаны с недостатками в деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы и сотрудников подразделений, в чьи обязанности входит надзор за осужденными и заключенными. Анализ эмпирических источников показывает, что именно упущения в работе должностных лиц учреждений уголовно-исполнительной системы влияют на выбор способа совершения побега и его успех.

Так, в ходе выяснения причин и условий побега, совершенного осужденным А. в декабре 2018 г. с выводного объекта колонии-поселения ГУФСИН России по Иркутской области, было установлено, что, согласно представленным документам, указанный объект в план надзора не вносился. В соответствии с указаниями руководства ГУФСИН России по Иркутской области обязанности по обеспечению надзора возлагались на различных должностных лиц. Тем не менее фактически указание не выполнялось, и осужденный А. не проверялся.

Также необходимо привести пример невыполнения инструкций и нормативных актов сотрудниками одного из следственных изоляторов УФСИН России по г. Москве, который привел в 2016 г. к побегу заключенного О. путем подмены. Проведенной по факту побега проверкой было установлено, что при освобождении О. из-под стражи были допущены грубейшие нарушения требований нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность следственных изоляторов.

Анализ уголовных дел по фактам совершения побегов позволил сформировать перечень детерминант побеговой активности лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы:

– отсутствие комплексного подхода в использовании всего объема средств конкретного исправительного учреждения или следственного изолятора;

– невыполнение требований федеральных и локальных нормативных актов и ведомственных инструкций;

– низкий уровень (а иногда и отсутствие) контроля за несением службы различных видов караула;

– формальный подход к анализу причин и условий ранее совершенных побегов;

– факты неслужебных отношений сотрудников уголовно-исполнительной системы с осужденными или заключенными;

– низкий уровень проведения мероприятий, направленных непосредственно на обнаружение мест возможного совершения побега;

– неудовлетворительная организация работы по эффективному использованию систем идентификации личности по биометрическим данным;

– формальное отношение к исполнению обязанностей по досмотру и обыску осужденных/заключенных или их спальных мест;

– неэффективное размещение камер видеонаблюдения, их несвоевременный ремонт;

– недобросовестное отношение к исполнению своих должностных обязанностей сотрудниками уголовно-исполнительной системы в целом, а также халатное отношение к исполнению обязанностей лицами, в чьи обязанности входит патрулирование и осмотр внутренней запретной зоны и прилегающей к ней территории в частности;

– игнорирование срабатываний некоторых видов инженерно-технических средств охраны и надзора;

– низкий уровень взаимодействия между структурными подразделениями учреждения уголовно-исполнительной системы [1; 2].

С целью эффективного предупреждения побегов важное значение имеют данные об интенсивности побегов в зависимости от времени суток и времени года. Так, за последние два года из шести побегов четыре были совершены в весенне-летний период.

Показательным и информативным является изменение в поведении осужденных и лиц, заключенных под стражу, которые планируют совершить побег. Это обстоятельство является важным фактором, так как практически во всех случаях осужденные или заключенные не посвящали в свои планы третьих лиц. С момента принятия решения о совершении побега они начинают

вести себя скрытно, сужают круг общения. Изменение поведения в первую очередь должно быть заметно начальникам отряда и сотрудникам подразделений безопасности (режима), так как они более плотно контактируют с рассматриваемой группой лиц. Также об изменении поведения осужденных и лиц, заключенных под стражу, можно узнать от конфиденентов, которые работают с сотрудниками оперативных подразделений.

В настоящее время участились случаи выхода осужденных во внутреннюю запретную зону с целью получения запрещенных предметов, переброшенных через основное ограждение.

К примеру, в 2018 г. в исправительной колонии строгого режима УФСИН России по Брянской области произошло срабатывание нулевого участка внутренней запретной зоны. К месту срабатывания технических средств охраны выдвинулись резервные группы караула и дежурной смены. Часовой поста увидел, что на вверенном ему участке двое осужденных находятся на тропе наряда в районе примыкания изолированного сектора отрядов. Один из них поднял сетку экранного ограждения, а второй попытался под нее подлезть. Часовой вызвал срабатывание технических средств охраны и сделал предупредительный окрик. Пролезающий под экранное ограждение осужденный не остановился, проник на рубеж внутренней запретной зоны. Часовой еще раз окрикнул и произвел два предупредительных выстрела вверх. Осужденный, находящийся на рубеже внутренней запретной зоны, схватил лежащий сверток и перекинул его в изолированный участок отряда, после чего покинул внутреннюю запретную зону. Второй осужденный пролез в то же отверстие ограждения, предполагая, что там есть еще запрещенные предметы. Часовой повторил свои действия, после чего осужденные покинули внутреннюю запретную зону и вернулись в изолированный сектор. В ходе проведения обыскных мероприятий в расположении отряда был обнаружен и изъят сверток, в котором находились два мобильных телефона и сухие дрожжи.

В 2017 г. в исправительной колонии УФСИН России по Астраханской области осужденный С. проник на территорию внутренней запретной зоны. От часового М. поступило сообщение, что на прилегающей территории к участку внешней запретной зоны остановился автомобиль, из которого выбежал неизвестный гражданин и совершил переброс на территорию исправитель-

ного учреждения. На место происшествия незамедлительно были направлены сотрудники дежурной смены. Осужденный С., сломав внутренне ограждение 15-метровой полосы, выдвинулся в сторону участка, где предположительно упал «переброс». Часовой М. окрикнул осужденного, однако С., проделав отверстие, проник во внутреннюю запретную зону, взял сверток и вернулся обратно за ограждение. Прибывшими сотрудниками дежурной смены осужденный С. был задержан. У него был изъят сверток с двумя сотовыми телефонами и зарядным устройством.

Необходимо отметить, что в процессе подготовки к побегу осужденные и лица, заключенные под стражу, изучают особенности расположения объектов исправительного учреждения или следственного изолятора, подземных и воздушных коммуникаций, которые выходят за пределы основного ограждения, запоминают графики дежурства караулов, изучают свойства личности сотрудников различных подразделений исправительного учреждения или следственного изолятора, выясняют недостатки в работе инженерно-технических средств охраны и надзора. Полученную информацию злоумышленники аккумулируют, обрабатывают с целью успешного совершения побега.

Так, в июне 2018 г. была совершена попытка побега из исправительной колонии УФСИН России по Смоленской области. Осужденный К., разобрав кладку вентиляционного окна, не оборудованного техническими средствами охраны и надзора, вылез через него в изолированный участок. Проникнув на территорию, прилегающую к внутренней запретной зоне, ползком вдоль теплотрассы добрался до ограждения изолированного участка и преодолел его путем подлаза. Аналогичным образом преодолел предупредительное ограждение, выполненное из колючей проволоки. Проходившие в это время по внутренней запретной зоне сотрудники дежурной смены осужденного не обнаружили. Для преодоления внутренней запретной зоны по верху ограждения, чтобы не вызвать срабатывание рубежей обнаружения, осужденный использовал заранее подготовленный деревянный брус с крюком длиной 4,65 м, который перебросил между ограждением внутренней запретной зоны и основным ограждением и начал переползать по нему над тропой караула, но вызвал срабатывание нулевого и второго рубежей обнаружения. При приближении к основному ограждению брус обломился, в резуль-

тате чего осужденный упал во внутренней запретной зоне. После этого осужденный через верх преодолел основное ограждение, где был задержан резервной группой караула.

Данный пример ярко демонстрирует, что зачастую осужденные или заключенные тщательно готовятся к побегу, используют различные инструменты и средства, похищенные или изготовленные ими. В подавляющем большинстве случаев осужденные знали принцип работы технических средств охраны.

На основании изложенного выше можно сформировать перечень специальных мероприятий по предупреждению побегов осужденных и лиц, заключенных под стражу. К ним относятся следующие: обеспечение максимального перекрытия инженерно-техническими средствами охраны и надзора потенциально побегоопасных мест; разработка и осуществление комплекса режимных и оперативных мероприятий с учетом времени года и времени суток; постоянная проверка на работоспособность (а при необходимости ремонт в кратчайшие сроки) инженерно-технических средств охраны и надзора, их своевременная модернизация; особый контроль за осужденными и заключенными, которые склонны к совершению побега, а при необходимости их своевременная постановка на профилактический учет; изучение и использование в практической деятельности материалов уголовных дел и служебных проверок по фактам побегов или попыток побега; своевременное раскрытие и качественное расследование преступлений, предусмотренных ст. 313 УК РФ; организация взаимодействия между структурными подразделениями внутри учреждения уголовно-исполнительной системы; изучение личности осужденного до его перевода в исправительное учреждение, а заключенного – до совершения преступления; выбор средств и способов контроля и надзора за осужденными и лицами, содержащимися под стражей, с учетом криминологической характеристики их личности. Представленный перечень не является исчерпывающим и может быть дополнен с учетом классификаций предупредительных мер по различным основаниям.

В заключение стоит отметить, что своевременное выявление причин и устранение условий совершения побегов, планомерное и качественное проведение всего комплекса предупредительных мероприятий будет минимизировать случаи совершения преступлений рассматриваемой категории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Котляр, В. Н. Краткий анализ причин, условий и способов совершения побегов осужденных и лиц, содержащихся под стражей / В. Н. Котляр // Вестник Кузбасского института. – 2018. – № 2 (35). – С. 60–65.
2. Лелик, Н. Б. Побег из учреждений уголовно-исполнительной системы: причины и профилактика / Н. Б. Лелик // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. – 2019. – № 1. – С. 42–47.
3. Мальчук, О. И. Оперативно-розыскная профилактика преступности в исправительных учреждениях: теоретический аспект / О. И. Мальчук, А. А. Нуждин // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2018. – № 1. – С. 29–31.
4. Нуждин, А. А. Предупреждение преступности: теоретико-правовой аспект / А. А. Нуждин // III Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 20-летию вступления в силу Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации) : сборник тезисов выступлений и докладов участников : в 8 т. – Рязань : Академия ФСИН России, 2017. – Т. 2. – С. 183–186. – ISBN 978-5-7743-0902-3.
5. Сорокин, М. В. Повышение эффективности оперативно-служебной деятельности по предупреждению побегов из исправительных учреждений через контрольно-пропускные пункты по пропуску автотранспорта / М. В. Сорокин // Актуальные вопросы совершенствования российского законодательства и деятельности уголовно-исполнительной системы : сборник научных трудов. – Владимир : ВЮИ ФСИН России, 2019. – С. 347–351. – ISBN 978-5-93035-696-0.

REFERENCES

1. Kotlyar V. N. Kratkij analiz prichin, uslovij i sposobov soversheniya pobegov osuzhdennyh i lic, sodержashchihysya pod strazhej [A brief analysis of the causes, conditions and methods of escaping convicts and persons in custody]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta – Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2018, no. № 2 (35), pp. 60–65. (In Russ.).
2. Lelik N. B. Pobegi iz uchrezhdenij ugovolno-ispolnitel'noj sistemy: prichiny i profilaktika [Escapes from penitentiary institutions: causes and prevention]. *Vestnik Tomskogo instituta povysheniya kvalifikacii rabotnikov FSIN Rossii – Bulletin of the Tomsk Institute for Advanced Studies of Employees of the Federal Penal Service of Russia*, 2019, no. 1, pp. 42–47. (In Russ.).
3. Mal'chuk O. I., Nuzhdin A. A. Operativno-rozysknaya profilaktika prestupnosti v ispravitel'nyh uchrezhdeniyah: teoreticheskij aspekt [Detective crime prevention in correctional facilities: theoretical aspect]. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie – Penal System: Law, Economics, Management*, 2018, no. 1, pp. 29–31. (In Russ.).
4. Nuzhdin A. A. Preduprezhdenie prestupnosti: teoretiko-pravovoj aspekt [Crime Prevention: Theoretical and Legal Aspect]. *III Mezhdunarodnyj penitencijarnyj forum «Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie» (k 20-letiyu vstupleniya v silu Ugolovno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii) v 8 t.* [III International Penitentiary Forum “Crime, Punishment, Correction” (on the 20th anniversary of the entry into force of the Penal Code of the Russian Federation) in 8 vol.]. Ryazan, 2017, vol. 2, pp. 183–186. (In Russ.).
5. Sorokin M. V. Povyshenie effektivnosti operativno-služebnoj deyatelnosti po preduprezhdeniyu pobegov iz ispravitel'nyh uchrezhdenij cherez kontrol'no-propusknye punkty po propusku avtotransporta [Improving the efficiency of operational and official activities to prevent escapes from correctional facilities through vehicle checkpoints]. *Aktual'nye voprosy sovershenstvovaniya rossijskogo zakonodatel'stva i deyatelnosti ugovolno-ispolnitel'noj sistemy* [Actual issues of improving Russian legislation and the activity of the penal system]. Vladimir, 2019, pp. 347–351. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTORS

ОЛЬГА ИВАНОВНА НЕСТЕРОВА – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского университета ФСИН России, г. Пушкин, Российская Федерация, доктор исторических наук. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1872-5280>, e-mail: molga.77@yandex.ru

OL'GA I. NESTEROVA – Professor of the Department of State Law Disciplines of the St. Petersburg University of the Federal Penal Service of Russia, Pushkin, Russian Federation, Dsc. in History. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1872-5280>, e-mail: molga.77@yandex.ru

DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-2-211-217

УДК 343.2

Применение уголовно-правовых мер лечения социально значимых заболеваний: право или обязанность суда

А. А. ЯКОВЛЕВ

Владимирский юридический институт ФСИН России, г. Владимир, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0991-4146>, e-mail: yakovlev.a.a.2015@yandex.ru

Реферат. Статья представляет собой исследование на тему применения обязанности к лицу, больному социально значимым заболеванием, прохождения ле-

чения при привлечении к уголовной ответственности. Предметом исследования выступают закономерности назначения уголовно-правовых мер профилактики социально значимых заболеваний.

Сохранение здоровья населения и профилактика распространения заболеваний является одной из главных задач любого государства, и Российская Федерация не является исключением. Доказательством этого служит реализация ряда государственных программ по профилактике заболеваний, представляющих значительную угрозу для общества.

Анализируя современное состояние отечественного репрессивного законодательства в области противодействия распространению социально значимых заболеваний, стоит отметить наличие широкого перечня возможностей применения обязанности лечения указанных заболеваний. В статье проводится анализ норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательства с целью обеспечения комплексного подхода при назначении обязанности лечения социально значимого заболевания, обосновывается необходимость обязательности назначения такого лечения, делаются выводы о необходимости совершенствования уголовного и уголовно-исполнительного законодательства с целью создания равных условий применения обязанности лечения для всех социально значимых заболеваний при привлечении к уголовной ответственности и исполнении уголовного наказания, обеспечения комплексного подхода к лечению социально значимых заболеваний и исключения права суда на назначение обязанности пройти лечение заменой его обязанностью суда назначить лечение при привлечении к уголовной ответственности лица, больного указанным заболеванием, исключения норм, дублирующих применение обязанности к лицу, больному социально значимым заболеванием.

Ключевые слова: назначение наказания; осуждение; право; обязанность; социально значимое заболевание.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

Для цитирования: Яковлев А. А. Применение уголовно-правовых мер лечения социально значимых заболеваний: право или обязанность суда. *Пенитенциарная наука*. 2020; 14(2):211–217. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-2-211-217.

Application of criminal law measures for treatment of socially significant diseases: the right or duty of court

A. A. YAKOVLEV

the Vladimir Law Institute of the Federal Penal Service of Russia, Vladimir, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/https://0000-0002-0991-4146>, e-mail: yakovlev.a.a.2015@yandex.ru

Abstract. The paper is a study on the application of the obligation to a person with a socially significant disease, treatment under criminal prosecution. The subject of the study is the laws governing the appointment of criminal law measures for the prevention of socially significant diseases.

Preserving the health of the population and preventing the spread of diseases is one of the main tasks of any state; the Russian Federation is no exception. Proof of this is the implementation of a number of state programs for the prevention of diseases that pose a significant threat for society.

Analyzing the current state of domestic repressive legislation in the field of counteracting the spread of socially significant diseases, it is worth noting the presence of a wide range of possibilities for applying the obligation to treat these diseases. The article analyzes the norms of the criminal and penal legislation in order to ensure an integrated approach when assigning the obligation to treat a socially significant disease, substantiates the need for the obligatory prescription of such treatment, draws conclusions about the need to improve the criminal and penal legislation in order to create equal conditions for the application of the treatment obligation for all socially significant diseases when brought to criminal responsibility and the execution of criminal punishment, to ensure an integrated approach to the treatment of socially significant diseases and to exclude the court's right to appointment of treatment by replacing it with the court's duty to prescribe treatment

when criminally prosecuting a person with the disease, exceptions norms duplicating the application of duties to a person with a socially significant disease.

Key words: sentencing; conviction; right; duty; socially significant disease.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law

For citation: Yakovlev A. A. Application of criminal law measures for treatment of socially significant diseases: the right or duty of court. *Penitenciarnaya nauka = Penitentiary Science*. 2020; 14(2):211–217. (In Russ.). DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-2-211-217.

Заболевания, представляющее наибольшую угрозу для общества, всегда требуют особого внимания государства. Перечень таких заболеваний утвержден Постановлением Правительства Российской Федерации от 01.12.2004 № 715 и включает туберкулез, инфекции, передающиеся преимущественно половым путем, гепатиты В и С, болезнь, вызванную вирусом иммунодефицита человека, злокачественные новообразования, сахарный диабет, психические расстройства и расстройства поведения и болезни, характеризующиеся повышенным кровяным давлением.

Анализируя указанный перечень, следует отметить, что социально значимые заболевания различны не только по своим проявлениям и последствиям, но и по социальной опасности. Они всегда опасны для их носителей [11, с. 3], но не всегда для окружающих, общества. Исходя из анализа статистических данных, положений уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, считаем, что к опасным заболеваниям следует отнести: алкоголизм, наркоманию, токсикоманию, туберкулез, венерические заболевания, ВИЧ-инфекцию, гепатиты В и С, психические расстройства.

Стоит отметить опыт зарубежных государств при установлении перечня заболеваний, лечение которых возможно по решению суда. Неограниченно широкий перечень заболеваний предусмотрен уголовным законом Таиланда. Так, ст. 56 Уголовного кодекса Таиланда прямо указывает на лечение от наркотической зависимости, физических и умственных заболеваний или любого другого заболевания. Аналогичным образом предусматривается возможность установления лечения при досрочном освобождении из мест лишения свободы в соответствии со ст. 15 гл. 26 Уголовного кодекса Швеции, без указания на закрытый перечень заболеваний и соответствующих курсов лечения, а также ст. 72 Уголовного кодекса Польши. Как видим, законодатель не закрывает перечень заболеваний, подлежащих принудительному лечению по решению

суда, но акцентирует внимание на заболеваниях, вызванных зависимостью от наркотиков, тем самым подчеркивая их социальное значение в уголовно-правовых отношениях.

Действующее отечественное уголовное законодательство предусматривает систему уголовно-правовых мер лечения социально значимых заболеваний, которая активно формировалась в последнее десятилетие. Проведенное исследование показало, что репрессивное законодательство в настоящее время предусматривает достаточно широкие возможности лечения социально значимых заболеваний. Так, в части осужденных к наказаниям, связанным с помещением в специализированное учреждение, содержание ст. 97 и 99 УК РФ, а также ч. 2 и 3 ст. 18 УИК РФ позволяет учитывать большинство рассматриваемых заболеваний (психические расстройства, алкоголизм, наркомания, токсикомания, ВИЧ-инфекция, открытая форма туберкулеза, а также венерические заболевания).

Но следует обратить внимание на необходимость лечения в местах изоляции и других заболеваний, например гепатитов В и С. Это единственные заболевания рассматриваемой группы, которые не подлежат принудительному или обязательному лечению, но их значимость подчеркивается на федеральном уровне. При этом способы их распространения весьма схожи с заболеваниями, передающимися половым путем, а также болезнью, вызванной вирусом иммунодефицита человека. Полагаем целесообразным устранение указанных пробелов путем внесения дополнений в ч. 3 ст. 18 УИК РФ.

Относительно назначения мер лечения социально значимых заболеваний применительно к осужденным без изоляции от общества отметим, что ст. 72.1, 82.1, 73, 79 УК РФ регулируется только лечение наркомании. Полагаем необходимым учесть имеющиеся наработки и расширить сферу действия данной нормы и на другие социально значимые заболевания, кроме психических заболеваний, в отношении которых могут

применяться ст. 97 и 99 УК РФ, на что недвусмысленно указывает ч. 1 ст. 104 УК РФ.

Как можно заметить, отечественное законодательство предусматривает возможность лечения некоторых социально значимых заболеваний, однако такие заболевания, как алкоголизм, токсикомания, туберкулез, венерические заболевания, ВИЧ-инфекция, могут принудительно лечиться лишь в местах лишения свободы на основании положений ч. 3 ст. 18 УИК РФ, в рамках дополнительной обязанности при условном осуждении или условно-досрочном освобождении на основании ч. 5 ст. 73 УК РФ, а гепатиты В и С только на основании последней указанной нормы, что значительно сужает возможности правоприменителя по профилактике рассматриваемых заболеваний [17, с. 220; 18, с. 154].

Кроме того, интерес вызывает проблема, затрагивающая право суда на применение данных мер и обязанность по их назначению. Социально значимые заболевания способны оказать не только негативное общесоциальное воздействие, но и повлиять на уровень преступности, поскольку состояние здоровья человека не может не оказывать влияния на его поступки [2, с. 89; 3, с. 174; 10, с. 158].

Большинство уголовно-правовых мер, направленных на лечение социально значимых заболеваний, предполагают их назначение по приговору суда (ст. 72.1, 73, 82.1, 99 УК РФ). Условно данные меры можно дифференцировать на применяемые к уголовным наказаниям в качестве дополнения (ст. 72.1 и 99 УК РФ) или как замена назначенному наказанию (ст. 73 и 82.1 УК РФ).

К первой категории следует отнести положения ст. 72.1 УК РФ. Данная норма позволяет применить принудительное лечение в отношении значительной части осужденных, приговоренных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, за исключением лишения специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград, а также ограничения по военной службе [18, с. 153]. В действующей редакции рассматриваемой статьи, реализуемой в отношении больных наркоманией, данный перечень является исчерпывающим.

Кроме того, действующая редакция ст. 72.1 УК РФ не предполагает обязательности ее применения ввиду наличия формулировки «может возложить». Отметим, что в части некоторых смежных проблем данный вопрос уже решен законодателем. Например, в 2009 г. в соответствии с федераль-

ным законом от 27.12.2009 № 377-ФЗ была разрешена правовая проблема, в соответствии с которой суд не был обязан возлагать обязанности на условно осужденных при вынесении приговора. Это было его правом, в результате чего многие осужденные отбывали назначенную уголовно-правовую меру без дополнительных ограничений в виде обязанностей. Напомним, что применение мер ответственности к данной категории осужденных возможно лишь при нарушении возложенных судом обязанностей, при отсутствии же таковых воздействовать на рассматриваемую категорию лиц не представляется возможным [7, с. 111; 8, с. 62; 15, с. 150]. В соответствии с внесенными изменениями с 2010 г. суд в обязательном порядке возлагает обязанности на условно осужденных, что нашло позитивный отклик в юридической литературе [6, с. 35–38]. В связи с этим полагаем необходимым использовать уже имеющийся опыт при решении обозначенной проблемы.

Предлагаем обязать суды применять в обязательном порядке меры, предусматривающие лечение при выявлении социально значимого заболевания. В этих целях необходимо в ч. 1 ст. 72.1 УК РФ заменить словосочетание «может возложить» словом «возлагает».

Отметим, что результаты проводимого в период с 2017 по 2019 г. среди 197 работников суда, прокуратуры и правоохранительных органов 8 субъектов Российской Федерации (Республики Чувашии, г. Москвы, Владимирской, Вологодской, Ивановской, Калужской, Московской, Нижегородской областей) анкетирования свидетельствуют о неоднозначности взглядов на данный вопрос среди практиков. Более половины респондентов поддерживают замену такого права судов на обязанность, 41 % высказался против, 6 % затруднились с ответом.

Также к указанной первой категории мер относятся меры, предусмотренные ст. 99 УК РФ в отношении лиц, имеющих психические заболевания.

Анализ положений гл. 15 УК РФ позволяет констатировать, что они могут быть применены в отношении осужденных ко всем видам уголовно-правовых мер воздействия. На отсутствие ограничений косвенно указывает содержание ст. 97, 99, 100 УК РФ, а также прямо – ч. 1 ст. 102, ч. 1 ст. 104 УК РФ и ч. 13 ст. 16 УИК РФ, которые предполагают возможность назначения принудительных мер медицинского характера вне зависимости от каких-либо факторов, главное ус-

ловие – наличие соответствующего заболевания.

Однако указанные положения, так же как и рассмотренные ранее, не предполагают обязательности применения во всех случаях выявления заболевания. В соответствии с ч. 2 ст. 97 УК РФ они могут быть назначены «только в случаях, когда психические расстройства связаны с возможностью причинения этими лицами иного существенного вреда либо с опасностью для себя или других лиц». Тем самым принял во внимание уголовно-правовое значение заболевания и необходимость его исключения как фактора, способствующего совершению преступления.

Вместе с тем при всей позитивности учета факта наличия социально значимого заболевания законодатель не принял во внимание социальное предназначение уголовного закона – охрану законных интересов человека, гражданина и общества в целом. В данном случае лицо, страдающее психическим заболеванием, не может не представлять угрозу [1, с. 68]. Уголовный закон должен быть направлен на защиту общества и его представителей, иметь социальное предназначение [19, с. 205].

В связи с этим полагаем необходимым предусмотреть обязательность назначения лечения и реабилитации у специалиста для всех лиц, страдающих психическими заболеваниями, для чего внести изменения в ч. 1 ст. 97 УК РФ: слова «могут быть назначены» заменить словом «назначаются», что не позволит оставить суду существующую свободу выбора в данном вопросе, исключить из ст. 97 УК РФ ч. 2 и 4 (ч. 2 – по причине изменения подхода на обязательное назначение, а ч. 4 – по причине того, что это будет отнесено к ведению субъекта исполнения принудительных мер медицинского характера).

Отметим, что внесенные предложения в полной мере соответствуют и целям принудительных мер медицинского характера, закрепленным в ст. 98 УК РФ, наказаний (ч. 2 ст. 43 УК РФ), а также в целом задачам уголовного закона (ч. 1 ст. 2 УК РФ).

Вторая группа указанных выше мер воздействия предполагает подмену назначенного наказания иной уголовно-правовой мерой при условии соблюдения некоторых требований. В части положений ст. 82.1 УК РФ данное требование одно – прохождение курса лечения от наркомании и медицинской и (или) социальной реабилитации. Данная норма является узконаправленной и обращена к незначительному числу осужденных.

Вместе с тем положения об отсрочке отбывания наказания больным наркоманией подвергаются критике ввиду их несовершенства: слабо проработанный механизм контроля данной категории лиц, отсутствие или недостаточность средств обеспечения лечения от наркомании, неэффективность стимулов соблюдения обязанности лечения и т. д. [13, с. 67; 14, с. 13; 5, с. 80–82; 4], не в полной мере понятное предназначение [16, с. 20; 12, с. 28–31; 9, с. 21–25].

Анализ результатов вышеуказанного анкетирования также показал, что 41 % респондентов высказался против предложения по исключению данной уголовно-правовой меры и лишь 25 % – за. При этом 34 % респондентов затруднились с ответом и 7 % анкет вернулись без ответа на данный вопрос. В связи с этим был проведен дополнительный опрос, в ходе которого было установлено, что многие респонденты до настоящего времени не понимают предназначение и сущность отсрочки отбывания наказания больным наркоманией, ее целесообразность, а также место в системе уголовно-правовых мер воздействия. В ходе анализа причин несогласия с исключением ст. 82.1 УК РФ были отмечены: исключительность данной меры, необходимость ее применения на протяжении длительного периода времени для подведения итогов с внесением такого предложения, необходимость совершенствования данной меры профилактики взамен ее исключения.

Соглашаясь с позицией вышеуказанных авторов и анализируя данные анкетирования, необходимо сделать вывод об отсутствии будущего у данной нормы. Противоречия, заложенные в ее основе, недостаточная проработанность законодателем, узкая направленность действия и другие факторы сыграли свою роль. По нашему мнению, целесообразно рассмотреть вопрос об исключении ст. 82.1 из УК РФ.

В свою очередь, при условном осуждении в соответствии со ст. 73 УК РФ обязанность прохождения курса лечения и соответствующей реабилитации может быть возложена по приговору суда при наличии такой необходимости, но не в обязательном порядке.

В соответствии с ч. 5 ст. 73 УК РФ при применении условного осуждения суд возлагает обязанности, перечень которых подбирается с учетом обстоятельств совершенного деяния и личности виновного. Данная норма содержит рекомендованные к применению обязанности, среди которых «пройти курс лечения от алкоголизма, наркомании, токсик-

комании или венерического заболевания». Вместе с тем это лишь примерная формулировка, суд вправе ее изменить по своему усмотрению.

Возможности применения лечения заболеваний с последующими видами реабилитации при назначении условного осуждения безграничны и в настоящее время. Все зависит лишь от востребованности такого лечения, а также формулировки суда при вынесении приговора, на которую и обращается внимание через внесенное предложение по изменению ч. 5 ст. 73 УК РФ.

Таким образом, законодатель предусмотрел возможность применения уголовно-правовых мер лечения социально значимых

заболеваний, однако, как показал анализ их содержательной стороны, предстоит преодолеть еще значительный путь по совершенствованию и доработке данного уголовно-правового института. Внесенные предложения по совершенствованию уголовно-правовых норм направлены на устранение и восполнение законодательных пробелов.

Замена права суда на обязанность назначения лечения социально значимых заболеваний с использованием уголовно-правовых средств будет способствовать расширению возможностей активного противодействия распространению заболеваний, имеющих наибольшую угрозу для общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айрапетов, Р. Г. Психика и психология человека в норме и патологии. Социально-философские, медицинские и юридические аспекты : монография / Р. Г. Айрапетов. – Москва : Московский университет им. С. Ю. Витте, 2018. – 128 с. – ISBN 978-5-9580-0424-9.
2. Алыпкашева, С. А. Здоровье как показатель благосостояния общества / С. А. Алыпкашева, Д. Чотчаева, Е. В. Ермолаева // Бюллетень медицинских интернет-конференций. – 2016. – Т. 6, № 1. – С. 89.
3. Георгиева, Л. Х. Ценностные ориентации населения в зависимости от состояния здоровья и социальной принадлежности / Л. Х. Георгиева, Д. П. Солoduхина, А. Ю. Жуков // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2012. – № 2 (102). – С. 170–174.
4. Долгих, Т. Н. Порядок рассмотрения вопроса об исполнении приговора при наличии другого неисполненного приговора / Т. Н. Долгих // Адвокат. – 2016. – № 9. – С. 21–27.
5. Звонов, А. В. Актуальные вопросы применения отсрочки отбывания наказания больным наркоманией / А. В. Звонов // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2014. – № 3 (27). – С. 80–82.
6. Звонов, А. В. Правовые аспекты привлечения к ответственности условно осужденных : монография / А. В. Звонов. – Москва : Юрлитинформ, 2012. – 186 с. – ISBN 978-5-4396-0083-0.
7. Звонов, А. В. Соотношение условного осуждения и наказаний, альтернативных изоляции от общества / А. В. Звонов // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2016. – № 4 (38). – С. 106–111.
8. Звонов, А. В. Условное осуждение в системе мер уголовно-правового воздействия / А. В. Звонов // Уголовная ответственность и наказание : сборник материалов всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти профессоров кафедр уголовного права Рязанской высшей школы МВД СССР В. А. Елеонского и Н. А. Огурцова / под редакцией В. Ф. Лапшина. – Рязань : АПУ ФСИН России, 2017. – С. 58–62. – ISBN 978-5-7743-0818-7.
9. Звонов, А. В. Некоторые вопросы применения и исполнения отсрочки отбывания наказания больным наркоманией / А. В. Звонов, И. В. Пикин // Вестник Владимирского юридического института. – 2015. – № 2 (35). – С. 21–25.
10. Лифанова, Е. В. Социальные и физиологические предпосылки формирования аддиктивного поведения у детей и прогноз их состояния / Е. В. Лифанова // Вестник Волжского института экономики, педагогики и права. – 2006. – № 3. – С. 150–159.
11. Нистратова, И. С. Исполнение наказаний в отношении осужденных, больных социально значимыми заболеваниями : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Нистратова Ирина Сергеевна. – Рязань, 2019. – 211 с.
12. Руденко, А. С. Вопросы исполнения отсрочки отбывания наказания больным наркоманией / А. С. Руденко, А. В. Звонов // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2015. – № 2 (30). – С. 28–31.
13. Савинков, А. А. Некоторые меры предупреждения преступности, связанной со склонением к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов / А. А. Савинков // Российский следователь. – 2018. – № 10. – С. 65–69.
14. Смеленко, Э. М. Пробелы законодательной регламентации отсрочки отбывания наказания больным наркоманией (ст. 82.1 УК РФ) и пути их преодоления / Смеленко Э. М. // Российский следователь. – 2012. – № 21. – С. 13–15.
15. Татаринов, А. В. Применение уголовно-правовых мер профилактики наркомании при исполнении назначенного уголовного наказания / А. В. Татаринов // Пробелы в российском законодательстве. – 2018. – № 7. – С. 148–150.
16. Теоретические основы предупреждения преступности на современном этапе развития российского общества : монография / под общей редакцией Р. В. Жубрина. – Москва : Проспект, 2016. – 655 с. – ISBN 978-5-392-22353-4.
17. Яковлев, А. А. К вопросу о применении лечения от наркомании при освобождении от наказания / А. А. Яковлев // Теоретические и практические проблемы развития уголовно-исполнительной системы в Российской Федерации и за рубежом : сборник тезисов выступлений и докладов участников международной научно-практической конференции / ответственный редактор А. А. Крымов. – Рязань : АПУ ФСИН России, 2018. – С. 216–220. – ISBN 978-5-7743-0871-2.
18. Яковлев, А. А. Условия применения обязанности лечения от наркомании и реабилитации при осуждении к наказаниям без изоляции от общества / А. А. Яковлев // Вестник Владимирского юридического института. – 2018. – № 4 (49). – С. 150–154.
19. Якушин, В. А. Еще раз о целях наказания / В. А. Якушин // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. – 2018. – Т. 1, № 2. – С. 199–206.

REFERENCES

1. Ajrapetov R. G. *Psihika i psihologiya cheloveka v norme i patologii. Social'no-filosofskie, medicinskie i yuridicheskie aspekty* [The human psyche and psychology in a norm and pathologies. Socio-philosophical, medical and legal aspects]. Moscow, 2018. 128 p. (In Russ.).

2. Alypkasheva S. A., Chotchaeva D., Ermolaeva E. V. *Zdorov'e kak pokazatel' blagosostoyaniya obshchestva* [Health as an indicator of social welfare]. *Byulleten' medicinskih internet-konferencij – Online medical conference Bulletin*, 2016, vol. 6, no. 1, p. 89. (In Russ.).
3. Georgieva L. H., Soloduhina D. P., Zhukov A. Yu. *Cennostnye orientacii naseleniya v zavisimosti ot sostoyaniya zdorov'ya i social'noj prinadlezhnosti* [Value orientations of the population depending on the state of health and social affiliation]. *Uchenye zapiski Rossijskogo gosudarstvennogo social'nogo universiteta – Scientific notes of the Russian State Social University*, 2012, no. 2 (102), pp. 170–174. (In Russ.).
4. Dolgih T. N. *Poryadok rassmotreniya voprosa ob ispolnenii prigovora pri nalichii drugogo neispolnennogo prigovora* [The procedure for considering the execution of a sentence in the presence of another unenforced sentence]. *Advokat – Lawyer*, 2016, no. 9, pp. 21–27. (In Russ.).
5. Zvonov A. V. *Aktual'nye voprosy primeneniya otsrochki otbyvaniya nakazaniya bol'nym narkomaniej* [Actual issues of the use of deferral of serving a sentence by a drug addict]. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie – Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction*, 2014, no. 3 (27), pp. 80–82. (In Russ.).
6. Zvonov A. V. *Pravovye aspekty privecheniya k otvetstvennosti uslovno osuzhdennyh* [Legal aspects of holding conditionally convicted persons accountable]. Moscow, 2012. 186 p. (In Russ.).
7. Zvonov A. V. *Sootnoshenie uslovnogo osuzhdeniya i nakazaniy, al'ternativnyh izolyacii ot obshchestva* [Correlation of conditional conviction and punishment, alternative to isolation from society]. *Yuridicheskaya nauka i pravohranitel'naya praktika – Legal science and law enforcement*, 2016, no. 4 (38), pp. 106–111. (In Russ.).
8. Zvonov A. V. *Uslovnnoe osuzhdenie v sisteme mer ugovolno-pravovogo vozdejstviya* [Conditional conviction in the system of measures of criminal legal influence]. *Sbornik materialov vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Ugolovnaya otvetstvennost' i nakazanie»* [Collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference «Criminal liability and punishment»]. Ryazan, 2017, pp. 58–62. (In Russ.).
9. Zvonov A. V., Pikin I. V. *Nekotorye voprosy primeneniya i ispolneniya otsrochki otbyvaniya nakazaniya bol'nym narkomaniej* [Some issues of the application and enforcement of the delay in serving a sentence by a drug addict]. *Vestnik Vladimirskego yuridicheskogo instituta – Bulletin of the Vladimir Law Institute*, 2015, no. № 2 (35), pp. 21–25. (In Russ.).
10. Lifanova E. V. *Social'nye i fiziologicheskie predposylki formirovaniya addiktivnogo povedeniya u detej i prognoz ih sostoyaniya* [Social and physiological prerequisites for the formation of addictive behavior in children and prognosis of their condition]. *Vestnik Volzhskogo instituta ekonomiki, pedagogiki i prava – Bulletin of the Volzhsky Institute of Economics, Pedagogy and Law*, 2006, no. 3, pp. 150–159. (In Russ.).
11. Nistratova I. S. *Ispolnenie nakazaniy v otnoshenii osuzhdennyh, bol'nyh social'no znachimymi zabolevaniyami. Diss. kand. yurid. nauk* [Execution of sentences in relation to convicts suffering from socially significant diseases. Diss. PhD. in Law]. Ryazan, 2019. 211 p. (In Russ.).
12. Rudenko A. S., Zvonov A. V. *Voprosy ispolneniya otsrochki otbyvaniya nakazaniya bol'nym narkomaniej* [Issues of the enforcement of the delay in serving a sentence by a drug addict]. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie – Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction*, 2015, no. 2 (30), pp. 28–31. (In Russ.).
13. Savinkov A. A. *Nekotorye mery preduprezhdeniya prestupnosti, svyazannoy so skloneniem k potrebleniyu narkoticheskikh sredstv, psihotropnyh veshchestv ili ih analogov* [Some measures for the prevention of crime related to the tendency to use narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues]. *Rossijskij sledovatel' – Russian investigator*, 2018, no. 10, pp. 65–69. (In Russ.).
14. Smel'niko E. M. *Probely zakonodatel'noj reglamentacii otsrochki otbyvaniya nakazaniya bol'nym narkomaniej (st. 82.1 UK RF) i puti ih preodoleniya* [Gaps in the legislative framework for deferring serving sentences to drug addicts (Article 82.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) and ways to overcome them]. *Rossijskij sledovatel' – Russian investigator*, 2012, no. 21, pp. 13–15. (In Russ.).
15. Tatarinov A. V. *Primenenie ugovolno-pravovyh mer profilaktiki narkomanii pri ispolnenii naznachennogo ugovolnogo nakazaniya* [The use of criminal law measures for the prevention of drug addiction in the execution of the assigned criminal punishment]. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve – Gaps in Russian legislation*, 2018, no. 7, pp. 148–150. (In Russ.).
16. Zhurbin R. V. (red.) *Teoreticheskie osnovy preduprezhdeniya prestupnosti na sovremennom etape razvitiya rossijskogo obshchestva* [The theoretical basis of crime prevention at the present stage of development of Russian society]. Moscow, 2016. 655 p. (In Russ.).
17. Yakovlev A. A. *K voprosu o primenenii lecheniya ot narkomanii pri osvobozhdenii ot nakazaniya* [On the issue of the use of drug treatment for release from punishment]. *Teoreticheskie i prakticheskie problemy razvitiya ugovolno-ispolnitel'noj sistemy v Rossijskoj Federacii i za rubezhom* [Theoretical and practical problems of the development of the penal system in the Russian Federation and abroad]. Ryazan, 2018, pp. 216–220. (In Russ.).
18. Yakovlev A. A. *Usloviya primeneniya obyazannosti lecheniya ot narkomanii i reabilitacii pri osuzhdenii k nakazaniyam bez izolyacii ot obshchestva* [Conditions for applying the duty of treatment for drug addiction and rehabilitation when sentenced to punishment without isolation from society]. *Vestnik Vladimirskego yuridicheskogo instituta – Bulletin of the Vladimir Law Institute*, 2018, no. № 4 (49), pp. 150–154. (In Russ.).
19. Yakushin V. A. *Eshche raz o celyah nakazaniya* [Once again about the purposes of punishment]. *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V. N. Tatishcheva – Bulletin of the Volga University named after V.N. Tatishchev*, 2018, vol. 1, no. 2, pp. 199–206. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTORS

АНДРЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ЯКОВЛЕВ – старший преподаватель кафедры организации режима и надзора Владимирского юридического института ФСИН России, г. Владимир, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/https://orcid.org/0000-0002-0991-4146>, e-mail: yakovlev.a.a.2015@yandex.ru

ANDREJ A. YAKOVLEV – Senior Lecturer of the Department of Regime and Control Organization of the Vladimir Law Institute of the Federal Penal Service of Russia, Vladimir, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/https://orcid.org/0000-0002-0991-4146>, e-mail: yakovlev.a.a.2015@yandex.ru

Проблемы исполнения уголовного наказания в виде штрафа

Ж. ЭНХТУР

Департамент административного управления Главного управления судебных решений Монголии, г. Улан-Батор, Монголия

Омская академия МВД России, г. Омск, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7583-4489>, e-mail: enkhturjambalragcha@gmail.com

Реферат. В исследовании рассматриваются теоретические и прикладные вопросы применения уголовного наказания в виде штрафа. В статье на основе статистических данных анализируются проблемы исполнения штрафа, связанные с правовой регламентацией его как вида уголовного наказания, а также применения в судебной практике Российской Федерации и Республики Монголии. Раскрываются эффективность и исполняемость штрафов, назначаемых в качестве основной или дополнительной меры наказания. Автором статьи предлагаются возможные пути решения обозначенных теоретико-прикладных проблем современного уголовного и уголовно-исполнительного права.

По мнению автора, несмотря на то что доля штрафа в общей массе наказаний невелика, число назначенных судами штрафов за преступления достаточно высоко. При этом количество полностью исполненных документов по взысканию штрафов находится на низком уровне. Это свидетельствует о неэффективности применяемых судами мер уголовной ответственности за совершенные преступления. В исследовании отмечается, что вид преступления, за которое назначается наказание, в целом на проблему исполняемости наказания значительно не влияет. Однако, как утверждает автор, следует учитывать, что за некоторые преступления, например коррупционные, сумма штрафа достаточно высока по сравнению со штрафами за другие преступления.

Результатами проведенного исследования стала научно обоснованная концепция совершенствования института наказания в виде штрафа в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве. Автор вносит предложение о необходимости увеличить срок уплаты штрафа с 60 до 90 дней в связи с его низким добровольным исполнением, а при назначении штрафа в качестве дополнительного наказания и злостном уклонении от уплаты следует предусмотреть его замену ограничением свободы. При отсутствии у осужденного возможности одновременно уплатить штраф суд по его ходатайству должен предоставить рассрочку таковой уплаты на срок до трех лет.

Ключевые слова: штраф; уголовное наказание; исполнение и отбывание наказания; осужденные; уголовное и уголовно-исполнительное законодательство.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Для цитирования: Энхтур Ж. Проблемы исполнения уголовного наказания в виде штрафа. *Пенитенциарная наука*. 2020; 14 (2):218–222. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-2-218-222.

Penalties in the form of a fine

J. ENKHTUR

the Department of Administrative Management of the Main Department of Judicial Decisions of Mongolia, Ulaanbaatar, Mongolia

the Omsk Academy of the MIA of Russia, Omsk, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7583-4489>, e-mail: enkhturjambalragcha@gmail.com

Abstract. The study examines the theoretical and applied issues of enforcement of criminal penalty in the form of a fine. Based on statistical data the article analyzes the problems of the execution of the fine related to the legal regulation of it as a form of criminal punishment as well as the application in judicial practice of the Russian Federation and the Republic of Mongolia. The effectiveness and enforceability of the fines imposed as the primary or secondary punishment are disclosed. The author of the article suggests possible solutions to the identified theoretical and applied problems of modern criminal and penal law.

According to the author's opinion despite the fact that the share of the fine in the total mass of punishments is small, the number of fines imposed by the courts for crimes is quite high. At the same time the number of fully executed documents for the collection of fines is low, which indicates the ineffectiveness of the criminal liability measures for crimes committed by the courts. The study notes that the type of crime for which the punishment is imposed does not significantly affect the problem of the enforceability of punishment. However, according to the author, it should be borne in mind that for some crimes, for example corruption, the amount of the fine is quite high compared to fines for other crimes.

The result of the study was a scientifically based concept for improving the institution of punishment in the form of a fine in criminal and penal legislation. The author proposes that it is necessary to increase the term for the payment of the fine from 60 to 90 days due to its low voluntary execution, and when it is appointed as an additional punishment and malicious evasion of payment, it should be replaced by a restriction of freedom. If the convicted person does not have the opportunity to pay the fine at one time, the court at his request must provide an installment plan for the payment of the fine for up to three years.

Key words: fine; criminal penalty; execution and serving of sentences; convicted persons; criminal and penal legislation.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law

For citation: Enkhtur J. Penalties in the form of a fine. *Penitenciarnaya nauka = Penitentiary Science*. 2020; 14(2):218–222. (In Russ.). DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-2-218-222.

Штраф как уголовное наказание предусматривается и применяется во многих государствах, является самым распространенным наказанием [3, с. 41]. Однако распространенность не свидетельствует о его эффективности, которая связана с его исполнением, то есть полнотой выплаты денежной суммы в доход государства. В разных странах процент исполняемости данного вида наказания различный. Так, согласно статистическим данным, в 2018 г. в Монголии он составил 85,3 %, в России – 38,7 %. Низкий процент исполнения штрафа свидетельствует о наличии определенных проблем, связанных как с вопросами совершенствования уголовно-исполнительного законодательства, так и с практикой его применения.

В Российской Федерации штрафы как мера уголовного наказания в большинстве случаев назначались судами за следующие виды преступлений: против здоровья населения и общественной нравственности, против собственности, против порядка управления, против жизни и здоровья, в сфере экономической деятельности. Вместе с тем доля штрафов среди других видов наказаний не очень велика. Так, в первом полугодии 2019 г. судами наказание в виде

штрафа за совершение преступлений против порядка управления назначено в 10,4 % случаев от общего числа приговоров, вынесенных по гл. 32 УК РФ; в 8,9 % случаев за совершение преступлений против собственности (гл. 21 УК РФ); 9,5 % случаев за совершение преступлений против здоровья населения и общественной нравственности (гл. 25 УК РФ); 11,2 % случаев за преступления в сфере экономической деятельности (гл. 22 УК РФ); 10,1 % случаев за совершение преступлений против жизни и здоровья (гл. 26 УК РФ); 5,6 % случаев за преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (гл. 30 УК РФ). Из приведенных выше данных видно, что вид преступления на долю штрафов в общем количестве приговоров не влияет.

В целом статистика свидетельствует о регулярном в последние годы назначении штрафа в качестве уголовного наказания.

Несмотря на то что доля штрафа в общей массе наказаний невелика, число назначенных судами штрафов за преступления достаточно высоко. При этом количество полностью исполненных документов находится на низком уровне, что свидетельствует о неэффективности применяемых судами

мер ответственности за совершенные преступления. Вид преступления, за которое назначается наказание, в целом на проблему исполняемости наказания значительно не влияет. Однако следует учитывать, что за некоторые преступления, например коррупционные преступления, сумма штрафа достаточно высока. Так, в 2018 г. судами назначено 174 669 штрафов на общую сумму 45 млн руб. При этом за преступления коррупционной направленности назначено 49 528 штрафов на сумму 34 млн руб.

В российском уголовном законодательстве предусматривается два вида уплаты штрафа: 1) простой, предполагающий оплату в течение 60 дней со дня вступления приговора в законную силу; 2) льготный, предоставляющий осужденному рассрочку уплаты штрафа при условиях, указанных в ч. 1 и 2 ст. 31 УИК РФ.

Исполнение штрафа как основного наказания состоит из двух стадий: 1) добровольная уплата штрафа; 2) принудительная замена неисполненного штрафа, назначенного в качестве основной меры, другим наказанием. Добровольное исполнение – это самостоятельная реализация осужденным требований судебного приговора в установленный законом срок [1, с. 130]. Но на практике уровень исполняемости штрафа в добровольном порядке является очень низким. Так, в 2018 г., по данным официального сайта Федеральной службы судебных приставов, из 174 669 приговоров были исполнены в добровольном порядке в срок 27 734, или 15,8 %, в принудительном порядке – 12,8 %.

В соответствии с ч. 1 ст. 31 УИК РФ осужденный к штрафу без рассрочки выплаты обязан уплатить штраф в течение 60 дней со дня вступления приговора суда в законную силу. На наш взгляд, указанный срок очень мал, за это время часто невозможно исполнить судебное решение. Например, в Монголии осужденный в добровольном порядке обязан уплатить штраф в течение 90 дней.

Кроме того, в соответствии с ч. 2 ст. 31 УИК РФ в случае, если осужденный не имеет возможности одновременно уплатить штраф, суд по его ходатайству может разрешить рассрочку уплаты штрафа на срок до пяти лет. В Монголии же рассрочка выплаты составляет до трех лет. На наш взгляд, законодатель в Российской Федерации в этом случае дает осужденным чрезмерно долгий срок для выплаты штрафа, что в итоге способствует снижению уровня исполняемости данного вида наказания [4, с. 167].

В соответствии с ч. 2 и 3 ст. 32 УИК РФ установлены разные правила воздействия

на осужденного в случаях уклонения от исполнения штрафа, назначенного в качестве основного и дополнительного наказания. Так, в ч. 2 ст. 32 УИК РФ указывается, что в отношении осужденного, злостно уклоняющегося от уплаты штрафа, назначенного в качестве основного наказания, судебный пристав-исполнитель не ранее 10, но не позднее 30 дней со дня истечения предельного срока уплаты, указанного в ч. 1 и 3 ст. 31 УИК РФ, направляет в суд представление о замене штрафа другим видом наказания. В ч. 3 ст. 32 УИК РФ указано, что в отношении осужденного, злостно уклоняющегося от уплаты штрафа, назначенного в качестве дополнительного наказания, судебный пристав-исполнитель производит взыскание штрафа в принудительном порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации.

При назначении штрафа в качестве основного наказания в случае злостного уклонения от уплаты он заменяется другими видами наказаний, а при назначении штрафа в качестве дополнительного наказания его замена другими видами наказаний запрещена.

Более того, при назначении наказания по совокупности преступлений не допускается сложение сумм штрафа, назначенного в качестве основного вида наказания, и штрафа, назначенного в качестве дополнительного.

Анализ практики реализации судебных приговоров в Российской Федерации свидетельствует о том, что уровень исполняемости штрафа, назначенного в качестве дополнительного наказания, значительно ниже, чем штрафа, назначенного в качестве основного наказания.

Так, по данным официального сайта Федеральной службы судебных приставов, в 2014 г. при назначении штрафа в качестве основной меры наказания в 60-дневный срок осужденными было исполнено 13,5 % от всей назначенной суммы штрафов и взыскано судебными приставами-исполнителями – 4,9 %, в 2015 г. – 24 % и 5,6 %, в 2016 г. – 26,2 % и 4,9 %, в 2017 г. – 20,9 % и 5,7 %, в 2018 г. – 19,5 % и 5,7 % соответственно.

Рассмотрим статистику исполнения штрафа, назначенного в качестве дополнительной меры наказания. По данным официального сайта Федеральной службы судебных приставов, в 2014 г. было назначено в качестве дополнительного наказания 38 935 штрафов, исполнено – 11 249, из них добровольно – 9160; в 2015 г. назначено 41 340 штрафов, исполнено – 10 576, из них добровольно – 2740; в 2016 г. назначено

– 44 190, исполнено – 9807, добровольно – 4110; в 2017 г. назначено – 47 087, исполнено – 10 493, из них добровольно – 3607; в 2018 г. назначено – 49 528, исполнено – 9616, из них добровольно – 3291. Всего исполняемость этого вида наказания составила в среднем 25,6 %.

Таким образом, изучение практики исполнения штрафа показало, что в случаях назначения штрафов в качестве дополнительной меры наказания цель уголовного наказания практически не обеспечивается.

В случае злостного уклонения от уплаты штрафа, назначенного в качестве дополнительного наказания, по существующим правилам (ч. 3 ст. 32 УИК РФ) невозможно добиться его уплаты осужденным в принудительном порядке. На наш взгляд, причина такого низкого исполнения связана с невозможностью его фактической замены другим видом наказания в случае злостного уклонения от уплаты.

Для решения данной проблемы, по мнению Н. Г. Модестовой, ч. 3 ст. 32 УИК РФ необходимо сформулировать следующим образом: «При уклонении от уплаты штрафа, назначенного в качестве дополнительного наказания, инспектор службы исполнения наказаний направляет осужденному письменное предупреждение. В течение 10 дней с момента получения предупреждения осужденный должен уплатить соответствующую сумму штрафа или его части. В отношении осужденного, злостно уклоняющегося от уплаты штрафа, назначенного в качестве дополнительного наказания, сумма неуплаченного штрафа или его части удваивается. Инспектор службы исполнения наказаний производит взыскание штрафа путем наложения ареста на имущество осужденного и его реализации с зачислением суммы штрафа в государственный бюджет. Стои-

мость реализованного имущества, превышающая сумму штрафа, подлежит возврату осужденному» [2, с. 106]. На наш взгляд, с этим вряд ли можно согласиться, поскольку перспектива исполнения двойного размера штрафа невелика, если осужденный не мог уплатить меньшую сумму. Мы предлагаем заменить штраф ограничением свободы.

В целом изучение практики исполнения уголовного наказания в виде штрафа в России позволяет сформулировать следующие рекомендации:

1. В связи с низкой добровольной исполняемостью штрафа предлагается увеличить срок уплаты с 60 до 90 дней. Изложить ч. 1 ст. 31 УИК РФ в следующей редакции: «Осужденный к штрафу без рассрочки выплаты обязан уплатить штраф в течение 90 дней со дня вступления приговора суда в законную силу».

2. В целях повышения исполняемости штрафа, назначенного в качестве дополнительного наказания, в случае злостного уклонения от его уплаты следует предусмотреть его замену ограничением свободы. Часть 3 ст. 32 УИК РФ изложить в следующей редакции: «В отношении осужденного, злостно уклоняющегося от уплаты штрафа, назначенного в качестве дополнительного наказания, судебный пристав-исполнитель направляет в суд представление о замене штрафа ограничением свободы».

3. Если осужденный не имеет возможности единовременно уплатить штраф, законодатель Российской Федерации предоставляет чрезмерно большой период рассрочки. Часть 2 ст. 31 УИК РФ предлагается изложить в следующей редакции: «В случае, если осужденный не имеет возможности единовременно уплатить штраф, суд по его ходатайству может рассрочить уплату штрафа на срок до трех лет».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Зайнулабидова, С. Т.** Штраф как уголовное наказание и проблемы его применения : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Зайнулабидова Салтанат Магомедовна. – Махачкала, 2006. – 26 с.
2. **Модестова, Н. Г.** Проблемы законодательного закрепления и правового регулирования назначения и исполнения уголовного наказания в виде штрафа в России и Франции : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Модестова Наталья Арсеньевна. – Красноярск, 2005. – 205 с.
3. **Становский, Т. Н.** Назначение наказания / Т. Н. Становский. – Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 1999. – 480 с. – ISBN 5-93292-004-1.
4. **Энхтур, Ж.** Правила назначения уголовного наказания в виде штрафа в России и Монголии / Ж. Энхтур // Право и экономика: национальный опыт и стратегия развития : сборник статей по итогам Новосибирского международного юридического форума. В 2 частях. Часть 2. – Новосибирск : НГУЭУ, 2019. – С. 167–173. – ISBN 978-5-7014-0924-6.

REFERENCES

1. Zajnulabidova S. T. *Shtraf kak ugolovnoe nakazanie i problemy ego primeneniya. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk* [Fine as a criminal punishment and problems of its application. Author's abstract of the diss. PhD. in Law]. Makhachkala, 2006. 26 p. (In Russ.).
2. Modestova N. G. *Problemy zakonodatel'nogo zakrepleniya i pravovogo regulirovaniya naznacheniya i ispolneniya ugolovnoho nakazaniya v vide shtrafa v Rossii i Francii. Diss. kand. yurid. nauk* [Problems of legislative consolidation and

legal regulation of the appointment and execution of criminal penalties in the form of a fine in Russia and France. Diss. PhD. in Law]. Krasnoyarsk, 2005. 205 p. (In Russ.).

3. Stanovskij T. N. *Naznachenie nakazaniya* [Assignment of punishment]. St. Petersburg, 1999. 480 p. (In Russ.).

4. Enhtur ZH. *Pravila naznacheniya ugovnogo nakazaniya v vide shtrafa v Rossii i Mongolii* [Rules of appointment of a fine in Russia and Mongolia]. *Sbornik statej po itogam Novosibirskogo mezhdunarodnogo yuridicheskogo foruma «Pravo i ekonomika: nacional'nyj opyt i strategiya razvitiya». V 2 chastyah. CHast' 2* [Collection of articles based on the results of the Novosibirsk International Legal Forum «Law and Economics: National Experience and Development Strategy». In 2 parts. Part 2.]. Novosibirsk, 2019, pp. 167–173. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTORS

ЖАМБАЛРАГЧАА ЭНХТУР – старший специалист Департамента административного управления Главного управления судебных решений Монголии, г. Улан-Батор, Монголия, адъюнкт Омской академии МВД России, г. Омск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7583-4489>, e-mail: enkhturjambalragchaa@gmail.com

ZHAMBALRAGCHAA ENHTUR – Senior Specialist of the Department of Administrative Management of the Main Department of Judicial Decisions of Mongolia, Ulaanbaatar, Mongolia, Adjunct of the Omsk Academy of the MIA of Russia, Omsk, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7583-4489>, e-mail: enkhturjambalragchaa@gmail.com

DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-2-222-228

УДК 343.2/7

Вопросы освобождения от уголовной ответственности при совершении преступлений против общественной безопасности

А. И. БЫКОВ

Научно-исследовательский институт ФСИН России

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9348-0207>, e-mail: HellSinG199@mail.ru

Реферат. В статье обращается внимание на изменения уголовной политики, которые характеризуются гуманизацией уголовного закона. Одним из институтов, который способствует данному процессу и заключает в себе гуманистические начала, является освобождение от уголовной ответственности. Приведены позиции ученых, занимавшихся изучением указанного института, а также официальные статистические данные, которые отражают количество человек, в отношении которых были реализованы нормы освобождения от уголовной ответственности. Однако, по мнению автора, особым интересом обладает реализация норм рассматриваемого института в рамках гл. 24 Уголовного кодекса Российской Федерации «Преступления против общественной безопасности». Составы преступлений, содержащиеся в ней, обладают повышенной общественной опасностью, которая может повлечь наступление обширных, опасных последствий, и относятся к тяжким и особо тяжким преступлениям. Исходя из этого законодателем были предусмотрены специальные нормы освобождения от уголовной ответственности, которые характеризуются выполнением определенных условий, содержащихся в каждой статье. Однако при реализации данных норм возникают вопросы, которые, по мнению автора, необходимо устранить, что в целом положительно скажется на процессе гуманизации уголовного закона.

Ключевые слова: примечание; специальная норма; освобождение от уголовной ответственности; преступление против общественной безопасности.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Для цитирования: Быков А. И. Вопросы освобождения от уголовной ответственности при совершении преступлений против общественной безопасности. *Пенитенциарная наука*. 2020; 14(2):222–228. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-2-222-228.

On the issue of exemption from criminal liability at committing crimes against public security

A. I. BYKOV

the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9348-0207>, e-mail: HellSinG199@mail.ru

Abstract. In the article the author draws attention to changes in the criminal policy, which are characterized by the humanization of the criminal law. One of the institutions that contributes to this process and embodies humanistic principles is the exemption from criminal liability. The author gives the positions of scientists who devoted their work to the study of the institute presented, as well as official statistics that reflect the number of people for whom the norms of exemption from criminal liability were implemented. However, according to the author, of particular interest is the implementation of the norms of this institution within the framework of Chapter 24 of the Criminal Code of the Russian Federation "Crimes Against Public Safety". The elements of crimes contained in it have an increased public danger, which can entail the onset of extensive, dangerous consequences and are serious and especially serious crimes. Based on this, the legislator provided for special rules for exemption from criminal liability, which are characterized by the fulfillment of certain conditions that are contained in each of them. However, the implementation of these norms raises some issues that, according to the author, must be eliminated, which will generally positively affect the process of humanization of the criminal law.

Key words: note; special rule; exemption from criminal liability; crimes against public safety.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law

For citation: Bykov A. I. On the issue of exemption from criminal liability at committing crimes against public security. *Penitenciarная наука = Penitentiary Science*. 2020; 14(2):222–228. (In Russ.). DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-2-222-228.

В последнее десятилетие стремительно набирает обороты процесс гуманизации уголовной политики, которая характеризуется смягчением действующих норм уголовного закона, введением новых институтов в УК РФ или реформированием уже существующих, а также частичной декриминализацией уголовного закона.

Так, еще в 2010 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин в послании Федеральному Собранию отметил, что уголовное законодательство должно быть жестким, но в тоже время современным и гуманным в разумном смысле этого слова, а восстановление справедливости посредством правосудия и защита прав потерпевших не должны приводить к пополнению преступного мира большим количеством кадров. Ежегодно Президентом Российской Федерации ставятся задачи по проведению комплексных мероприятий, направленных на гуманизацию уголовного законодательства.

Стоит отметить, что в 2012 г. по инициативе Общественной палаты Российской Федерации был разработан и в последу-

ющем одобрен проект Концепции уголовно-правовой политики Российской Федерации, основными направлениями которой являются: обеспечение безопасности личности, ее прав и свобод, а также общества и государства от угроз, связанных с преступностью; минимизация уровня социальной напряженности в обществе на основе оптимального и справедливого урегулирования конфликта, вызванного преступлением; содействие достижению социального благополучия и комфорта на основе реализации идей социальной реабилитации и социальной реинтеграции лиц, вовлеченных в конфликт, вызванный преступлением, и пр.

В 2017 г. Г. А. Есаков выступил на парламентских слушаниях Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству с докладом «Уголовная политика: дорожная карта (2017–2025 годы)», основной акцент которого был направлен на гуманизацию уголовного законодательства.

По мнению Е. С. Шматовой и О. А. Подобиной, гуманизация уголовного законода-

тельства проявляется в повышении криминальной безопасности в области наиболее значимых ценностей [5]. Полагаем, что значение слова «гуманизм» определяет человека, его личность, права, способности, блага высшей ценностью, и, как следствие, они выступают критериями оценки общественных отношений. Исходя из этого, чтобы избежать негативных последствий преступлений в отношении различных общественных отношений, предотвратить потенциально возможные и раскрыть уже совершенные, государством предусмотрены различные механизмы воздействия на преступность.

Одним из фундаментальных институтов, который содержит в себе гуманистические начала, характеризующиеся освобождением лица, совершившего преступление, без применения к нему мер государственного принуждения в виде уголовного наказания, является институт освобождения от уголовной ответственности. Он, по мнению А. В. Ендольцевой, является самым радикальным средством дифференциации уголовной ответственности, поскольку это гуманный акт государства, освобождающий лицо, совершившее преступление, в предусмотренных законом случаях от официального порицания его поведения в форме обвинительного приговора, если цели и задачи, стоящие перед уголовным законом, будут обеспечены без применения к виновному мер государственного принуждения в виде уголовного наказания [2, с. 61]. Подобной точки зрения придерживается А. Г. Антонов: «не всегда можно наиболее эффективно выполнять задачи УК РФ по охране общественных отношений от преступных посягательств и предупреждению преступлений с помощью уголовных наказаний. Помимо них наиболее эффективно можно достичь поставленных задач освобождением от уголовной ответственности виновных в предусмотренных законом случаях» [1, с. 3].

Институт освобождения от уголовной ответственности применяется к лицам, которые соответствуют определенным условиям, указанным в законе: совершение преступления впервые, совершение преступления небольшой или средней тяжести, а также иной категории, предусмотренной Особой частью УК РФ, в связи с деятельным раскаянием, примирением с потерпевшим, возмещением вреда пострадавшему, с назначением судебного штрафа, а также с истечением сроков давности.

А. И. Рарог считает, что главным основанием освобождения лица от уголовной

ответственности является нецелесообразность привлечения его к судебной ответственности и применения к нему принудительных мер уголовно-правового характера. «Это общее основание, – далее указывает он, – конкретизируется применительно к отдельным видам освобождения от уголовной ответственности» [4, с. 258–259]. Подобного мнения придерживается и А. В. Ендольцева: «основанием освобождения от уголовной ответственности является нецелесообразность реализации уголовной ответственности вследствие утраты лицом, совершившим преступление, его прежней общественной опасности, в связи с чем это лицо может быть исправлено без осуждения и применения наказания» [2, с. 65]. Нельзя не согласиться с представленными позициями, так как именно нецелесообразность применения репрессий со стороны государства выступает основополагающим фактором, который должен быть учтен при решении об освобождении от уголовной ответственности.

В соответствии с данными Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в 2015 г. от уголовной ответственности было освобождено 174 707 чел., в 2016 г. – 174 532, в 2017 г. – 176 646, в 2018 г. – 88 426, в первой половине 2019 г. – 84 139. Исходя из анализа представленных показателей, стоит отметить, что после 2017 г. институт освобождения от уголовной ответственности стал применяться в два раза реже. Данная тенденция противоречит уголовной политике, направленной на гуманизацию уголовного законодательства. Однако также необходимо пояснить, что большинство решений по освобождению от уголовной ответственности происходит на досудебной стадии.

Обратимся к анализу гл. 24 УК РФ. Видовым объектом в данной главе являются общественные отношения, которые обеспечивают безопасные условия жизни человека, общественный порядок, а также стабильную работу учреждений, предприятий с общепригодными предметами при проведении их целевой деятельности. Непосредственный объект – общественные отношения, обеспечивающие безопасность жизни общества. Субъектом является лицо, вменяемое, достигшее возраста, с которого наступает уголовная ответственность (ст. 20 УК РФ). Субъективная сторона характеризуется наличием прямого умысла и определенной целью в соответствии с конкретным составом преступления.

Согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, количество лиц, освобожденных от уголовной ответственности за совершение преступлений, содержащихся в гл. 24 УК РФ, в 2015 г. составило 1239 чел., в 2016 г. – 1227, в 2017 г. – 1571, в 2018 г. – 937, в первой половине 2019 г. – 1067. Приведенные показатели ничтожно малы по сравнению с общим количеством лиц, освобожденных от уголовной ответственности. Исходя из этого необходимо детально рассмотреть механизм освобождения от уголовной ответственности за преступления, содержащиеся в рассматриваемой главе УК РФ.

Специфика применения норм рассматриваемого института в рамках гл. 24 УК РФ характеризуется наличием единичных составов преступлений небольшой и средней тяжести. В большинстве представлены составы преступлений, которые являются тяжкими и особо тяжкими. Данный факт во многом говорит о том, что большинство норм, предусмотренных гл. 11 УК РФ, применить к составам преступлений против общественной безопасности невозможно в силу несоблюдения условий. Однако законодателем были предусмотрены специальные нормы освобождения от уголовной ответственности к конкретным статьям Особенной части УК РФ.

Данные нормы представляют собой определенные условия, которые характеризуются выполнением постпреступных действий, за совершение которых виновный будет или может быть освобожден от уголовной ответственности. В рассматриваемой главе предусмотрена двадцать одна норма-примечание, тринадцать из которых содержат условия освобождения от уголовной ответственности.

Причиной внесения рассматриваемых специальных норм к статьям Особенной части УК РФ, по мнению некоторых ученых, является необходимость борьбы с конкретными видами преступлений, которые характеризуются сложностью раскрытия и расследования, а применение данных норм в отношении виновных – это компромисс, на который идет государство в целях обеспечения раскрытия и пресечения данных преступлений [3, с. 115]. Однако помимо этого целью также будут выступать осмысленный отказ правонарушителя от продолжения преступления и предотвращение негативных последствий задуманного, личное заявление о готовящемся или совершенном

общественно опасном деянии, дальнейшее способствование раскрытию и пресечению данного или связанных с ним правонарушений.

Специальные нормы к конкретным статьям рассматриваемой главы имеют обязательный (императивный) характер, что обязывает законодателя освободить от уголовной ответственности виновного при выполнении условия. А. И. Рарог считает, что «это делается с учетом как специфики самих преступлений, так и форм поведения лица после совершения преступлений, чтобы стимулировать отказ от продолжения преступной деятельности на стадии окончательного преступления и стремление нейтрализовать или смягчить негативные последствия совершенного преступления» [4, с. 262].

В целях всестороннего анализа данного вопроса необходимо обратиться к судебной практике.

Так, в кассационном определении Верховного Суда Российской Федерации от 28.10.2010 № 206-О10-1 был освобожден от уголовной ответственности осужденный по п. «ж» ч. 2 ст. 206 УК РФ, который удерживал в заложниках двух лиц, однако при выполнении специальной нормы, содержащейся в данной статье, был освобожден по данному составу преступления. Подобное решение вынесла Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда в кассационном определении от 23.01.2013 № 20-О12-36 в отношении гражданина, участвовавшего в вооруженном формировании, так как лицом были выполнены обязательные условия для освобождения от уголовной ответственности, указанные в примечании к данной статье в решении Верховного Суда Российской Федерации от 15.12.2016 № 30-АПУ16-11. В соответствии с апелляционным определением было принято решение в отношении гражданина, к которому было применено примечание к ст. 222 УК РФ, в связи с добровольной сдачей огнестрельного оружия и его составляющих частей.

Проведенный анализ показал, что законодатель при освобождении правонарушителя от уголовной ответственности по составам преступлений, содержащимся в рассматриваемой главе, придерживается главного критерия – это доказанное выполнение условия, которое содержится в примечании к соответствующей статье. При принятии решения об освобождении от уголовной ответственности за совершение преступлений, закрепленных в гл. 24 УК РФ, суд тщательно подходит к изучению исполнения всех тре-

бований, которые обязано выполнить лицо. В случае если какое-либо условие не выполнено, то преференция в отношении виновного будет отклонена. Таким образом, если лицо в соответствии со специальной нормой ст. 205.3 УК РФ сообщило правоохранительным органам о прохождении обучения, проводимого в целях осуществления террористической деятельности, но не способствовало раскрытию преступления или выявлению других лиц, то в этом случае суд отклонит освобождение преступника от уголовной ответственности. Так, в кассационном определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда от 13.08.2019 № 35-УД19-6 правоприменитель посчитал довод осужденного об освобождении от уголовной ответственности по специальной норме к ст. 222 УК РФ несостоятельным, так как он не выдавал органам предварительного расследования похищенный им кинжал, а данное оружие было выдано сотрудникам полиции одним из свидетелей. В апелляционном определении Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда от 18.10.2019 № 203-АПУ19-12 указано, что осужденный не обращался в органы власти и правоохранительные органы с заявлением о добровольном прекращении им участия в деятельности организации, которая в соответствии с законодательством Российской Федерации признана террористической, не предпринимал каких-либо действий для фиксации такого факта, а лишь после задержания написал так называемую явку с повинной, в которой сообщил о признании им факта совершения преступления путем участия в деятельности ячейки запрещенной организации. Подобное решение было принято в отношении осужденного в апелляционном определении Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда от 14.03.2019 № 203-АПУ19-5, так как в соответствии с примечаниями к ст. 205.3 и 208 УК РФ не было выполнено ни одно из обязательных условий для применения к нему положений данных специальных норм: в отношении преступления, предусмотренного ст. 205.3 УК РФ, он не сообщил органам власти о прохождении обучения, заведомо для него проводимого в целях совершения преступления, предусмотренного ст. 208 УК РФ, не способствовал раскрытию совершенного преступления или выявлению других лиц, прошедших такое обучение, осуществлявших, организовавших или финансировавших такое обучение, а также мест его проведения; в отношении преступления,

предусмотренного ст. 208 УК РФ, осужденный добровольно не прекратил участие в незаконном вооруженном формировании и не сдал оружие.

Специальные нормы освобождения от уголовной ответственности, содержащиеся в гл. 24 УК РФ, в силу своей специфики и практики применения, описанных ранее, имеют бессистемный характер по причине отсутствия у законодателя единого подхода и методологии установления и конструирования. Данная проблема была озвучена ранее в работах С. Н. Шатиловича, А. Г. Антонова, И. В. Миронова, Ю. В. Арсентьевой и ряда других ученых. Однако к единой позиции по рассматриваемому вопросу никто из них не пришел. Каждым была предложена собственная классификация, на основе которой стоит разграничить специальные нормы освобождения от уголовной ответственности по группам и выявить основополагающий критерий, и в дальнейшем использовать его для систематизации уже существующих норм.

Полагаем, что для выделения данного критерия необходимо провести фундаментальное исследование.

Помимо этого, в рамках гл. 24 УК РФ вопрос об увеличении количества специальных норм к конкретным статьям стоит значительно остро из-за возможности причинения повышенного вреда общественной безопасности. Однако его можно предотвратить до наступления общественно опасных последствий. К таковым составам, по нашему мнению, можно отнести ст. 207 «Заведомо ложное сообщение об акте терроризма», ст. 209 «Бандитизм», ст. 220 «Незаконное обращение с ядерными материалами или радиоактивными веществами», ст. 221 «Хищение либо вымогательство ядерных материалов или радиоактивных веществ». Представленные составы преступлений после их совершения могут причинить вред новым общественным отношениям, однако, исходя из объективной стороны данных преступлений, субъект обладает выбором между совершением дальнейшей преступной деятельности и выполнением позитивных поступков в целях предотвращения уже совершенного преступления или предупреждения планируемого.

Помимо рассмотренных вопросов существует ряд конструктивных недочетов со стороны законодателя. Так, часть специальных норм к конкретным статьям гл. 24 УК РФ имеют субъективный характер оценки при принятии решения об освобождении

от уголовной ответственности. К примеру, в примечании к ст. 206 «Захват заложника» указано, что если лицо добровольно или по требованию властей освободило заложника, то оно освобождается от уголовной ответственности. В тексте данной нормы говорится о конкретном действии, выполнение которого повлечет за собой освобождение от уголовной ответственности. Однако если рассматривать специальные нормы к другим составам преступлений данной главы, то возникают некоторые вопросы. Так, в примечании к ст. 205 УК РФ «Террористический акт» говорится, что лицо, участвовавшее в подготовке террористического акта, будет освобождено от уголовной ответственности, если своевременно предупредит органы власти или иным способом способствует предотвращению осуществления террористического акта. В данном случае при принятии решения об освобождении от уголовной ответственности правоприменитель имеет широкие полномочия, которые проявляются в условиях, обладающих оценочной характеристикой: «своевременно», «иной способ способствования предотвращению» и пр. Данные примеры описывают не конкретное действие, а лишь общее условие, которое в результате будет трактоваться правоприменителем по его усмотрению. Такая позиция законодателя, по нашему мнению, является ошибочной и неоднозначной, поскольку двоякие трактовки могут привести к различным казусам на практике и принятию необоснованных решений. Считаем целесообразным использовать обороты, которые не будут характеризоваться различными оценочными понятиями.

Помимо этого, стоит остановиться на формулировке «если в действиях этого лица не содержится иного состава преступления», которая встречается в некоторых примечаниях анализируемой главы. В большинстве случаев рассматриваемые составы преступлений сопровождаются совершением каких-либо других преступлений, что влечет за собой отказ освобождения от уголовной ответственности виновного. В п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда от 27.06.2013 № 19 (ред. от 29.11.2016)

«О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» указано, что если условием является отсутствие в действиях лица иного состава преступления, судам следует иметь в виду, что применение примечания допускается и в случае совершения лицом совокупности преступлений. Однако представленная позиция, по нашему мнению, является дискуссионной, так как в данном случае словосочетание «применение примечания допускается» носит оценочный характер, может применяться на усмотрение правоприменителя в каждом конкретном случае.

Исходя из этого считаем целесообразным пересмотреть данную формулировку и заменить ее на конструкцию ст. 222 УК РФ: «освобождается от уголовной ответственности по данной статье». Это, по нашему мнению, позволит избежать оценочных формулировок в уголовном законодательстве, внесет ясность в понимание норм и приведет к единообразию их реализации на практике.

В заключение стоит отметить, что институт освобождения от уголовной ответственности в рамках гл. 24 УК РФ обладает определенными особенностями, зависящими от составов преступлений, совершение которых может повлечь за собой череду других общественно опасных деяний с наиболее тяжкими последствиями как для отдельных общественных отношений, так и для безопасности государства в целом, а также от специальных норм освобождения от уголовной ответственности, предусмотренных в конкретных составах преступлений. Проведенное исследование показывает, что имеют место недостатки в формулировках примечаний. Считаем, что увеличение количества специальных норм позволит урегулировать более широкий круг общественно опасных деяний, предотвратить наступление тяжких последствий. На наш взгляд, предложенные изменения окажут положительное воздействие на гуманизацию уголовной политики в рамках института освобождения от уголовной ответственности при совершении преступлений, содержащихся в гл. 24 УК РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонов, А. Г. Специальные основания освобождения от уголовной ответственности : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Антонов Антон Геннадьевич. – Рязань, 2013. – 44 с.
2. Ендольцева, А. В. Институт освобождения от уголовной ответственности: проблемы и пути их решения : монография / А. В. Ендольцева. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2015. – 287 с. – ISBN 5-238-00750-7.
3. Павлова, О. К. Институт деятельного раскаяния по советскому уголовному праву : диссертация кандидата юридических наук / Павлова Ольга Константиновна. – Москва, 2000. – 196 с.
4. Уголовное право России. Общая часть : учебник / под редакцией профессора А. И. Рарога. – Москва : ИМПЭ : Триада, 1998. – 318 с. – ISBN 5-86344-078-3.

5. Шматова, Е. С. Гуманизация уголовного законодательства в России / Е. С. Шматова, О. А. Подобина // Российское государство и право: история и современность : сборник статей преподавателей и студентов направления подготовки «Юриспруденция». – Новочеркасск : Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) им. М. И. Платова, 2016. – С. 64–72. – ISBN 978-5-9997-0591-4.

REFERENCES

1. Antonov A. G. *Special'nye osnovaniya osvobozhdeniya ot ugovnoy otvetstvennosti. Avtoref. diss. dokt. yurid. nauk* [Special grounds for exemption from criminal liability. Author's abstract of the diss. Dsc. in Law]. Ryazan, 2013. 44 p. (In Russ.).
2. Endol'ceva A. V. *Institut osvobozhdeniya ot ugovnoy otvetstvennosti: problemy i puti ih resheniya* [Institute for Exemption from Criminal Responsibility: Problems and Solutions]. Moscow, 2015. 287 p. (In Russ.).
3. Pavlova O. K. *Institut deyatel'nogo raskayaniya po sovetskomu ugovnomu pravu. Diss. kand. yurid. nauk* [Institute of Active Repentance in Soviet Criminal Law. Diss. PhD. in Law]. Moscow, 2000. 196 p. (In Russ.).
4. Rarog A. I. (red.) *Ugovnoe pravo Rossii. Obshchaya chast'* [The criminal law of Russia. A common part]. Moscow, 1998. 318 p. (In Russ.).
5. SHmatova E. S., Podobina O. A. *Gumanizaciya ugovnogo zakonodatel'stva v Rossii* [The humanization of criminal law in Russia]. *Rossijskoe gosudarstvo i pravo: istoriya i sovremennost'* [Russian state and law: history and modernity]. Novocherkassk, 2016. pp. 64–72. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTORS

АНТОН ИВАНОВИЧ БЫКОВ – научный сотрудник НИЦ-1 Научно-исследовательского института ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9348-0207>, e-mail: HellSinG199@mail.ru

ANTON I. BYKOV – Researcher of the Scientific-Research Center of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9348-0207>, e-mail: HellSinG199@mail.ru

DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-2-228-232

УДК 343.9

Социально-психологические детерминанты розничной продажи алкогольной продукции несовершеннолетним

А. А. БЕРНДТ

Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8994-7676>, e-mail: saguri@mail.ru

Реферат. В статье анализируются социально-психологические детерминанты преступного деяния, предусмотренного ст. 151.1 УК РФ. Данное исследование выполнено на основе административной, уголовной и иной статистики, полученной на официальных сайтах различных государственных органов, докладов органов государственной власти, а также уголовных дел, возбужденных по рассматриваемой статье УК РФ. Автор дает оценку роли семьи и общественно полезной деятельности в формировании личности. При этом отмечается снижение антикриминогенного потенциала института семьи, что во многом обуславливает формирование равнодушного отношения продавцов к несовершеннолетним покупателям, приобретающим алкоголь. Отсутствие контроля со стороны родителей в силу их занятости в общественно полезной деятельности создает благоприятные условия для совершения исследуемых противоправных деяний. Изучение современных условий трудовой деятельности работников торговли позволило сделать вывод о наличии многочисленных нарушениях гарантий и компенсаций, предусмотренных ТК РФ. Продавец, находясь в состоянии незащищенности, постепенно становится лояльным к многочисленным нарушениям законодательства в сфере торговли, начинает воспринимать их как безысходные и оправдывающие противоправное поведение как работодателя, так и самого себя. Социальная приемлемость продавца к многочисленным нарушениям законодательства постепенно становится предшествующей для нарушения уголовного закона.

Ключевые слова: административное правонарушение; алкогольная продукция; антикриминогенная функция; несовершеннолетний; преступление; семья; социально-психологические детерминанты; сфера торговли; трудовой коллектив.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Для цитирования: Берндт А. А. Социально-психологические детерминанты розничной продажи алкогольной продукции несовершеннолетним. *Пенитенциарная наука*. 2020; 14(2):228–232. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-2-228-232.

Socio-psychological determinants of the retail sale of alcohol to minors

A. A. BERNDT

the Ugra State University, Khanty-Mansiysk, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8994-7676>, e-mail: saguri@mail.ru

Abstract. The article analyzes the socio-psychological determinants of a criminal act under Art. 151.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. This study was carried out on the basis of administrative, criminal and other statistics obtained on the official websites of various state bodies, reports of state authorities, as well as criminal cases brought under this article of the Criminal Code of the Russian Federation. The author gives an assessment of the role of the family and socially useful activities in the formation of personality. At the same time, there is a decrease in the anti-crime potential of the family institution, which largely determines the formation of indifferent attitude of sellers to underage buyers who purchase alcohol. The lack of control by parents due to their employment in socially useful activities creates favorable conditions for the commission of these illegal acts. A study of the current working conditions of trade workers led to the conclusion that there are numerous violations of guarantees and compensations provided by the Labor Code of the Russian Federation. The seller being in a state of exposure, gradually becomes loyal to numerous violations of the law in the field of trade, begins to perceive them as hopeless and justifying the unlawful behavior of both the employer and himself. The seller's social acceptability for numerous violations of the law is gradually becoming preceded by a violation of the criminal law.

Key words: administrative offense; alcohol products; anti-crime function; minor; the crime; a family; socio-psychological determinants; sphere of trade; labor collective.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law

For citation: Berndt A. A. Socio-psychological determinants of the retail sale of alcohol to minors. *Penitenciarnaya nauka = Penitentiary Science*. 2020; 14(2):228–232. (In Russ.). DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-2-228-232.

Неоспорим тот факт, что употребление алкоголя в юном возрасте наносит огромный вред здоровью несовершеннолетнего. Молодежь под воздействием алкоголя чаще проявляет асоциальное поведение, немотивированную агрессию. Спиртное нарушает работу практически всех внутренних органов, провоцирует развитие слабоумия. Под воздействием алкоголя в неокрепшем организме подростка быстрее развивается алкогольная зависимость. Данные обстоятельства вынуждают органы государственной власти применять жесткие меры, направленные на защиту несовершеннолетних от пагубного воздействия алкогольной продукции.

Вместе с тем судебная практика показывает, что торговая сеть по-прежнему является основным источником приобретения

подростками алкоголя. Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, к административной ответственности за розничную продажу алкогольной продукции несовершеннолетним (ч. 2.1 ст. 14.16 КоАП РФ) в 2013 г. были привлечены 8416 чел., в 2014 г. – 9863, в 2015 г. – 11 510, в 2016 г. – 11 875, в 2017 г. – 11 383, в 2018 г. – 15 462, в 2019 г. – 15 977; к уголовной ответственности за повторную такую продажу (ст. 151.1 УК РФ) в 2013 г. – 394 чел., в 2014 г. – 405, в 2015 г. – 516, в 2016 г. – 655, в 2017 г. – 580, в 2018 г. – 569, в 2019 г. – 531.

Приведенные статистические данные свидетельствуют об устойчивом росте числа лиц, привлеченных к административной ответственности, в то время как количество осужденных лиц, напротив, не имеет ярко

выраженной тенденции к увеличению и постепенно снижается. При этом при сравнении абсолютных показателей количества осужденных и лиц, административно наказанных, отмечается небольшой процент лиц, подвергнутых уголовному преследованию. Это подтверждает наличие профилактического потенциала данного уголовно-правового запрета [2] и одновременно свидетельствует об устойчивости антисоциальных свойств только у небольшого числа лиц, поскольку они, будучи привлеченными к административной ответственности, не отказались от противоправного поведения под страхом уголовного наказания.

В этой связи особо актуальным становится вопрос о причинах формирования такого поведения. Несомненно, детерминанты преступного деяния обусловлены социальными процессами и явлениями, протекающими в обществе, поскольку являются результатом их социально-экономических, политических и нравственных противоречий. Однако преступное поведение формируется под воздействием непосредственного окружения личности. Криминогенное воздействие на личность со стороны малых социальных групп (семья, учебное заведение, трудовой коллектив, профессиональное сообщество) рассматривается в качестве социально-психологических детерминант данного вида преступности.

Под влиянием неблагоприятного ближайшего окружения личность подвергается очень серьезным изменениям, которые чаще всего проявляются в деформациях мотивационной сферы, что предопределяет высокую степень вероятности совершения преступления [4, с. 164].

Криминологи отмечают огромную роль семьи в формировании личности. При этом влияние может иметь как позитивный, так и негативный характер. Выраженной особенностью преступлений, предусмотренных ст. 151.1 УК РФ, является субъектный состав. В подавляющем большинстве случаев преступления совершались женщинами, работающими в сфере торговли. При этом женщины, осужденные за розничную продажу алкогольной продукции несовершеннолетним, в 30 % случаев имели на иждивении несовершеннолетних детей, были замужем. Данные обстоятельства противоречат роли женщины в обществе, поскольку совершение преступления, в результате которого несовершеннолетний испытывает негативное воздействие алкоголя, должно противоречить женской суги.

Сложившемуся противоречию способствовала прошедшая в последние десятилетия ломка традиционных ценностей в обществе, которая привела к обесцениванию института семьи и детства. На этом фоне у многих женщин произошла деформация сознания, способствующая формированию равнодушия к окружающим, в том числе и детям. Работник торговли каждого покупателя рассматривает исключительно как источник прибыли, не замечая в нем подростка, не защищенного от пагубного воздействия алкоголя.

Кроме того, на совершение преступных деяний влияет активное участие женщин в общественной и трудовой деятельности, которое стирает грань между гендерными ролями мужчин и женщин [3, с. 189]. Женщины, вынужденные участвовать в общественном производстве, все меньше имеют возможностей воспитывать детей. Несовершеннолетние, оставленные без родительского контроля, все чаще становятся жертвами преступлений, свободно приобретаая алкоголь в торговой сети. Данная ситуация полностью соответствует общему состоянию криминальной виктимизации в России. Так, согласно комплексному анализу состояния преступности в Российской Федерации, размещенному на сайте МВД России, на фоне уменьшения общего количества потерпевших (2013 г. – 1 566 942 чел., 2014 г. – 1 595 617, 2015 г. – 1 668 831, 2016 г. – 1 544 238, 2017 г. – 1 417 371) наблюдается рост числа несовершеннолетних, ставших жертвами преступлений (2013 г. – 89 053 чел., 2014 г. – 95 430, 2015 г. – 102 608, 2016 г. – 78 698, 2017 г. – 105 519).

Следовательно, семья как антикриминогенный фактор не оказывает должного сдерживающего влияния на совершение преступления, предусмотренного ст. 151.1 УК РФ.

Наряду с семьей на формирование личности оказывает влияние и сфера общественно полезной деятельности. Исходя из уголовно-правовой характеристики состава преступления, предусмотренного ст. 151.1 УК РФ, субъектом преступления является лицо, состоящее с организациями или индивидуальными предпринимателями в трудовых отношениях и непосредственно осуществившее отпуск алкогольной продукции несовершеннолетним по договорам розничной продажи. Соответственно, преступное деяние тесным образом связано с профессиональной деятельностью личности преступника и осуществляется в рамках

трудовых отношений. Особенность данного преступления позволяет говорить о возможном влиянии на формирование криминальной мотивации личности преступника его трудовой деятельности в торговой организации или у индивидуального предпринимателя.

Профессиональную деятельность продавца можно охарактеризовать следующим образом. По данным Всероссийского научно-исследовательского института труда, проводившего опрос по определению востребованных рабочих и специалистов среднего звена, первое место в списке топ-10 самых востребованных профессий заняли продавцы-кассиры. Вне всяких сомнений, продавец выполняет важную социальную функцию по обеспечению населения товарами народного потребления. Вместе с тем к профессиональным навыкам продавца предъявляются минимальные требования. Приветствуется, но не требуется специальное образование. Обучение зачастую проводится на рабочем месте. Невысокие требования к профессиональным навыкам обусловлены низкой заработной платой. При этом график работы предполагает занятость с раннего утра и до поздней ночи, возможна работа в выходные и праздничные дни. Деятельность характеризуется большими физическими и психологическими перегрузками. Качество трудовой жизни, под которым понимается учет интересов работников в производственной жизни и использование их способностей находится на низком уровне. Работники трудятся в условиях высокой незащищенности и нестабильности своего положения. Сфера розничной торговли поражена нарушениями условий трудового найма. Данные нарушения проявляются при заключении, изменении и прекращении трудового договора, вменении непредусмотренных договором обязанностей, начислении оплаты труда, в том числе при увольнении, обеспечении охраны труда, режима труда и отдыха. Кроме того, работодатели нарушают гарантии и компенсации, предусмотренные ТК РФ. Наиболее распространенной формой нарушения является несоответствие начисляемой и выплачиваемой заработной платы. Работодатель, скрывая ее реальный уровень, тем самым снижает налоговую нагрузку для себя.

Следовательно, востребованность в продавцах на рынке труда существует, однако наблюдается высокая текучка кадров по причине непривлекательности условий труда, а также уязвимости и незащищенности работников.

Постоянная сменяемость работников в торговых организациях не способствует формированию сплоченного трудового коллектива, способного устанавливать важные социальные связи, отстаивать свои трудовые права и гарантии. В таких условиях трудовой коллектив рассматривается как средство получения прибыли для предпринимателя. Для него представляют интерес только такие качества работника, которые способствуют получению максимального дохода, независимо от того, носят они позитивный или негативный характер [4, с. 181].

В современных условиях сфера трудовой деятельности в значительной мере утратила свое антикриминогенное воздействие, свойственное трудовому коллективу в советский период, где он объединял работников не только на основе трудовой функции, но и на общности интересов (спортивно-массовых, досугово-культурных и т. д.), выполняя задачу по воспитанию гармонично-развитой личности.

При этом работник, находясь в состоянии незащищенности и уязвимости, постепенно становится лояльным к нарушениям законодательства. Так, сфера торговли является наиболее пораженной нарушениями трудового, налогового хозяйственного права. Ежегодно органы контрольно-надзорной деятельности выявляют огромное количество правонарушений. Только по данным Роспотребнадзора в 2015 г. выявлено 204 113 нарушений законодательства о защите прав потребителя, в 2016 г. – 161 505, в 2017 г. – 155 526.

Лояльность работника к нарушениям также объясняется отсутствием выбора работы в формальных условиях найма, поскольку низкий уровень образования, несформированность востребованных рынком профессиональных компетенций становятся преградой для успешной профессиональной деятельности.

Данные условия начинают восприниматься работником как безысходные и оправдывающие противоправное поведение как работодателя, так и его самого. Между ними возникает некий компромисс, в соответствии с которым обе стороны считают социально приемлемым нарушать нормы законодательства с целью получения максимальной прибыли, а также дает возможность работодателю произвольно регулировать доход работника. Последний прекрасно понимает, что его оплата труда во многом зависит от полученной прибыли, то есть от реализованных товаров, соответственно, готов на многочисленные мелкие

нарушения правил торговли. Особо очевидны нарушения при реализации алкогольной продукции, которая дает наиболее высокую прибыль. При осуществлении контрольно-надзорной деятельности наиболее часто выявляются такие нарушения, как розничная продажа алкогольной продукции без лицензии и (или) без маркировки, розничная продажа несовершеннолетнему алкогольной продукции, розничная продажа алкогольной продукции в торговом объекте общественного питания, который оборудован исключительно для розничной продажи алкогольной продукции (торговля в «псевдообщепите»).

Многочисленные нарушения законодательства, являясь социально приемлемыми для продавца, становятся предшествующими для нарушения уголовного закона. Так, связь административной деликтологии и криминологии отмечается многими исследователями, которые указывают на необходимость изучения административных правонарушений для решения главной задачи – уяснения механизма формирования преступного поведения [1, с. 82].

Однако административное правонарушение совершается с целью разрешения противоречий между потребностью работника и работодателя в получении прибыли и запретами, установленными законодательством. Они не носят общественно опасный характер, совершаются однократно, не имеют общественно опасных последствий.

Преступное поведение характеризуется наличием такого признака, как неоднократность. Продавец достоверно знает о противоправности своего деяния, поскольку, будучи привлеченным к административному наказанию, был предупрежден об уголовной ответственности. При этом, не отказавшись от противоправного деяния, он демонстрирует устойчивость антисоциальных свойств личности, сформированной под действием негативных явлений трудовой деятельности.

Таким образом, характеристика особенностей детерминант преступлений, предусмотренных ст. 151.1 УК РФ, на социально-психологическом уровне свидетельствует об утрате семьей антикриминогенного потенциала. Обесценивание института семьи и детства привело к формированию равнодушного отношения продавца к несовершеннолетним покупателям, приобретающим алкогольную продукцию, а отсутствие за ними контроля со стороны родителей в силу занятости последних в общественном труде создает благоприятные условия для совершения данных противоправных деяний. Современная сфера розничной торговли поражена нарушениями условий трудового найма, находясь в которой продавец постепенно становится лояльным к многочисленным нарушениям законодательства в сфере торговли. Такая лояльность к правонарушениям может оказывать влияние на формирование криминальной мотивации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дерюга, А. Н. О соотношении административной деликтологии и криминологии / А. Н. Дерюга // Журнал российского права. – 2011. – № 2. – С. 82–87.
2. Капинус, О. С. Административная преюдиция в уголовном праве: проблемы теории и практики / О. С. Капинус // Журнал российского права. – 2019. – № 6. – С. 78–86.
3. Куприянова, А. В. Гендерная криминология: создание частной криминологической теории / А. В. Куприянова // Вестник Читинского государственного университета. – 2008. – № 6 (51). – С. 187–191.
4. Прокументов, Л. М. Криминология. Общая часть : учебное пособие / Л. М. Прокументов, А. В. Шеслер. – Томск : Издательский дом Томского государственного университета, 2017. – 284 с. – ISBN 978-5-94621-638-8.

REFERENCES

1. Deryuga A. N. O sootnoshenii administrativnoj deliktologii i kriminologii [On the relationship of administrative delictology and criminology]. *Zhurnal Rossijskogo prava – Journal of Russian Law*, 2011, no. 2, pp. 82–87. (In Russ.).
2. Kapinus O. S. Administrativnaya preyudiciya v ugovnomnom prave: problemy teorii i praktiki [Administrative prejudice in criminal law: problems of theory and practice]. *Zhurnal Rossijskogo prava – Journal of Russian Law*, 2019, no. 6, pp. 78–86. (In Russ.).
3. Kupriyanova A. V. Gendernaya kriminologiya: sozdanie chastnoj kriminologicheskoy teorii [Gender criminology: creating a private criminological theory]. *Vestnik Chitinskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Chita State University*, 2008, no. 6 (51), pp. 187–191. (In Russ.).
4. Prozumentov L. M., Shesler A. V. *Kriminologiya. Obshchaya chast'* [Criminology. A common part]. Tomsk, 2017. 284 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTORS

АНАСТАСИЯ АНАТОЛЬЕВНА БЕРНДТ – аспирант кафедры уголовного права и уголовного процесса Югорского государственного университета, г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8994-7676>, e-mail: saguri@mail.ru

ANASTASIYA A. BERNDT – Graduate Student of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure of Ugra State University, Khanty-Mansiysk, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8994-7676>, e-mail: saguri@mail.ru

Деятельность государственного обвинителя по доказыванию обвинения в суде

Н. В. ПАЛЬЧИКОВА

Воронежский институт ФСИН России

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5564-3300>, e-mail: nati208@mail.ru

Реферат. Статья посвящена актуальной проблеме доказывания в суде, которое является одним из важнейших направлений деятельности государственного обвинителя, способствующим установлению истины судом для вынесения обоснованного и справедливого решения. При этом истинным должен быть не только результат, на который направлена деятельность по доказыванию, но и сам процесс доказывания.

Проанализировав уголовно-процессуальное законодательство, судебную практику, автор приходит к следующим выводам:

– доказанность виновности подсудимого не может складываться на одном лишь косвенном или прямом доказательстве. Доказывание строится на совокупности косвенных доказательств, которые образуют единую картину преступления и утверждают виновность подсудимого, или же на совокупности прямых и косвенных доказательств;

– обвинение должно быть законным, обоснованным и истинным, а значит, построено на фактах, а не на доводах и предположениях;

– вопрос о характере и содержании истины в уголовном процессе является спорным и в науке, и в судебной практике. В судебном заседании государственный обвинитель поддерживает законность и обоснованность обвинения, он обязан стремиться к установлению фактических обстоятельств дела и правильной квалификации преступления;

– целью деятельности государственного обвинителя по доказыванию обвинения является установление истины по делу. Обвинение должно быть построено на фактах и быть законным и обоснованным.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; государственный обвинитель; доказательства; обвинение; уголовный процесс.

12.00.09 – Уголовный процесс

Для цитирования: Пальчикова Н. В. Деятельность государственного обвинителя по доказыванию обвинения в суде. *Пенитенциарная наука*. 2020; 14(2):233–237. DOI 10.24411/2686-9764-2020-233-237.

Court Prosecutor's Activity

N. V. PALCHIKOVA

the Voronezh Institute of the Federal Penal Service of Russia, Voronezh, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5564-3300>, e-mail: nati208@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the urgent problem of proof in court, which is one of the most important areas of activity of the public prosecutor, contributing to the establishment of truth by the court to make a reasoned and fair decision. Moreover, not only the result, on which the activity of proving is directed, should be true, but also the process of proving itself.

After analyzing the criminal procedure legislation, judicial practice, the author comes to the following conclusions:

– proof of guilt of the accused cannot be based on only indirect or direct evidence. Evidence is based on a combination of indirect evidence that forms a single picture of the crime and affirms the guilt of the defendant, or on a combination of direct and indirect evidence;

– the accusation must be lawful, justified and true, which means that it is built on facts and not on arguments and assumptions;

– question of the nature and content of truth in criminal proceedings is controversial in science and in judicial practice. At the hearing the public prosecutor upholds the legality and validity of the accusation, he is obliged to strive to establish the factual circumstances of the case and the correct qualification of the crime;

– goal of the public prosecutor's work in proving the charge is to establish the truth in the case. The accusation must be based on facts, and be lawful and justified.

Key words: criminal proceedings; public prosecutor; evidence; accusation; criminal process.

12.00.09 – Criminal procedure

For citation: Palchikova N. V. Court Prosecutor's Activity. *Penitenciarnaya nauka = Penitentiary Science*. 2020; 14(2):233–237. (In Russ.). DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-2-233-237.

Целью уголовного судопроизводства является установление объективных обстоятельств совершенного преступления с тем, чтобы установить виновных лиц в совершении преступления, назначить им справедливое наказание либо освободить невиновных лиц от уголовной ответственности.

Государственный обвинитель как лицо, поддерживающее обвинение в суде от имени государства, уполномочен доказать законность, обоснованность обвинения, виновность или невиновность того или иного лица. Исходя из того, на каких доказательствах основана позиция государственного обвинителя, судом будет вынесено решение о виновности подсудимого и определено наказание.

Конституционный Суд Российской Федерации разъясняет, что суд вправе устанавливать виновность обвиняемого лица лишь в том случае, если ее доказывают органы, осуществляющие уголовное преследование. Согласно уголовно-процессуальному законодательству к таковым относится и прокурор.

Деятельность прокурора в суде сложна и многогранна. Доказывание в суде является одним из важнейших направлений работы государственного обвинителя, способствующих установлению истины судом для вынесения обоснованного и справедливого решения. При этом истинным должен быть не только результат, на который направлена деятельность по доказыванию, но и сам процесс доказывания.

Е. В. Григорьев считает, что «путь к истине лежит через использование такой совокупности доказательств, которая исключала бы иное толкование ситуации, формировала бы убежденность правоприменителя» [1, с. 30].

Большинство ученых-процессуалистов упоминают о таком понятии, как объективная истина, но, на наш взгляд, истина в уголовном процессе имеет ряд особенностей, которые закреплены законодательно:

– во-первых, определяя истину по уголовному делу, мы изучаем определенный предмет, в частности место, время, способ и другие имеющие особое значение для установления истины обстоятельства дела, закрепленные в ст. 73 УПК РФ;

– во-вторых, наличие специальных субъектов в уголовном судопроизводстве, которые осуществляют деятельность по установлению истины. Таким является государственный обвинитель – прокурор, поддерживающий в суде государственное обвинение;

– в-третьих, ч. 1 ст. 86 УПК РФ предусматривает специальные способы доказывания;

– в-четвертых, ч. 2 ст. 74 УПК РФ раскрывает виды доказательств, которые могут служить средством установления истины по делу.

Еще одной особенностью установления истины в уголовном процессе является то, что она должна быть обоснованной. Это вытекает из принципа презумпции невиновности, согласно которому подсудимый считается невиновным, пока его вина не будет доказана в суде и установлена вступившим в законную силу приговором суда, подсудимый имеет полное право не доказывать свою невиновность, бремя доказывания обвинения лежит непосредственно на стороне обвинения, все сомнения трактуются в пользу подсудимого. Таким образом, обвинение должно быть законным, обоснованным и истинным, а значит, построено на фактах, а не на доводах и предположениях.

Вопрос о характере и содержании истины в уголовном процессе является спорным и в науке, и в судебной практике. В судебном заседании государственный обвинитель поддерживает законность и обоснованность обвинения, стремится к установлению фактических обстоятельств дела и правильной квалификации преступления.

Обвинение конкретного лица в совершении деяния, запрещенного УК РФ, выдвигается должностным лицом в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законодательством, и на основании УК РФ.

Обоснованность обвинения означает, что выводы, указанные при предъявлении обвинения, сделаны на основании существующей действительности и на установленных обстоятельствах дела, носящих фактический характер.

Разберем основные требования, предъявляемые к государственному обвинителю в процессе исследования им доказательств:

- всесторонность – данное требование означает, что государственный обвинитель обязан предусмотреть не только наличие доказательств, подтверждающих обвинение, но и доказательства, опровергающие виновность обвиняемого;

- полнота – государственный обвинитель обязан собрать и исследовать все возможные доказательства;

- объективность – все доказательства должны быть исследованы одинаково, без предубеждения, предвзятости и только на основании закона;

- законность – при получении и исследовании доказательств сторона обвинения обязана руководствоваться нормами процессуального и материального уголовного права.

Для поддержания успешного обвинения государственным обвинителем важное значение в его деятельности по доказыванию будет играть этап планирования очередности исследования доказательств. Следует соблюдать несколько правил, чтобы доказательства государственного обвинителя несли юридическую силу и обладали высокой степенью убедительности:

- необходимо максимально полно раскрыть потенциальные возможности обвинения, для чего доказательства целесообразно представлять на исследование в хронологической последовательности;

- в качестве начальных доказательств следует представлять те из них, которые представляют собой наиболее значимые факты и устанавливаются стороной обвинения вне сомнений;

- для того чтобы законность и обоснованность доказательств, подтверждающих обвинение, не вызывали сомнений, они должны быть неразрывны между собой, то есть связаны единой логической цепочкой и отражали следственную связь друг с другом.

Все доказательства, которые государственный обвинитель предъявляет в ходе судебного разбирательства, должны отвечать требованиям относимости, допустимости, достоверности и достаточности.

В уголовном судопроизводстве требование относимости означает, что содержание представляемого доказательства устанавливает обстоятельства, которые имеют значение для расследования уголовного дела. Обстоятельства, которые устанавливаются конкретным доказательством, должны иметь значение для уголовного дела.

Государственный обвинитель в процессе доказывания обвинения в суде представляет не только прямые, но и косвенные доказательства. Если подтвердить относимость прямых доказательств не вызывает у прокурора проблем, то с косвенными доказательствами ситуация обстоит иначе. Так, к примеру, показания свидетеля, в которых он указывает на то, что подсудимый совершил преступление, будут носить обвинительный характер. А показания свидетеля о том, что подсудимый не совершал данное преступление, будут носить оправдательный характер и рассматриваться в пользу подсудимого.

Примером другого косвенного доказательства является ситуация, когда свидетель указывает на то, что слышал угрозы от подсудимого в адрес потерпевшего. Такое доказательство не означает, что именно подсудимый совершил это преступление. Оно позволяет нам выдвинуть несколько версий: убийство мог совершить подсудимый, который выдвинул угрозу; убийство совершило лицо, которое слышало угрозу и воспользовалось случаем для осуществления своей личной цели; убийство совершило лицо, которому ничего не известно об угрозе подсудимого потерпевшему.

Следовательно, доказанность виновности подсудимого не может складываться на одном лишь косвенном или прямом доказательстве. Доказывание строится на совокупности косвенных доказательств, которые образуют единую картину преступления и утверждают виновность подсудимого, или же на совокупности прямых и косвенных доказательств. Таким образом, показания свидетеля о том, что подсудимый угрожал убийством потерпевшему, не могут быть ос-

новополагающими для поддержания обвинения.

Государственный обвинитель при поддержании обвинения в суде не строит обвинение на следующих доказательствах:

- сходство в способе совершения преступления с аналогичными преступлениями;
- поведение подсудимого в зале судебного заседания (психологический фактор);
- личность подсудимого (наличие судимостей, аморальное поведение, семейное положение).

Другим требованием, предъявляемым к доказательствам, является допустимость. Это означает, что доказательства, положенные в основу обвинения, а также используемые для доказывания любого другого обстоятельства, предусмотренного ст. 73 УПК РФ, должны иметь юридическую силу, то есть должны быть получены в соответствии с требованиями, установленными УПК РФ. Кроме того, свое решение судья не может основывать на доказательствах, которые были представлены с нарушением закона.

В п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31.10.1995 № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» закреплены конкретные требования: «доказательства должны признаваться полученными с нарушением закона, если при их собирании и закреплении были нарушены гарантированные Конституцией Российской Федерации права человека и гражданина или установленный уголовно-процессуальным законодательством порядок их собирания и закрепления, а также если собирание и закрепление доказательств осуществлено ненадлежащим лицом или органом либо в результате действий, не предусмотренных процессуальными нормами».

Анализ положений постановления позволяет сделать вывод, что допустимые доказательства должны отвечать трем критериям:

- надлежащий субъект доказывания;
- надлежащий способ собирания доказательств;
- надлежащий порядок проведения процессуального действия.

При этом ч. 2 ст. 75 УПК РФ к недопустимым доказательствам относит: показания потерпевшего, свидетеля, основанные на догадке, предположении, слухе, а также показания свидетеля, который не может указать источник его осведомленности. Отметим, что критериям, содержащимся в п. 16 указанного выше постановления, выше-

указанные показания потерпевшего, свидетеля соответствуют (к примеру, показания получены следователем в ходе допроса без нарушения гарантированных Конституцией Российской Федерации прав человека и гражданина), однако уголовно-процессуальным законодательством признаются недопустимыми. Список недопустимых доказательств, указанных в ч. 2 ст. 75 УПК РФ, не является исчерпывающим, законодатель оставил его открытым.

Анализируя уголовно-процессуальное законодательство, приходим к выводу, что не все недопустимые доказательства связаны с критериями, указанными в упомянутом постановлении.

При получении доказательств лицо, уполномоченное на осуществление данной деятельности, должно выполнять следующие задачи: во-первых, охранять права и законные интересы граждан, которые задействованы в получении доказательств; во-вторых, обеспечить достоверность доказательств [2, с. 100].

Существуют две точки зрения по вопросу наличия необходимых признаков для признания доказательства недопустимым. Одни ученые-процессуалисты считают, что требуется наличие четырех признаков (ненадлежащие субъект, источник, способ собирания доказательства и порядок проведения следственного действия), другие полагают, что недопустимым является лишь то доказательство, которое отвечает только первым трем признакам. А что касается ненадлежащего порядка проведения следственного действия, то не все процессуальные ошибки могут повлечь недопустимость доказательства, все зависит от характера нарушения. Например, в протоколе допроса не была указана дата, это можно легко исправить, и уже не будет грубого нарушения.

Процессуалисты, которые придерживаются первой точки зрения, считают, если позволить нарушить одно требование, то стоит ли говорить о решении задач, поставленных перед лицом при сборе и оценке доказательств. Соблюдение и защита прав граждан и их законных интересов, несомненно, нарушается при одном неправомерном применении требований уголовно-процессуального закона. Придерживающиеся второй точки зрения ученые полагают иначе, подкрепляя свое мнение практикой.

Если государственный обвинитель считает, что доказательство в силу каких-либо обстоятельств является недопустимым, он

имеет право заявить ходатайство о его исключении. Если же суд отказал в удовлетворении данного ходатайства, то согласно ч. 3 ст. 271 УПК РФ ходатайство может быть заявлено вновь в ходе дальнейшего судебного разбирательства. В своей просьбе государственный обвинитель должен указать не только на конкретное доказательство, которое необходимо признать недопустимым и исключить, но и привести достаточные основания.

П. А. Лупинская указывает, что при оценке доказательства государственному обвинителю необходимо не только познать и оценить внешние признаки доказательства, но еще и изучить его признаки [1, с. 8].

Необходимо обратить внимание на процесс формирования доказательства, в частности на условия восприятия и фиксации информации, условия появления, копирования и сохранения следов, условия экспертного исследования, условия происхождения процессуальных документов и представления их в суд.

Ко всему вышеперечисленному стоит также отнести и содержание самих доказательств, их полноту, наличие неточностей, проверить обоснованность выводов, а также сопоставить данное доказательство с ранее представленными. Признание доказательств достаточными для государственного обвинителя означает, что он готов поддерживать обвинение и у него имеются основания для привлечения конкретного лица к уголовной ответственности.

Деятельность государственного обвинителя по доказыванию становится успешной после того, как версия о том, что конкретное деяние совершил конкретный человек, а именно подсудимый, становится досто-

верной не только для самого государственного обвинителя, но и для суда. При этом не стоит забывать о наличии определенных требований к совокупности предъявленных доказательств: полнота доказательств (отсутствие недостатков и пробелов), однозначность (когда существует определенный вывод, который является единственным по отношению к доказательству), надежность (доказательство отвечает всем признакам достаточности, оно достоверно, допустимо и относительно).

На практике у государственных обвинителей могут возникать проблемы в доказывании при наличии одних лишь только косвенных доказательств. Для того чтобы указанные доказательства имели юридическую силу и на основании их можно было построить обвинение, необходимо соблюдение ряда требований, применимых лишь к косвенным доказательствам:

- косвенное доказательство должно быть основано на главном факте;
- в ходе расследования должны быть отработаны все возможные версии, каждое косвенное доказательство должно быть подвергнуто тщательной проверке;
- вывод может быть построен только один и на совокупности косвенных доказательств;
- собранные косвенные доказательства должны быть целой системой и не противоречить друг другу.

В заключение отметим, что целью деятельности государственного обвинителя по доказыванию обвинения является установление истины по делу. Обвинение должно быть построено на фактах и носить в себе законность и обоснованность, которые государственный обвинитель поддерживает в судебном заседании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Григорьев, В. Н. Уголовный процесс : учебник / В. Н. Григорьев, А. В. Победкин, В. Н. Яши. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Эксмо, 2008. – 816 с. – ISBN 978-5-699-25546-7.
2. Зинатуллин, З. З. Уголовно-процессуальное доказывание: концептуальные основы : монография / З. З. Зинатуллин, Т. З. Егорова, Т. З. Зинатуллин. – Ижевск : Детектив-информ, 2002. – 228 с.
3. Лупинская, П. А. Доказательства и доказывание в новом уголовном процессе / П. А. Лупинская // Российская юстиция. – 2012. – № 7. – С. 5–8.

REFERENCES

1. Grigor'ev V. N., Pobedkin A. V., Yashi V. N. *Ugolovnyj process* [Criminal process]. Moscow, 2008. 816 p. (In Russ.).
2. Zinatullin Z. Z., Egorova T. Z., Zinatullin T. Z. *Ugolovno-processual'noe dokazyvanie: konceptual'nye osnovy* [Criminal Procedure Evidence: A Conceptual Framework]. Izhevsk, 2002. 228 p. (In Russ.).
3. Lupinskaya P. A. *Dokazatel'stva i dokazyvanie v novom ugovolnom processe* [Evidence and proving in a new criminal trial]. *Rossijskaya yusticiya – Russian justice*, 2012, no. 7, pp. 5–8. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTORS

НАТАЛЬЯ ВАСИЛЬЕВНА ПАЛЬЧИКОВА – преподаватель кафедры уголовно-процессуальных и административно-правовых дисциплин Воронежского института ФСИН России, г. Воронеж, Российская Федерация, кандидат юридических наук. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5564-3300>, e-mail: nati208@mail.ru

NATAL'YA V. PAL'CHIKOVA – Lecturer of the Department of Criminal Procedure and Administrative Law Disciplines the Voronezh Institute of the Federal Penal Service of Russia, Voronezh, Russian Federation, PhD. in Law. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5564-3300>, e-mail: nati208@mail.ru

Правовые основы внедрения системы комплексной оценки профессиональной служебной деятельности сотрудников в органах и учреждениях уголовно-исполнительной системы

А. В. КОРЕПИНА

Северо-Западный институт (филиал) Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Вологда, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5854-3492>, e-mail: anna.corepina@yandex.ru

Реферат. Повышение качества государственного управления пенитенциарной системой напрямую связано с совершенствованием ее кадрового потенциала. В настоящее время решение данной задачи во многом зависит от использования современных кадровых технологий при формировании личного состава органов и учреждений уголовно-исполнительной системы. Внедренные еще в 90-е гг., на этапе формирования новой российской государственности, способы комплектования кадрового состава государственных органов на сегодняшний день не позволяют объективно оценить профессиональные качества государственных служащих (кандидатов в государственные служащие). Требуются новые подходы к определению соответствия лиц тем задачам, которые ставит государство перед органами и учреждениями уголовно-исполнительной системы. Методов совершенствования кадровой политики на государственной службе достаточно много. Многие из них уже давно внедрены в практику организации подбора государственных служащих и успешно реализуются, однако некоторые требуют более тщательной правовой и организационной подготовки. К последним следует отнести комплексную оценку профессиональной деятельности государственных служащих. В этой связи в статье анализируются возможности внедрения и особенности процедуры новой кадровой технологии — комплексной оценки деятельности сотрудников органов и учреждений уголовно-исполнительной системы. Автором предложены проекты таких документов, как приказ о создании комиссии по проведению комплексной оценки профессиональной служебной деятельности государственных служащих (оценочной комиссии) и план подготовки локальных актов для проведения комплексной оценки, которые необходимы для правового сопровождения процедуры.

Ключевые слова: комплексная оценка служащих; органы и учреждения уголовно-исполнительной системы; профессионализм государственных служащих; результативность и эффективность государственной службы; современные кадровые технологии.

12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность

12.00.14 – Административное право; административный процесс

Для цитирования: Корепина А. В. Правовые основы внедрения системы комплексной оценки профессиональной служебной деятельности сотрудников в органах и учреждениях уголовно-исполнительной системы. *Пенитенциарная наука*. 2020; 14(2):238–244. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-2-238-244.

Legal basis for implementation of the comprehensive assessment system professional employment activity in the bodies and institutions of the penal system

A. V. KOREPINA

the North-West Institute (branch) of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSLA), Vologda, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5854-3492>, e-mail: anna.corepina@yandex.ru

Abstract. The improvement of the quality of public administration of the penal system is directly related to the improvement of its human resources. In modern conditions the solution of this problem largely depends on the introduction of modern personnel technologies in the formation of personnel of bodies and institutions of the penal system. Introduced in the 90s at the stage of formation of the new Russian statehood, the methods of recruitment of state bodies, to date, do not allow to objectively assess the professional qualities of civil servants (candidates for civil servants). New ways of determining the compliance of persons with the tasks set by the state before the bodies and institutions of the penal system in the field of personnel policy are required. There are quite a lot of methods of improving the personnel policy in the public service offered in the legal environment. Many of them have long been introduced into the practice of organizing the selection of civil servants and are being successfully implemented. However, some methods require more legal and organizational training. These include – a comprehensive assessment of the professional activities of civil servants. In this regard the article analyzes the possibility of implementation and features of the procedure of new personnel technology – a comprehensive assessment of the activities of employees of bodies and institutions of the penal system. The author proposes draft documents that are necessary for legal support of the procedure of this personnel technology.

Key words: comprehensive assessment civil servants; bodies and institutions of the penal system; professionalism of civil servants; effectiveness of public service; modern personnel technologies.

12.00.11 – Judicial activity, prosecutorial activity, human rights and law enforcement

12.00.14 – Administrative law; administrative process

For citation: Korepina A. V. Legal basis for implementation of the comprehensive assessment system professional employment activity in the bodies and institutions of the penal system. *Penitenciarnaya nauka = Penitentiary Science*. 2020; 14(2):238–244. (In Russ.). DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-2-238-244.

Совершенствование государственного управления — главная цель проводимой в Российской Федерации административной реформы. Ее достижение возможно исключительно системными мерами, предполагающими принятие государством своевременных и профессиональных решений, выработка которых во многом зависит от тех лиц, которые впоследствии будут их реализовывать. Поэтому задача повышения качества государственного управления напрямую связана с задачей комплектования государственного аппарата посредством внедрения современных кадровых технологий в системе государственной службы. За последние семь лет это направление развития государственной службы приобрело особую актуальность, что нашло отражение в официальных правовых документах.

Правовые основы рассматриваемого вида деятельности заложены в ст. 32 Конституции Российской Федерации, провозглашающей равный доступ граждан к государственной службе, обеспечиваемый в том числе внедрением современных кадровых технологий. Это напрямую связано с реализацией основных принципов построения и функционирования института государственной

службы – профессионализма и компетентности государственных служащих. Федеральный закон от 27.05.2009 № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» в ч. 1 ст. 11 использование современных кадровых технологий называет в числе условий формирования кадрового состава государственной службы.

Не является исключением и служба в органах и учреждениях уголовно-исполнительной системы. В этом аспекте мы согласны с А. В. Каляшиным, который отмечает, что «становление и развитие службы в уголовно-исполнительной системе как вида федеральной государственной службы напрямую зависит от изменений, происходящих в системе государственной службы» [3, с. 3].

Федеральный закон от 19.07.2018 № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации “Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы”» (далее – Федеральный закон № 197-ФЗ) в качестве важного направления развития кадрового потенциала уголовно-исполнительной системы закрепил «применение современных кадровых техно-

логий при приеме на службу в уголовно-исполнительную систему и ее прохождении» (ч. 2 ст. 77). Закон в этой части отражает общую государственную кадровую политику и перекликается с Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г., утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 14.10.2010 № 1772-р (ред. от 23.09.2015). В документе стратегического планирования заложены основы внедрения современных кадровых технологий в деятельность органов и учреждений Федеральной службы исполнения наказаний (разд. 7).

К сожалению, в новых программных документах данному вопросу внимания не уделено. Ни в Распоряжении Правительства Российской Федерации от 23.12.2016 № 2808-р «Об утверждении Концепции федеральной целевой программы “Развитие уголовно-исполнительной системы (2017–2025 годы)”», ни в Постановлении Правительства Российской Федерации от 06.04.2018 № 420 «О федеральной целевой программе “Развитие уголовно-исполнительной системы (2018–2026 годы)”» пути совершенствования кадрового обеспечения уголовно-исполнительной системы не определены.

Вместе с тем на сегодняшний день использование современных кадровых технологий на государственной службе рассматривается как один из самых эффективных методов реализации задачи повышения качества государственного управления, в том числе и в уголовно-исполнительной системе.

Внедренные еще в 90-е гг., на этапе формирования новой российской государственности, способы комплектования кадрового состава государственных органов в настоящее время не позволяют объективно оценить профессиональные качества государственных служащих (кандидатов в государственные служащие). На это уже давно обращают свое внимание ученые-юристы [1, с. 309–314; 2, с. 5–11; 4, с. 64–79; 5].

Требуются новые действенные механизмы определения соответствия лиц тем задачам, которые ставит государство перед органами и учреждениями уголовно-исполнительной системы. Критерии отбора задаются прежде всего положениями ч. 1 ст. 77 Федерального закона № 197-ФЗ, где закреплены общие начала формирования кадрового состава уголовно-исполнительной системы, сочетающие в себе основополагающие принципы построения государственной службы в Российской Федерации

(равный доступ граждан к службе в уголовно-исполнительной системе, стабильность кадров) и компетентностную составляющую, направленную на повышение профессионализма сотрудников пенитенциарной системы.

Методов совершенствования кадровой политики на государственной службе достаточно много: ротация, кадровый резерв, наставничество и др. Многие из них уже давно внедрены в практику подбора государственных служащих и успешно реализуются. Однако некоторые методы требуют более тщательной правовой и организационной подготовки. К таким следует отнести комплексную оценку профессиональной деятельности государственных служащих.

Необходимость внедрения данного способа формирования кадрового состава на государственной службе была обозначена еще в Указе Президента Российской Федерации от 07.05.2012 № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» применительно к государственной гражданской службе. Нормативного правового акта, регламентирующего основы и процедуру проведения комплексной оценки, на федеральном уровне принято не было. В целях оказания методической помощи кадровым службам государственных органов в осуществлении комплексной оценки профессиональной служебной деятельности гражданских служащих Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации был опубликован Методический инструментальный по внедрению системы комплексной оценки профессиональной служебной деятельности государственных гражданских служащих (включая общественную оценку). Составной частью данного документа стала методика всесторонней оценки профессиональной служебной деятельности государственного гражданского служащего. Базой для ее разработки послужили международный опыт организации оценки профессиональной служебной деятельности государственных служащих в государственных органах и HR-технологии, используемые в ведущих российских и зарубежных компаниях.

Комплексная оценка государственных служащих предполагает анализ трех существенных показателей их компетентности: 1) квалификация; 2) профессиональные качества; 3) эффективность и результативность их профессиональной служебной деятельности.

Такой подход может способствовать получению объективной информации о компетентности государственного служащего практически на всех этапах прохождения государственной службы и принятию обоснованных кадровых решений в органах и учреждениях уголовно-исполнительной системы при эффективном управлении кадровым резервом и проведении необходимых организационно-штатных мероприятий; принятии итогового решения по истечении испытательного периода; проведении аттестационных и квалификационных процедур; распределении служебной нагрузки между служащими; формировании планов индивидуального профессионального развития; определении объемов материального и морального стимулирования.

В отличие от аттестации, которая направлена на определение соответствия сотрудника замещаемой должности, комплексная оценка предполагает установление результативности работы и эффективности деятельности сотрудника в процессе выполнения поставленных перед ним задач. Обязательность и периодичность проведения аттестации служащих уголовно-исполнительной системы законодательно закреплены на федеральном уровне, внедрение же комплексной оценки как новой кадровой технологии отдано на усмотрение руководителя органа (учреждения), от решения которого зависит формирование профессионального штата сотрудников. В этой связи процедура комплексной оценки предполагает разработку специального локального нормативного акта — положения о комплексной оценке профессиональной служебной деятельности служащих в государственном органе (учреждении). Данную обязанность следует возложить на кадровую службу. В положении необходимо отразить следующие моменты: цели проведения и предмет комплексной оценки; система комплексной оценки, включающая ее виды и условия применения; полномочия и ответственность участников комплексной оценки; организация проведения комплексной оценки (ее отдельных видов); методика и инструментарий комплексной оценки; применение результатов комплексной оценки при принятии кадровых решений.

Самое сложное в организации проведения комплексной оценки — регламентировать ее методику и инструментарий, поэтому следует это осуществить отдельно по каждому ее виду.

Оценка квалификации служащего напрямую связана с квалификационными требо-

ваниями, которые предъявляются к сотрудникам уголовно-исполнительной системы. Она выявляет профессиональный уровень подготовки служащего, позволяющий объективно определить его соответствие занимаемой государственной должности. Проведение данного вида оценки направлено на подтверждение наличия у сотрудника необходимых для выполнения поставленных задач знаний и опыта работы. Оценка квалификации может осуществляться традиционными способами — тестированием и индивидуальным собеседованием. Кроме того, в пенитенциарной системе посредством получения медицинского заключения оценивается состояние здоровья служащих, определенные необходимые показатели которого закреплены на уровне квалификационных требований.

Профессиональные качества сотрудников уголовно-исполнительной системы оцениваются сквозь призму обнаруживаемых ими профессиональных компетенций. Для руководящих должностей особенно значимы управленческие навыки, необходимые для организации работы подчиненных сотрудников, а также контроля исполнения поставленных задач и выполненных поручений. В отношении всего личного состава уголовно-исполнительной системы независимо от занимаемой должности важна оценка профессиональных и личностных прикладных умений, связанных с подготовкой служебных документов, профессиональным саморазвитием, ответственностью, соблюдением служебной дисциплины и нравственно-этических требований при выполнении возложенных обязанностей.

Оценка эффективности и результативности профессиональной деятельности служащих напрямую зависит от целей и задач, которые поставлены перед органом или учреждением уголовно-исполнительной системы. Здесь во внимание должны приниматься способности сотрудника к выполнению поставленных задач в установленные сроки, к рациональному распределению объема порученных работ с использованием планирования своей профессиональной деятельности, к решению сложных, неординарных задач с применением современных информационно-коммуникационных технологий, отсутствие замечаний со стороны вышестоящих должностных лиц, а также жалоб осужденных, граждан в отношении оцениваемого.

При оценке профессиональных качеств сотрудников, а также эффективности и результативности их деятельности можно ис-

пользовать активные методики: групповые дискуссии, кейс-технологии, анализ и решение казусов, ситуационных рабочих задач, проектные работы и др.

Правовое оформление организации проведения комплексной оценки в органе и учреждении уголовно-исполнительной системы должно осуществляться приказом руководителя, в котором определяются: период проведения очередной комплексной оценки; список оцениваемых служащих; список экспертов, привлекаемых для проведения процедур комплексной оценки; график проведения процедур комплексной

оценки с указанием используемых методов оценки.

Контрольным органом, обеспечивающим соблюдение требований к порядку проведения процедур комплексной оценки в органе и учреждении уголовно-исполнительной системы, должна стать оценочная комиссия. Приказом руководителя утверждается ее состав, в обязательном порядке включающий независимых экспертов, способных обеспечить объективность результатов комплексной оценки профессиональной деятельности служащих. Далее приводится подготовленный нами проект такого приказа.

Проект¹

ПРИКАЗ

(Наименование государственного органа, учреждения)

О создании комиссии по проведению комплексной оценки профессиональной служебной деятельности государственных служащих (оценочной комиссии)

(Наименование государственного органа, учреждения)

от _____ № _____

В соответствии с Федеральным законом от 19.07.2018 № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации “Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы”», Положением о проведении комплексной оценки государственных служащих в _____ (наименование государственного органа, учреждения), утвержденным _____ (наименование правового акта государственного органа, учреждения), в целях контроля за соблюдением требований к порядку проведения процедур комплексной оценки профессиональной служебной деятельности служащих и достоверности полученных результатов

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Создать комиссию (наименование государственного органа, учреждения) по проведению комплексной оценки профессиональной служебной деятельности служащих (далее — оценочная комиссия).

2. Включить в состав оценочной комиссии:

- председатель оценочной комиссии — Ф. И. О.,
- секретарь оценочной комиссии — Ф. И. О.,
- члены оценочной комиссии — Ф. И. О., Ф. И. О., Ф. И. О.

3. _____ (наименование кадровой службы государственного органа, учреждения) ознакомить оцениваемых служащих, экспертов, руководителей структурных подразделений, членов оценочной комиссии с настоящим приказом не позднее _____ (указать дату).

Основные полномочия по организации комплексной оценки должны быть возложены на кадровую службу органа или учреждения уголовно-исполнительной системы. Это предполагает обеспечение

правового сопровождения проведения процедур оценки на всех ее этапах. Необходимо составить план ее осуществления, проект которого предлагается нами далее:

¹ Подготовлен автором.

Правовой документ	Подготовка	Согласование в соответствии с правилами, принятыми в государственном органе (учреждении)	Утверждение	Ознакомление	Рекомендуемый срок
Приказ об оценочной комиссии	Кадровая служба	Заместитель руководителя государственного органа (учреждения), курирующий кадровую службу	Руководитель государственного органа (учреждения)	Кадровая служба	Не позднее 1 февраля текущего года
Приказ о проведении очередной комплексной оценки	Кадровая служба	Заместитель руководителя государственного органа (учреждения), курирующий кадровую службу	Руководитель государственного органа (учреждения)	Кадровая служба	
Сводный отчет о результатах очередной комплексной оценки профессиональной служебной деятельности гражданских служащих	Кадровая служба	Заместитель руководителя государственного органа (учреждения), курирующий кадровую службу	Руководитель государственного органа (учреждения)	Кадровая служба	До 15 марта

Основные полномочия кадровой службы включают информационное, документационное и консультационное сопровождение оценочных процедур; контроль соблюдения утвержденных правил и графика проведения комплексной оценки участниками оценочных мероприятий; оформление результатов комплексной оценки; подготовку всех необходимых отчетных материалов.

Внедрение современных кадровых технологий в органах и учреждениях уголовно-исполнительной системы направлено на формирование высокопрофессионального

и стабильного личного состава, способного эффективно решать служебные задачи. Комплексная оценка предполагает более широкий взгляд на комплектование уголовно-исполнительной системы компетентными кадрами, отвечающими современным требованиям и запросам. Умело организованная оценка государственных служащих может способствовать повышению качества профессиональной служебной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы, а также снижению количества имеющихся недостатков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственная служба: комплексный подход : учебник / ответственный редактор А. В. Оболонский. – Москва : Дело, 2009. – 511 с. – ISBN 978-5-7749-0539-3.
2. **Зыбина, П. М.** Наставничество как современная кадровая технология на государственной гражданской службе : монография / П. М. Зыбина. – Москва : КноРус, 2019. – 68 с. – ISBN 978-5-4365-3535-7.
3. **Каляшин, А. В.** Государственная служба в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: теория и практика развития : монография / А. В. Каляшин. – Москва : РИОР : ИНФРА-М, 2016. – 98 с. – ISBN 978-5-369-01588-9.
4. **Савушкин, С. М.** Организационно-правовые основы государственной службы в уголовно-исполнительной системе : монография / С. М. Савушкин. – Новокузнецк : Кузбасский ин-т ФСИН России, 2016. – 96 с. – ISBN 978-5-91246-069-2.
5. Современные кадровые технологии в органах власти : монография / под общей редакцией С. Е. Прокофьева, А. М. Беляева, С. Г. Еремина. – Москва : Юстицинформ, 2015. – 661 с. – ISBN 978-5-7205-1284-2.

REFERENCES

1. Obolonskij A. V. (red.) *Gosudarstvennaya sluzhba: kompleksnyj podhod* [Civil Service: An Integrated Approach]. Moscow, 2009. 511 p. (In Russ.).
2. Zybina P. M. *Nastavnichestvo kak sovremennaya kadrovaya tekhnologiya na gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhbe* [Mentoring as a modern personnel technology in the public service]. Moscow, 2019. 68 p. (In Russ.).
3. Kalyashin A. V. *Gosudarstvennaya sluzhba v uchrezhdeniyah i organah ugolovno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii: teoriya i praktika razvitiya* [Civil service in institutions and bodies of the penal system of the Russian Federation: theory and practice of development]. Moscow, 2016. 98 p. (In Russ.).
4. Savushkin S. M. *Organizacionno-pravovye osnovy gosudarstvennoj sluzhby v ugolovno-ispolnitel'noj sisteme* [The organizational and legal foundations of public service in the penal system]. Novokuznetsk, 2016. 96 p. (In Russ.).
5. Prokof'ev S. E., Belyaev A. M., Eremin S. G. (red.) *Sovremennye kadrovye tekhnologii v organah vlasti* [Modern personnel technologies in government]. Moscow, 2015. 661 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTORS

АННА ВИКТОРОВНА КОРЕПИНА – заведующий кафедрой административного и финансового права Северо-Западного института (филиала) Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Вологда, Российская Федерация, кандидат юридических наук, доцент. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5854-3492>, e-mail: anna.corepina@yandex.ru

ANNA V. KOREPINA – Head of the Department of Administrative and Financial Law of the North-West Institute (branch) of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSLA), Vologda, Russian Federation, PhD. in Law, Associate Professor. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5854-3492>, e-mail: anna.corepina@yandex.ru

DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-2-244-250

УДК 343.985.2

Получение явки с повинной сотрудниками территориальных оперативных подразделений ФСИН России по преступлениям, совершенным осужденными до прибытия в исправительные учреждения

Д. Ю. ВОЛКОВ

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8773-1321>, e-mail: hartman1@yandex.ru

Реферат. Одной из основных задач территориальных оперативных подразделений ФСИН России является раскрытие преступлений, совершенных осужденными до прибытия в исправительные учреждения. Данная деятельность осуществляется оперуполномоченными как в рамках повседневной деятельности, так и по поручениям в рамках реализации п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ.

Основными способами получения оперативно значимой информации для раскрытия данной категории преступлений будут являться сведения, полученные при реализации таких оперативно-розыскных мероприятий, как опрос, наведение справок, наблюдение и оперативное внедрение, а также использование агентурного метода. Полученная информация должна способствовать склонению лица к даче признательных показаний и написанию явки с повинной.

Явка с повинной может выступать в качестве как обстоятельства, смягчающего наказание, так и источника доказательств, как ее и воспринимает большая часть сотрудников территориальных оперативных подразделений ФСИН России.

Как правило, явка с повинной фиксируется оперуполномоченными в объеме краткого описания совершенного деяния со слов лица, дающего явку. Второй вариант фиксации представляет собой изложение информации оперуполномоченным после беседы с лицом, обратившимся с явкой с повинной. Третий вариант – максимально подробная фиксация информации, практически в объеме полноценного допроса.

Самым оптимальным вариантом получения явки с повинной представляется ситуация, когда явка с повинной написана осужденным самостоятельно, после обсуждения с оперуполномоченным наиболее существенных с точки зрения квалификации и доказывания обстоятельств.

Ключевые слова: явка с повинной; оперативно-розыскная деятельность; преступление прошлых лет; оперуполномоченный; раскрытие преступлений; расследование преступлений; предварительное расследование.

12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность

Для цитирования: Волков Д. Ю. Получение явки с повинной сотрудниками территориальных оперативных подразделений ФСИН России по преступлениям, совершенным осужденными до прибытия в исправительные учреждения. *Пенитенциарная наука*. 2020; 14(2):244–250. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-2-244-250.

Obtaining confession by employees of territorial operational units of the Federal Penal Service of Russia for crimes committed by convicts prior to arrival in correctional facilities

D. YU. VOLKOV

the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Vologda, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8773-1321>, e-mail: hartman1@yandex.ru

Abstract. One of the main tasks of the territorial operational units of the Federal Penal Service of Russia is the disclosure of crimes committed by convicts prior to arrival in correctional facilities. This activity is carried out by operative officers both in the framework of daily activities, and on behalf of within the framework of the implementation of Clause 4, Part 2 of Art. 38 Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

The main ways to obtain operationally relevant information for the disclosure of this category of crimes will be information obtained during the implementation of such operational-search measures as interrogation, inquiry, monitoring and operational implementation, as well as the use of the undercover method. The information received should help induce a person to give a confession and write a confession.

A confession can act as a circumstance mitigating punishment as well as a source of evidence, as it is perceived by most of the employees of the territorial operational units of the FPS of Russia.

As a rule a confession is recorded by the detectives in the scope of a brief description of the act committed in the words of the person giving the appearance. The second fixation option is a statement of information by a detective after a conversation with a person who has filed a confession. The third option is the most detailed recording of information, almost in the volume of a full interrogation.

The most optimal option for obtaining a confession is the situation when the confession was written by the convict on his own after discussing with the operative the most significant circumstances in terms of qualification and proving.

Key words: confession; operational investigative activities; crime of past years; operative officer; disclosure of crimes; investigation of crimes; preliminary investigation

12.00.12 – Forensics; forensic activity; operational investigation

For citation: Volkov D. Yu. Obtaining confession by employees of territorial operational units of the Federal Penal Service of Russia for crimes committed by convicts prior to arrival in correctional facilities. *Penitenciarnaya nauka = Penitentiary Science*. 2020; 14(2):244–250. (In Russ.). DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-2-244-250.

Одной из задач, предусмотренных ст. 84 УИК РФ «Оперативно-розыскная деятельность в исправительных учреждениях», является содействие в выявлении и раскрытии преступлений, совершенных осужденными до прибытия в исправительное учреждение. Причин, по которым данные преступления не были выявлены и раскрыты своевременно, может быть несколько. Так, например, само событие преступления до определенного времени не было установлено, то есть о его совершении стало известно лишь после того, как лицо, его совершившее, было направлено для отбытия наказания в исправительное учреждение, или лицо самостоятельно сообщило о содеянном преступлении. Вторая распространенная ситуация – когда лицо, отбывающее наказание в виде лишения свободы, ранее проходило свиде-

телем по делу, и у органов предварительного расследования не хватало достаточных доказательств для привлечения лица к уголовной ответственности.

В данных случаях основанием для работы территориальных оперативных подразделений исправительных учреждений ФСИН России является их повседневная деятельность, в которую входит обязанность по раскрытию преступлений, совершенных осужденными до прибытия в колонию, а также работа по поручениям, осуществляемая в соответствии с п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ.

Территориальные оперативные подразделения проводят оперативно-розыскные мероприятия, направленные на получение значимой информации. В рамках исследования был проведен опрос 41 оперуполномоченного исправительных учреждений

УФСИН России по Архангельской, Вологодской и Ярославской областям в период с 2018 по 2019 г. Как показали результаты анкетирования, в условиях изоляции наиболее эффективными оперативно-розыскными мероприятиями являются опрос, наведение справок, наблюдение и оперативное внедрение, а также использование агентурного метода.

В рамках опроса основные беседы проводятся с осужденным, совершившим преступление, с целью склонения его к даче признательных показаний и написания явки с повинной, а также с окружением проверяемого лица и лицами, оказывающими негласное содействие.

По нашему мнению, наиболее эффективными в части получения оперативно значимой информации являются оперативное внедрение и использование агентурного метода получения информации, так как зачастую лица, отбывающие наказание, могут делиться в среде осужденных преступным опытом, хвастаться совершенными противоправными деяниями, за которые не были привлечены к уголовной ответственности.

Полученная информация должна быть проверена путем наведения справок и обращения в архивно-регистрационный фонд территориального органа ФСИН России, а также в информационный центр и подразделения оперативно-розыскной информации МВД России, где может содержаться информация о нераскрытом преступлении или прохождении лица по уголовному делу в статусе свидетеля, а также данные об объекте, полученные в ходе оперативно-розыскной деятельности. По мнению В. Ф. Луговикова, проверка такой информации также важна для исключения самооговора и возможности неправомерного привлечения к уголовной ответственности невиновных [7, с. 36].

В то же время оптимальным может являться вариант проверки поступившей информации путем обращения в оперативные подразделения МВД России в непроцессуальной форме. Сотрудники данных подразделений могут обладать полной информацией о совершенном преступлении, его обстоятельствах, доказательственной базе, поведении лица в ходе предварительного расследования (если ранее лицо, совершившее преступление, имело процессуальный статус свидетеля) и т. д. Непроцессуальный порядок взаимодействия будет также эффективен и при исполнении поступившего поручения.

В последующем указанная информация должна быть оптимально использована при склонении лица, совершившего преступление до прибытия в ИУ, к написанию явки с повинной и даче признательных показаний.

Основными путями склонения лица к указанным действиям будут являться: использование психологических приемов и предъявление неопровержимых доказательств виновности лица в содеянном преступлении. И. А. Абрамов в качестве наиболее эффективных приемов выделяет убеждение или внушение [1, с. 9]. Недопустимыми будут приемы, связанные с физическим или психическим принуждением.

Говоря о значении явки с повинной, следует констатировать, что она выступает эффективным средством раскрытия преступления, позволяет быстро и правильно определить основные направления расследования и конкретные способы установления обстоятельств совершенного преступления [4, с. 4].

Статья 142 УПК РФ определяет явку с повинной как добровольное сообщение лица о совершенном им преступлении и указывает, что заявление о явке с повинной может быть сделано как в письменном, так и в устном виде. В случае получения заявления в устной форме оно в соответствии с приказом Минюста России от 11.07.2006 № 250 «Об утверждении Инструкции о приеме, регистрации и проверке в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы сообщений о преступлениях и происшествиях» фиксируется в соответствующем протоколе. Протокольной формы фиксации также придерживаются авторы статьи «Оперативно-розыскное документирование, легализация результатов оперативно-розыскной деятельности, тактика приема явки с повинной в следственном изоляторе», которые отмечают, что «следует исходить из тактического преимущества протокольной формы фиксации, predeterminedенной положениями статьи 166 УПК РФ», так как именно протоколирование позволяет наиболее полно воспользоваться основными методами фиксации из числа общенаучных методов познания (измерением, описанием и моделированием) [6, с. 19].

Кроме того, явка с повинной может быть оформлена заявлением или протоколом опроса.

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»

в свою очередь предъявляет к явке с повинной такие требования, как добровольность заявления (сообщения) о преступлении, наличие сведений о совершенном лицом или с его участием преступлении.

Отсутствие одного из перечисленных признаков исключает явку с повинной как обстоятельство, смягчающее наказание. Так, не будет явки с повинной в случае, если сообщение о преступлении было сделано лицом после его задержания, а органы следствия располагали сведениями о совершенном преступлении [2, с. 6].

Если исходить из указанных обстоятельств, то можно сделать вывод, что значительная часть явок с повинной, полученных в условиях исправительных учреждений, не может являться обстоятельствами, смягчающими вину, так как явки берутся уже после того, как стали известны основные обстоятельства совершенного преступления, а в отдельных случаях появляется конкретная информация о причастности осужденного к ранее совершенному преступлению.

Ситуации, когда осужденный добровольно сообщает о преступлении, совершенном до прибытия в колонию, обстоятельства которого не известны, встречаются крайне редко (например, когда осужденный к пожизненному лишению свободы пишет явку с повинной с целью «смены обстановки» – возможности быть этапированным по месту совершения преступлений, участия в следственных действиях и т. д.).

Как показали результаты опроса, все респонденты при получении явки с повинной воспринимают ее не с точки зрения обстоятельства, смягчающего наказание, а в качестве источника доказательств.

Подтверждает данную позицию и А. И. Паничева, которая отмечает, что сотрудники правоохранительных органов почти всегда предлагают оформить явку с повинной, тем самым они несколько искажают закон. Они этим никому не вредят – получают признание, а дальше исходят из того, что суд разберется [8].

Явка с повинной как доказательство нашла свое отражение в вышеуказанном постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации, где говорится, что если сообщение лица о совершенном с его участием преступлении в совокупности с другими доказательствами положено судом в основу обвинительного приговора, то данное сообщение может рассматриваться как явка с повинной и в том случае, когда лицо в ходе предварительного расследования

или в судебном заседании изменило свои показания. В этом же постановлении указывается, что сообщение лица, задержанного по подозрению в совершении конкретного преступления, об иных совершенных им преступлениях, неизвестных органам уголовного преследования, следует признавать как явку с повинной и учитывать при назначении наказания при осуждении за эти преступления. Указанное толкование суда, по сути, приравнивает явку с повинной к показаниям подозреваемого и обвиняемого, но при этом предъявляет к ней менее строгие требования.

Конкретные процессуальные требования к явке с повинной предусмотрены только в случае, когда она выступает поводом для возбуждения уголовного дела: устное заявление фиксируется в протокол, который подписывается заявителем и сотрудником, принявшим данное заявление. В протоколе должны быть зафиксированы данные о заявителе, а также о документах, удостоверяющих его личность. В последующем заполненный бланк подписывается заявителем. Других требований к данному процессуальному документу закон не предъявляет [2, с. 6].

Отдельно можно отметить, что нормы действующего уголовно-процессуального законодательства не обязывают сотрудников, принявших явку с повинной, разъяснять обратившемуся положения ст. 51 Конституции Российской Федерации, поэтому оснований для признания данного протокола недопустимым доказательством в связи с отсутствием сведений о разъяснении подозреваемому данных положений Основного закона не имеется. Тем не менее В. Ф. Васюков указывает, что такая отметка в протоколе явки с повинной не будет являться излишней, так как может придать наиболее объективный характер формализованному признанию в содеянном преступном деянии [5, с. 20–21].

В условиях исправительного учреждения явка с повинной, как правило, оформляется оперуполномоченным со слов осужденного, в ряде случаев пишется осужденным самостоятельно и в произвольной форме.

Единого подхода и требований к содержательной стороне явки с повинной на нормативном уровне не предусмотрено. Сотрудники, принимающие явку с повинной, при ее фиксации исходят из своего опыта, навыков изложения получаемой информации.

Так, 53 % опрошенных сотрудников ограничиваются кратким описанием совершен-

ного деяния со слов лица, дающего явку, 36 % после беседы с заявителем излагают явку своими словами, 11 % фиксируют явку с повинной в размерах полноценного допроса подозреваемого.

У каждого из данных способов есть свои преимущества и недостатки. Рассмотрим их подробнее.

Первая ситуация. Сотрудники, как правило, абстрагируются от подробных обстоятельств совершенного преступления, так как понимают, что в дальнейшем они будут выяснены в рамках предварительного расследования. Оперуполномоченные ограничиваются кратким изложением обстоятельств содеянного. Такие явки с повинной выглядят следующим образом: «Я, Иванов Иван Иванович, 25 марта 2019 г., находясь по адресу... совершил убийство. Виновным себя признаю». Главная опасность такой явки с повинной заключается в том, что у заявителя сохраняется широкое поле для маневра, для последующего выдвижения еще ряд версий содеянного, в том числе попытки перейти и на необходимую оборону, причинение смерти по неосторожности и т. д. Причин для изменения показаний может быть много, начиная от подавленного настроения и желания повидаться с родными после этапирования в СИЗО и заканчивая беседой с адвокатом или сокамерниками, которые могут переубедить заявителя брать на себя ответственность за совершение особо тяжкого преступления.

Против краткости в изложении явки с повинной выступает и Н. В. Арсенова, которая указывает, что при получении заявления лицо должно наиболее подробно зафиксировать все обстоятельства. Обычная констатация факта совершения преступления не может рассматриваться как явка с повинной, так как при отсутствии подробностей происшедшего довольно сложно проверить достоверность сделанного заявления, и, как следствие, такое заявление не может в дальнейшем оказаться доказательством по уголовному делу даже при надлежащем процессуальном оформлении [3, с. 107].

Вторая ситуация. Явка с повинной фиксируется оперуполномоченным самостоятельно после предварительной беседы с заявителем. Так, дословно фиксируемая со слов осужденного информация может не содержать в себе необходимых признаков состава преступления (субъект, объект, субъективная, объективная стороны), так как заявитель, как правило, не знаком с данными элементами и излагает информацию со-

гласно своему представлению о содеянном. Кроме того, давая собственную оценку содеянному, последний может заблуждаться в характере своих действий, указав на совершение убийства вместо причинения смерти по неосторожности, превышения пределов необходимой обороны, причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего смерть потерпевшего. Фиксация информации в таком формате может создать дополнительные вопросы у органов предварительного расследования, связанные с необходимостью устранения противоречий между явкой и фактическими обстоятельствами совершенного противоправного деяния.

Третья ситуация. Явка с повинной фиксируется в объеме полноценного допроса подозреваемого (обвиняемого). Такой подход в ряде случаев обусловлен устными (неофициальными) требованиями местных органов прокуратуры. В рамках такого заявления фиксируется вся информация, в том числе характеристика личности подозреваемого (образование, военная служба, судимости, учет в нарко-, психдиспансере, наличие травм головы и т. д.), обстоятельства, предшествующие совершенному преступлению, максимально детализированные обстоятельства совершенного преступления, в том числе наличие очевидцев, лиц, которые могут подтвердить те или иные сведения относительно описанных обстоятельств, их координаты и т. д. Такие явки с повинной могут занимать несколько страниц формата А4.

Данный подход представляется крайне спорным. Положительной его стороной будет максимально подробное изложение обстоятельств совершенного преступления, что делает бессмысленным отказ заявителя от явки с повинной, так как последний осознает, что изложенные обстоятельства будут сложно опровергнуть. В то же время встает вопрос о добровольности данной явки по причине того, что человек, не имеющий представления о процедуре доказывания по уголовным делам, не сможет в таком объеме и так стройно и подробно изложить обстоятельства содеянного преступления. Необходимо исходить из того, что человек, давший явку с повинной, самостоятельно в суде сможет изложить обстоятельства, отраженные в заявлении. В случае такой детализации мало кто из заявителей сможет воспроизвести данную информацию близко к тексту. На основании чего можно предположить, что явка могла быть дана под давлением или продиктована сотрудниками

правоохранительных органов. Кроме того, подобное детализированное изложение материала будет затруднять последующие допросы в качестве подозреваемого и обвиняемого, так как следователю (дознавателю) придется повторно излагать информацию, отображенную в явке с повинной. При этом недопустимо дословное воспроизведение явки с повинной, так как человеку не свойственно воспроизводить одну и ту же информацию точь-в-точь, что опять же ставит под сомнение объективность получения показаний.

Вышеуказанные ситуации говорят о необходимости выработки более оптимального подхода к фиксации рассматриваемого заявления.

Так, перед получением явки с повинной оперуполномоченному следует провести с заявителем беседу, в ходе которой необходимо выяснить значимые для квалификации и процедуры доказывания обстоятельства, после чего зафиксировать информацию о совершенном деянии максимально близко к сказанному.

С доказательственной точки зрения оптимальной будет являться явка с повинной, в которой будут подробно изложены все четыре элемента состава совершенного преступления. Оперуполномоченный должен зафиксировать дату, время, место совершенного преступления, на кого или на что было направлено преступное деяние, умысел на совершение преступления (или отсутствие такового), максимально подробно отобразить способ и механизм совершения преступления, чтобы с учетом заявленной информации обратившийся осознавал бессмысленность последующего отказа от нее, не стремился к искажению содеянного.

Так, с учетом данных рекомендаций явка может выглядеть следующим образом: «Я, Иванов Иван Иванович, 25 марта 2019 г. по адресу... в ходе распития спиртных напитков с гр. Петровым Петром Петровичем по причине личной неприязни, вызванной оскорблениями с свой адрес со стороны гр. Петрова П. П., взяв кухонный нож (описание: рукоятка... лезвие...), лежавший на обеденном столе, нанес последнему три удара ножом в шею, сердце, надеясь тем самым убить Петрова П. П. В момент нанесения ударов нож держал лезвием вниз/вверх, лезвием к себе/от себя, удары наносил сверху вниз, слева направо и т. д. Петров В. В. сопротивление оказывал/не оказывал (если оказывал, то каким образом – количество и направление ударов, их последствия). Оче-

видцами (свидетелями) указанных событий были... Виновным себя в убийстве гр. Петрова П. П. признаю, в содеянном раскаиваюсь».

Во избежание последующих попыток трактовать свои действия как необходимую оборону или ее превышение необходимо зафиксировать моменты, связанные с действиями погибшего – противоправные действия, высказывание угроз, причинение вреда здоровью заявителя. Если были причинены какие-либо телесные повреждения, необходимо подробно описать, от каких действий погибшего они наступили, каков был их характер, обращался ли куда-либо заявитель за медицинской помощью, кто был очевидцем полученных травм и т. д. Кроме того, следует избегать значительного использования юридических терминов, которые не свойственны для речи большинства граждан.

Тем не менее самым оптимальным вариантом получения явки с повинной будет ситуация, когда заявление написано осужденным самостоятельно. Оперуполномоченному следует предварительно обсудить наиболее существенные с точки зрения квалификации и доказывания обстоятельства и попросить их изложить самостоятельно. Данный вариант предусматривает добровольность и условно говорит об отсутствии давления со стороны сотрудников колонии.

Таким образом, следует констатировать, что явки с повинной, полученные от осужденных по преступлениям, совершенным до попадания в места лишения свободы, имеют важное доказательственное значение при расследовании уголовных дел, а информация, отображенная в них, может стать ориентирующей для всего предварительного расследования. Данное обстоятельство обуславливает необходимость ответственного подхода к их получению сотрудниками территориальных оперативных подразделений исправительных учреждений ФСИН России.

Так, сотрудник оперативного отдела перед непосредственным получением явки с повинной должен установить психологический контакт с заявителем, разъяснить нормы уголовно-процессуального законодательства, регламентирующие ее правовую сущность. После этого следует составить беседу с осужденным относительно обстоятельств совершенного им преступления, в рамках которой необходимо проговорить все элементы состава преступления, выяснить необходимые обстоятельства – время, место, способ его совершения, описать орудие преступления (в случае его использова-

ния), механизм причинения вреда потерпевшему, причины своего деяния и отношение к содеянному. Кроме того, следует выяснить, были ли свидетели совершаемого преступления, если были соучастники, то роль каждого из них, их действия при совершении преступления и т. д.

Оптимальным будет вариант, когда заявитель собственноручно изложит данную информацию в явке с повинной. Тем не менее допустимым будет являться и вариант изло-

жения случившегося оперуполномоченным со слов заявителя. В таком случае манера изложения информации должна быть максимально близка к сказанному, чтобы заявитель мог в свободной форме изложить ее при проведении других следственных действий и рассмотрении дела в суде. Во избежание вопросов, связанных с оказанием давления на заявителя, не рекомендуются использовать в большом объеме юридическую лексику.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Абрамов, И. А.** Отдельные аспекты организации работы оперативных подразделений по явке с повинной в исправительных учреждениях УИС / И. А. Абрамов // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. – 2019. – № 1. – С. 9–16.
2. **Арсенова, Н. В.** К вопросу о процессуальном оформлении явки с повинной / Н. В. Арсенова // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. – 2016. – № 1 (30). – С. 6–8.
3. **Арсенова, Н. В.** Признание вины, полученное при проверке сообщения о преступлении, как доказательство по уголовному делу / Н. В. Арсенова // Алтайский юридический вестник. – 2018. – № 4. – С. 105–110.
4. **Бирюков, А. В.** Сущность, процессуальные формы и правовые последствия явки с повинной : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Бирюков Андрей Владимирович. – Москва, 2000. – 192 с.
5. **Васюков, В. Ф.** Явка с повинной как повод для возбуждения уголовного дела / В. Ф. Васюков // Наука и практика. – 2015. – № 3. – С. 19–22.
6. **Гельдибаев, М. Х.** Использование результатов оперативно-разыскного документирования с оформлением их в качестве явки с повинной / М. Х. Гельдибаев, М. В. Молдавский, С. М. Прокофьева // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2012. – № 3 (29). – С. 17–21.
7. **Луговик, В. Ф.** Склонение подозреваемых к даче правдивых показаний / В. Ф. Луговик, В. В. Важенин, В. Н. Софронов, С. В. Баженов // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2016. – Вып. 14. – С. 13–19.
8. **Орлов, П.** Неявка с повинной / П. Орлов // Российская газета. – 2011. – 26 апреля.

REFERENCES

1. Abramov I. A. Otdel'nye aspekty organizacii raboty operativnykh podrazdelenij po yavke s povinnoj v ispravitel'nyh uchrezhdeniyah UIS [Certain aspects of the organization of work of operational units for confession in correctional facilities of the penal system]. *Vestnik Tomskogo instituta povysheniya kvalifikacii rabotnikov FSIN Rossii – Bulletin of the Tomsk Institute for Advanced Studies of Employees of the Federal Penal Service of Russia*, 2019, no. 1, pp. 9–16. (In Russ.).
2. Arsenova N. V. K voprosu o processual'nom oformlenii yavki s povinnoj [On the issue of procedural registration of confession]. *Vestnik Barnaul'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii – Bulletin of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2016, no. 1 (30), pp. 6–8. (In Russ.).
3. Arsenova N. V. Priznanie viny, poluchennoe pri proverke soobshcheniya o prestuplenii, kak dokazatel'stvo po ugovornomu delu [Confession of guilt obtained during verification of a crime report as evidence in a criminal case]. *Altajskij yuridicheskij vestnik – Altai Legal Bulletin*, 2018, no. 4, pp. 105–110. (In Russ.).
4. Biryukov A. V. *Sushchnost', processual'nye formy i pravovye posledstviya yavki s povinnoj. Diss. kand. jurid. nauk* [The essence, procedural forms and legal consequences of confession. Diss. PhD. in Law]. Moscow, 2000. 192 p. (In Russ.).
5. Vasjukov V. F. Yavka s povinnoj kak povod dlya vozbuzhdeniya ugovornogo dela [Confession as a reason to institute criminal proceedings]. *Nauka i praktika – Science and practice*, 2015, no. 3, pp. 19–22. (In Russ.).
6. Gel'dibaev M. H., Moldavskij M. V., Prokof'eva S. M. Ispol'zovanie rezul'tatov operativno-razysknogo dokumentirovaniya s oformleniem ih v kachestve yavki s povinnoj [Using the results of operational search documentation with their registration as a confession]. *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii – Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2012, no. 3 (29), pp. 17–21. (In Russ.).
7. Lugovik V. F., Vazhenin V. V., Sofronov V. N., Bazhenov S. V. Sklonenie podozrevaemyh k dache pravdivyh pokazanij [Inclusion of suspects for truthful testimony]. *Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah – Psychopedagogy in law enforcement*, 2016, iss. 14, pp. 13–19. (In Russ.).
8. Orlov P. Neyavka s povinnoj [Non confession]. *Rossijskaya gazeta – Russian newspaper*, 2011, 26 April. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTORS

ДМИТРИЙ ЮРЬЕВИЧ ВОЛКОВ – старший преподаватель кафедры уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8773-1321>, e-mail: hartman1@yandex.ru

DMITRIJ YU. VOLKOV – Senior Lecturer of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and the Investigation of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Vologda, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8773-1321>, e-mail: hartman1@yandex.ru

Административная деятельность органов и учреждений уголовно-исполнительной системы: понятие, сущность и содержание

Р. В. НАГОРНЫХ

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4765-8550>, e-mail: nagornikh-vipe@mail.ru

Реферат. Статья посвящена проблемам определения понятия и содержания административной деятельности органов и учреждений УИС, ее места в механизме административно-правового регулирования государственного управления в сфере исполнения уголовных наказаний, уяснения особенностей административной деятельности УИС.

Механизм административно-правового регулирования государственного управления в сфере исполнения уголовных наказаний представляет собой совокупность норм административного права и процесса, а также других административно-правовых средств, регулирующих общественные отношения в данной области государственного управления.

Административная деятельность УИС непосредственно связана с механизмом административно-правового регулирования в сфере исполнения уголовных наказаний и направлена на решение практических задач в области организации деятельности УИС.

В содержание административной деятельности УИС входят такие направления, как административно-управленческое, административно-юрисдикционное и административно-юстиционное.

Административно-управленческая деятельность УИС рассматривается как совокупность взаимосвязанных административно-правовых процессов и процедур, последовательное выполнение которых обеспечивает осуществление административно-правового управления в УИС.

В свою очередь административно-юрисдикционная деятельность УИС представляет собой правоохранительную деятельность органов и учреждений УИС по выявлению (пресечению), расследованию и рассмотрению дел об административных правонарушениях и дисциплинарных проступках сотрудников УИС и принятие по ним решений в установленных законом формах и определенном порядке.

Административно-юстиционная деятельность УИС в теоретическом аспекте может рассматриваться как деятельность органов и учреждений УИС и их должностных лиц в области защиты прав и свобод личности от любых форм административного произвола в сфере исполнения уголовных наказаний, связанная с применением различных административно-правовых средств внесудебной (административно-правовой) и судебной защиты.

Административная деятельность УИС является важнейшим направлением совершенствования государственного управления в сфере исполнения уголовных наказаний, а также мощным ресурсом повышения эффективности деятельности органов и учреждений УИС в области поддержания законности и правопорядка

Ключевые слова: государственное управление; административно-правовое регулирование; административная деятельность; исполнение уголовных наказаний; уголовно-исполнительная система.

12.00.14 – Административное право; административный процесс

Для цитирования: Нагорных Р. В. Административная деятельность органов и учреждений уголовно-исполнительной системы: понятие, сущность и содержание. *Пенитенциарная наука*. 2020; 14(2):251–258. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-2-251-258.

Administrative activity of bodies and institutions of the penal system: concept, nature and content

R. V. NAGORNYKH

the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Vologda, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4765-8550>, e-mail: nagornikh-vipe@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the problems of defining the concept and content of administrative activity of bodies and institutions of the penal system, its place in the mechanism of administrative and legal regulation of public administration in the field of criminal penalties, clarification of the peculiarities of administrative activity of penal system.

The mechanism of administrative and legal regulation of public administration in the field of the execution of criminal penalties is a body of norms of administrative law and process, as well as other administrative and legal means regulating public relations in this area of public administration.

The administrative activity of the penal system is directly related to the mechanism of administrative and legal regulation in the field of the execution of criminal penalties and is aimed at solving practical problems in the organization of the penal system.

The content of the administrative activity of the penal system includes such areas as administrative-managerial, administrative-jurisdictional and administrative-judicial.

Administrative-managerial activity of the penal system are considered as a body of interconnected administrative and legal processes and procedures, the consistent implementation of which ensures the implementation of administrative and legal management in the penal system.

In its turn the administrative-jurisdictional activity of the penal system is the law enforcement activity of the organs and institutions of the penal system to identify (suppress), investigate and consider cases of administrative offenses and disciplinary offenses of penal system employees and to take decisions on them in the forms established by law and in a specific order.

The administrative-judicial activity of the penal system in theoretical terms can be considered as the activity of the organs and institutions of the penal system and their officials in the field of protecting the rights and freedoms of the individual from any form of administrative arbitrariness in the field of criminal penalties, associated with the use of various administrative and legal means of extrajudicial (legal) and judicial protection.

The administrative activity of the penal system is the most important direction for improving public administration in the field of the enforcement of criminal penalties as well as a powerful resource for improving the efficiency of the organs and institutions of the penal system in the field of maintaining law and order.

Key words: public administration; administrative regulation; administrative activity; execution of criminal sentences; penal system.

12.00.14 – Administrative law; administrative process

For citation: Nagornyx R. V. Administrative activity of bodies and institutions of the penal system: concept, nature and content. *Penitenciarnaya nauka = Penitentiary Science*. 2020; 14(2):251–258. (In Russ.). DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-2-251-258.

В течение последних двух десятилетий теория и практика административно-правового регулирования была связана с проведением комплексной модернизации различных областей и сфер государственного управления [15]. Одним из важнейших направлений совершенствования государственного управления отраслевого характера явилось управление в сфере исполнения уголовных наказаний, которое обеспечивается соответствующим административно-правовым регулированием. Совокупность различных административно-правовых

средств, используемых в регулировании общественных отношений государственного управления в сфере исполнения наказаний, образует специфический административно-правовой механизм.

В теоретическом плане механизм административно-правового регулирования исследован достаточно подробно. Под ним понимают «нормы административного права и другие административно-правовые средства, при помощи которых осуществляется административно-правовое регулирование общественных отношений» [7, с. 36]. Тако-

го рода механизм имеет общие признаки и отраслевые отличия, обусловленные спецификой его применения в конкретной области или сфере государственного управления [4]. Определенными особенностями обладает и механизм административно-правового регулирования государственного управления в сфере исполнения уголовных наказаний. Эти особенности обусловлены значительным влиянием норм уголовного и уголовно-исполнительного права на большинство правоотношений, существующих в сфере исполнения уголовных наказаний, в том числе и на общественные отношения, возникающие в процессе государственного управления органами и учреждениями УИС.

Термины «механизм административно-правового регулирования» и «административная деятельность» не тождественны друг другу и, несмотря на определенную схожесть, имеют разные смысловое значение, содержание и объем. Механизм административно-правового регулирования государственного управления в сфере исполнения уголовных наказаний представляет собой совокупность норм административного права и процесса, а также других административно-правовых средств, регулирующих общественные отношения в данной области государственного управления. В свою очередь административная деятельность УИС непосредственно связана с механизмом административно-правового регулирования в сфере исполнения уголовных наказаний и направлена на решение практических задач в области организации деятельности УИС, то есть связана с применением в деятельности органов и учреждений, исполняющих уголовные наказания, норм административного права и процесса.

Разграничение механизма административно-правового регулирования и административной деятельностью УИС неочевидно. Это обусловлено тем, что правовые акты управления, юридические факты, субъективные права и обязанности субъектов правоотношений, которые в теории права рассматриваются в качестве основных элементов механизма правового регулирования [2, с. 33, 34], безусловно, накладывают отпечаток и на соответствующий вид правоприменительной деятельности, то есть юридическую активность субъектов правоотношений в реализации принадлежащих им прав и обязанностей, что влечет наступление различных юридически значимых последствий. В рассматриваемом случае такой правоприменительной деятельно-

стью является административная деятельность УИС, которая определяется нормами и иными правовыми средствами механизма административно-правового регулирования государственного управления в сфере исполнения уголовных наказаний. Административная деятельность УИС является подсистемой государственного управления в сфере исполнения уголовных наказаний, характеризуемой более узким кругом субъектов этой деятельности (учреждения и органы УИС) и связанной с реализацией этими субъектами своих административных полномочий в сфере исполнения наказаний.

Исходя из современных научных представлений о сущности и содержании административно-правового регулирования государственного управления и необходимости его дальнейшей «процессуализации» путем всестороннего законодательного административно-процессуального обеспечения административной деятельности органов исполнительной власти [1, с. 8], возможно выделить три основные подсистемы административно-правового регулирования государственного управления в сфере исполнения уголовных наказаний: административно-управленческую (управленческую), административно-юрисдикционную (охранительную) и административно-юстиционную (правозащитную) [1, с. 13]. При этом все три подсистемы материального и процессуального административно-правового регулирования государственного управления в сфере исполнения уголовных наказаний находят свое практическое воплощение в административной деятельности УИС, что обуславливает наличие в ее структуре соответствующих подсистем административной деятельности. Таким образом, практическая реализации норм административного права и процесса в деятельности УИС достигается посредством особой разновидности правоприменительной деятельности, а именно административной деятельности УИС.

Административная деятельность присуща всем органам исполнительной власти и составляет основу их управленческой организационно-правовой деятельности [6, с. 15]. Административная деятельность УИС прежде всего есть правоприменительная подзаконная организационная исполнительно-распорядительная деятельность субъектов государственного управления, направленная на неукоснительное и строгое исполнение требований административно-правовых норм и правовых актов управления в сфере исполнения уголовных

наказаний, создание необходимых условий для применения норм уголовного и уголовно-исполнительного права.

Административную деятельность УИС довольно условно можно разделить на два взаимосвязанных блока общественных отношений, связанных с реализацией ее субъектами принадлежащих им полномочий: внешние (внесистемные) и внутриорганизационные (внутрисистемные) [10, с. 5], которые распадаются на отдельные функции (направления деятельности).

Содержание административной деятельности в УИС включает в себя соответственно административно-управленческую, административно-юрисдикционную и административно-юстиционную деятельность. В связи с этим вполне обоснованным представляется использование терминов «административно-правовое управление», «административная юрисдикция» и «административная юстиция» для классификации основных разновидностей административной деятельности в области государственного управления в сфере исполнения уголовных наказаний и управления в УИС в частности.

В настоящее время приоритетное место в административной деятельности УИС отводится административному управлению, которое в условиях постоянной демократизации общественной жизни и в целях искоренения административного произвола должно быть максимально процессуализировано и облачено в административно-процессуальную форму, то есть приведено в состояние демократического административно-правового управления, присущего правовому государству.

Административно-правовое управление УИС возможно рассматривать как совокупность взаимосвязанных административно-правовых процессов и процедур, последовательное выполнение которых и обеспечивает осуществление административно-правового управления в УИС. Каждый из таких процессов (процедур) предполагает реализацию определенных административно-управленческих функций, которые необходимо осуществить в ходе административно-правового управления.

Наиболее крупными административно-управленческими процессами, обеспечивающими осуществление общих универсальных функций административно-правового управления УИС, являются: информационно-аналитическая работа, подготовка и принятие управленческих решений, планиро-

вание, организация исполнения решений, регулирование и контроль исполнения. Названные процессы являются общесистемными и пронизывают всю материю административной деятельности УИС, определяют ее административно-правовую природу и сущность.

Основные функции (направления) административно-правового управления в сфере исполнения уголовных наказаний определены действующим законодательством и подзаконными нормативными правовыми актами.

В соответствии с положением о Федеральной службе исполнения наказаний к таким функциям относятся:

- контроль и надзор в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных;
- содержание лиц, подозреваемых либо обвиняемых в совершении преступлений, и подсудимых, находящихся под стражей, их охрана и конвоирование;
- контроль за поведением условно осужденных и осужденных, которым судом предоставлена отсрочка отбывания наказания;
- контроль за нахождением лиц, подозреваемых либо обвиняемых в совершении преступлений, в местах исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением ими наложенных судом запретов и (или) ограничений;
- иные правоприменительные функции.

К обеспечивающим (ресурсным) функциям административно-правового управления в УИС относятся такие вспомогательные направления административной деятельности, как кадровое, информационное, материально-техническое, финансовое, медицинское, социальное и иное обеспечение.

Важной отличительной особенностью реализации основных функций административно-управленческой деятельности УИС является то, что регулирующие ее нормы административного права связаны с нормами уголовно-исполнительного права и создают необходимые условия для их реализации. Разграничение действия норм административного и уголовно-исполнительного права в сфере исполнения уголовных наказаний затруднено спецификой правоохранительной деятельности данного вида, которая по своей юридической природе носит межотраслевой характер. В специальных исследованиях по данному вопросу отмечается, что административно-правовые нормы могут иметь прямое действие и непосредственно применяться в сфере испол-

нения уголовных наказаний, а в ряде случаев их действие может быть ограничено либо в полном объеме заменено нормами уголовно-исполнительного права [11; 15]. Подобное понимание проблемы в целом верно и не вызывает принципиальных возражений, поскольку применение норм уголовно-исполнительного права обусловлено не только действующим законодательством, но и является следствием судебного рассмотрения уголовных дел и вынесения по ним соответствующих процессуальных решений – обвинительных приговоров, то есть применение уголовно-исполнительных норм изначально санкционировано судебными решениями и производно от них. Так или иначе, в обоих случаях нормы административного права, являющиеся в правовом государстве основным средством регулирования общественных отношений в области государственного управления, должны рассматриваться как системообразующие и определяющие пределы применения норм уголовно-исполнительного права в конкретных управленческих правоотношениях в сфере исполнения уголовных наказаний.

Каждое направление деятельности (основное и обеспечивающее) подразумевает наличие управленческих организационных подсистем, которые представлены в виде конкретных служб и подразделений УИС (статическая подсистема) и практической профессиональной деятельности граждан, замещающих должности в этих службах и подразделениях по осуществлению принадлежащих им должностных полномочий (динамическая подсистема). Все они осуществляют определенные виды административно-управленческой деятельности и выступают в качестве основных либо вспомогательных (обеспечивающих) субъектов административно-управленческой деятельности УИС.

Значительное место в структуре административной деятельности УИС занимает административно-юрисдикционная деятельность, относительно содержания которой в научной литературе высказываются разнообразные точки зрения.

Одни авторы под административно-юрисдикционной деятельностью понимают разновидность правоохранительной деятельности органов государственного управления и других компетентных органов, охватывающей рассмотрение дел об административных правонарушениях (отдельных видах преступлений) и принятие решений по ним в установленных законом формах и определенном порядке [17, с. 45; 9, с. 83–89].

Другие рассматривают в более широком значении как разновидность правоохранительной деятельности, включающую помимо производства по делам об административных правонарушениях «производство по жалобам и согласительное производство» [3, с. 11] либо «разрешение административно-правовых конфликтов деликтного содержания и споров согласительного характера» [14, с. 14].

Оригинальная точка зрения по данному вопросу высказана О. В. Чекалиной, по мнению которой административно-юрисдикционная деятельность есть «процедурная деятельность органов (субъектов административной юрисдикции), осуществляемая в установленном порядке (судебном или внесудебном) с целью рассмотрения и разрешения административного конфликта, который может выступать в трех правовых формах: 1) административно-правовой спор; 2) административное правонарушение; 3) дисциплинарный проступок» [16, с. 12]. При этом автор рассматривает административно-правовой спор в качестве предмета административной юстиции, которая, по ее мнению, является лишь разновидностью административной юрисдикции [16, с. 21].

Максимально широкое понимание административно-юрисдикционной деятельности отражено в определении И. В. Пановой, которая рассматривает ее как разновидность административного процесса, являющуюся «нормативно установленной формой упорядочения правоприменительной деятельности юрисдикционного, принудительного характера широкого круга общих и специальных субъектов, а в предусмотренных законом административной юрисдикции и юрисдикционных актов, которая включает административное судопроизводство (административную юстицию) и процессуальную процедуру» [12, с. 136].

Вместе с тем следует обратить внимание на то, что административно-юрисдикционная деятельность в первую очередь связана с противодействием правонарушениям, которые не подпадают под признаки уголовно наказуемых деяний и не являются гражданско-правовыми деликтами [5, с. 296–303], то есть связана с выявлением, пресечением административных правонарушений и дисциплинарных проступков и, соответственно, привлечением к административной либо дисциплинарной ответственности лиц, виновных в их совершении. Включение же административных споров в предмет административно-юрисдикционной

деятельности вряд ли уместно, поскольку административные споры, в отличие от административных правонарушений и дисциплинарных проступков, имеют совершенно иную правовую природу и не обладают признаками противоправности, общественной вредности, виновности и наказуемости. В этой связи административно-правовые споры (конфликты) не могут рассматриваться в качестве части предмета административно-юрисдикционной деятельности, а должны найти свое место и соответствующее юридическое оформление в системе административно-юстиционных (судебных и квази-судебных) отношений.

В целом административно-юрисдикционную деятельность возможно понимать как разновидность правоохранительной деятельности органов государственной власти по выявлению (пресечению), расследованию и рассмотрению дел об административных правонарушениях и дисциплинарных проступков государственных и муниципальных служащих, а также ряда иных лиц (лиц, находящихся на лечении в стационарных лечебных учреждениях, обучающихся) и принятие по ним решений в установленных законом формах и определенном порядке. В свою очередь административно-юрисдикционная деятельность УИС есть разновидность административной деятельности УИС и представляет собой правоохранительную деятельность учреждений и органов УИС по выявлению (пресечению), расследованию и рассмотрению дел об административных правонарушениях и дисциплинарных проступках в сотрудников УИС и принятие по ним решений в установленных законом формах и определенном порядке.

Категории «административно-правовое управление» и «административно-юрисдикционная деятельность» при некоторых отличиях в толковании являются устоявшимися и широко используются в научной среде и в практической деятельности. Иначе обстоит дело с содержанием категории «административная юстиция» применительно к деятельности УИС и административной деятельности органов исполнительной власти. Обычно административная юстиция (от лат. *justitia* – справедливость, законность, *jus* – право) связана с системой судебной защиты прав и свобод личности от административного произвола и выходит за пределы непосредственной административной правоприменительной деятельности исполнительной власти. Этот подход получил широкое развитие в англо-американской

системе административного права, где значительное внимание уделяется средствам судебной защиты для проверки законности административных действий [18].

Следует обратить внимание на то, что правозащитная функция административного права исторически является первичной по отношению ко всем остальным. Благодаря ей в XIX в. в Западной Европе, а позднее и в Российской империи произошло обособление административного права в структуре публичного права и отделение его от права камерального и полицейского. В этой связи в 1914 г. известный отечественный административист А. И. Елистратов, разрабатывая идеи положения личности в правовом государстве в рамках дореволюционной системы русского административного права, видел главную задачу административного права «в упорядочивании отношений между людьми в области государственного управления посредством ограничения административного усмотрения должностных лиц правом, ибо система усмотрения подрывает в населении чувство права и справедливости, так как со справедливостью несовместим и самый благожелательный произвол» [8, с. 1–2].

Правозащитная функция административного права, воплощаемая в жизнь путем применения субъектами публичного управления (исполнительной власти) различных способов внесудебной и судебной защиты прав и свобод граждан, интересов предприятий и организаций от административного произвола, должна быть положена в основу современного понимания содержания административной юстиции. Именно поэтому в широком значении административную юстицию следует рассматривать не только в связи с судебным, но и в связи с внесудебным (административным) разрешением административных споров. В целом административно-юстиционная деятельность органов публичного управления (исполнительной власти) должна пониматься как совокупность урегулированных нормами административного права и процесса общественных отношений по применению субъектами публичного управления (исполнительной власти) полномочий по защите прав и свобод граждан, интересов предприятий и организаций в сфере публичного управления.

Административно-юстиционная (правозащитная) деятельность органов исполнительной власти является разновидностью административной деятельности:

во-первых, по рассмотрению и положительному разрешению жалоб, обращений и предложений граждан, организаций, учреждений и предприятий по защите принадлежащих им прав и интересов в области публичного управления во внесудебном (административном) порядке; во-вторых, по непосредственному предъявлению и поддержанию в судах общей и специализированной юрисдикции административных исков по защите прав и свобод значительного числа граждан либо когда нарушение приобрело особое общественное значение. Такого рода административно-юстиционная деятельность предусматривает наделение органов исполнительной власти различных уровней полномочиями предъявлять и поддерживать административные иски в судах общей и специализированной юрисдикции. Дальнейшее развитие административно-юстиционной деятельности предполагает создание в системе органов исполнительной власти специализированных административных (квазисудебных) органов по внесудебному разрешению административных споров.

Административно-юстиционная деятельность УИС в теоретическом плане может рассматриваться как деятельность органов и учреждений УИС и их должностных лиц в области защиты прав и свобод личности от любых форм административного произвола

в сфере исполнения уголовных наказаний, связанная с применением различных административно-правовых средств внесудебной (административно-правовой) и судебной защиты. При этом следует подчеркнуть, что в настоящее время административно-юстиционная деятельность органов исполнительной власти вообще и УИС в частности находится лишь в стадии своего становления и имеет фрагментарные примеры [13, с. 58–63], что, однако, не умаляет значение ее развития в условиях дальнейшей либерализации уголовной и уголовно-исполнительной политики и демократизации системы исполнения уголовных наказаний.

В заключение необходимо отметить, что административная деятельность УИС является важнейшим направлением совершенствования государственного управления в сфере исполнения уголовных наказаний, а также мощным ресурсом повышения эффективности деятельности органов и учреждений УИС в области поддержания законности и правопорядка. Дальнейшее развитие административно-правового регулирования государственного управления в сфере исполнения уголовных наказаний видится в процессуализации основных направлений административной деятельности УИС, приведении ее в состояние, соответствующее потребностям демократического развития российского общества и государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Административные процедуры : монография / ответственные редакторы Л. Л. Попов, С. М. Зубарев. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2017. – 240 с. – ISBN 978-5-91768-806-0.
2. **Алексеев, С. С.** Механизм правового регулирования в социалистическом государстве / С. С. Алексеев. – Москва : Юридическая литература, 1966. – 187 с.
3. **Аникин, С. Б.** Проблемы и перспективы административной юрисдикции органов внутренних дел Российской Федерации : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Аникин Сергей Борисович. – Москва, 1996. – 23 с.
4. **Веремеенко, И. И.** Механизм административно-правового регулирования в сфере охраны общественного порядка. В 3 частях. Часть 1. Предмет и понятия / И. И. Веремеенко. – Москва : ВНИИ МВД СССР, 1981. – 111 с.
5. **Гришковец, А. А.** Допустим ли термин «делит» в науке административного права? // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права : сборник статей по материалам международной научно-практической конференции (Сорокинские чтения), 27 марта 2020 года / под общей редакцией А. И. Каплунова. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2020. – С. 296–303. – ISBN 978-5-91837-252-4.
6. **Демидов, Ю. Н.** Административная деятельность органов внутренних дел : учебник. В 2 частях. Часть 1. Общая часть / Ю. Н. Демидов, М. В. Костенников, А. В. Куракин. – Домодедово : ВИПК МВД России, 2016. – 285 с. – ISBN 978-5-9552-0715-5.
7. **Дихтиевский, П. В.** Административно-правовое принуждение в механизме обеспечения личной безопасности : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Дихтиевский Петр Васильевич. – Москва, 2004. – 62 с.
8. **Елистратов, А. И.** Основные начала административного права / А. И. Елистратов. – Москва : Изд-во Г. А. Лемана, 1914. – 332 с.
9. **Масленников, М. Я.** Административно-юрисдикционный процесс / М. Я. Масленников // Советское государство и право. – 1988. – № 10. – С. 83–89.
10. **Мельникова, Н. А.** Административная деятельность учреждений федеральной службы исполнения наказаний : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Мельникова Наталия Александровна. – Москва, 2011. – 25 с.
11. **Мельникова, Н. А.** Соотношение норм административного и уголовно-исполнительного права в регулировании деятельности органов и учреждений ФСИН России / Н. А. Мельникова // Российский следователь. – 2007. – № 18. – С. 27–29.
12. **Панова, И. В.** Административно-юрисдикционный процесс : монография / И. В. Панова. – Москва : Инфра-М, 2017. – 256 с. – ISBN 978-5-16-106207-4.

13. Помогалова, Ю. В. Участие органов и учреждений уголовно-исполнительной системы в административном судопроизводстве: направления совершенствования административно-правового регулирования / Ю. В. Помогалова // Уголовно-исполнительное право. – 2016. – № 3 (25). – С. 58–63.
14. Пони́каров, В. А. Теоретико-прикладные основы организации и осуществления административно-юрисдикционной деятельности в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Пони́каров Владимир Анатольевич. – Рязань, 2009. – 52 с.
15. Попов, Л. Л. Ренессанс государственного управления в России : избранное / Л. Л. Попов. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2019. – 368 с. – ISBN 978-5-16-102949-7.
16. Чекалина, О. В. Административно-юрисдикционный процесс : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Чекалина Олеся Викторовна. – Москва, 2003. – 28 с.
17. Шергин, А. П. Административная юрисдикция / А. П. Шергин. – Москва, 1979. – 144 с.
18. Mashaw, J. The American Model of Federal Administrative Law: Remembering the First One Hundred Years / J. Mashaw. – URL: https://digitalcommons.law.yale.edu/fss_papers/3866 (дата обращения: 10.04.2020).

REFERENCES

1. Popov L. L., Zubarev S. M. (red.) *Administrativnye procedury* [Administrative procedures]. Moscow, 2017. 240 p. (In Russ.).
2. Alekseev S. S. *Mekhanizm pravovogo regulirovaniya v socialisticheskom gosudarstve* [The mechanism of legal regulation in a socialist state]. Moscow, 1966. 187 p. (In Russ.).
3. Anikin S. B. *Problemy i perspektivy administrativnoj yurisdikcii organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk* [Problems and prospects of administrative jurisdiction of the internal affairs bodies of the Russian Federation. Author's abstract of the diss. PhD. in Law]. Moscow, 1996. 23 p. (In Russ.).
4. Veremeenko I. I. *Mekhanizm administrativno-pravovogo regulirovaniya v sfere ohrany obshchestvennogo porjadka. V 3 chastyah. CHast' 1. Predmet i ponyatiya* [The mechanism of administrative regulation in the field of public order protection. In 3 parts. Part 1. Subject and concepts]. Moscow, 1981. 111 p. (In Russ.).
5. Grishkovec A. A. *Dopustim li termin «delikt» v nauke administrativnogo prava? [Is the term “delict” admissible in the science of administrative law?]. Aktual'nye problemy administrativnogo i administrativno-processual'nogo prava* [Actual problems of administrative and administrative procedural law]. St. Petersburg, 2020, pp. 296–303. (In Russ.).
6. Demidov YU. N., Kostennikov M. V., Kurakin A. V. *Administrativnaya deyatel'nost' organov vnutrennih del. Obshchaya chast'* [Administrative activities of internal affairs bodies. A common part]. Domodedovo, 2015. 285 p. (In Russ.).
7. Dihtievskij P. V. *Administrativno-pravovoe prinuzhdenie v mekhanizme obespecheniya lichnoj bezopasnosti. Avtoref. diss. dokt. yurid. nauk* [Administrative enforcement in the mechanism of personal security. Author's abstract of the diss. Dsc. in Law]. Moscow, 2004. 62 p. (In Russ.).
8. Elistratov A. I. *Osnovnye nachala administrativnogo prava* [The main principles of administrative law]. Moscow, 1914. 332 p. (In Russ.).
9. Maslennikov M. YA. *Administrativno-yurisdikcionnyj process* [Administrative Jurisdiction Process]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo – Soviet state and law*, 1988, no. 10, pp. 83–89. (In Russ.).
10. Mel'nikova N. A. *Administrativnaya deyatel'nost' uchrezhdenij federal'noj sluzhby ispolneniya nakazaniy. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk* [Administrative activities of institutions of the Federal Penal Service. Author's abstract of the diss. PhD. in Law]. Moscow, 2011. 25 p. (In Russ.).
11. Mel'nikova N. A. *Sootnoshenie norm administrativnogo i ugovolno-ispolnitel'nogo prava v regulirovanii deyatel'nosti organov i uchrezhdenij FSIN Rossii* [Correlation of administrative and penal law in regulating the activities of bodies and institutions of the Federal Penal Service of Russia]. *Rossijskij sledovatel' – Russian investigator*, 2007, no. 18, pp. 27–29. (In Russ.).
12. Panova I. V. *Administrativno-yurisdikcionnyj process* [Administrative Jurisdiction Process]. Moscow, 2017. 256 p. (In Russ.).
13. Pomogalova YU. V. *Uchastie organov i uchrezhdenij ugovolno-ispolnitel'noj sistemy v administrativnom sudoproizvodstve: napravleniya sovershenstvovaniya administrativno-pravovogo regulirovaniya* [The participation of bodies and institutions of the penal system in administrative proceedings: areas for improving administrative and legal regulation]. *Ugovolno-ispolnitel'noe pravo – Penal Law*, 2016, no. 3 (25), pp. 58–63. (In Russ.).
14. Poníkarov V. A. *Teoretiko-prikladnye osnovy organizacii i osushchestvleniya administrativno-yurisdikcionnoj deyatel'nosti v ugovolno-ispolnitel'noj sisteme Rossijskoj Federacii. Avtoref. diss. dokt. yurid. nauk* [Theoretical and applied foundations of the organization and implementation of administrative and jurisdictional activities in the penal system of the Russian Federation. Author's abstract of the diss. Dsc. in Law]. Ryazan, 2009. 52 p. (In Russ.).
15. Popov L. L. *Renessans gosudarstvennogo upravleniya v Rossii* [The renaissance of public administration in Russia]. Moscow, 2019. 368 p. (In Russ.).
16. Shekalina O. V. *Administrativno-yurisdikcionnyj process. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk* [Administrative Jurisdiction Process. Author's abstract of the diss. PhD. in Law]. Moscow, 2003. 28 p. (In Russ.).
17. Shergin A. P. *Administrativnaya yurisdikciya* [Administrative jurisdiction]. Moscow, 1979. 144 p. (In Russ.).
18. Mashaw J. The American Model of Federal Administrative Law: Remembering the First One Hundred Years. Available at: https://digitalcommons.law.yale.edu/fss_papers/3866 (accessed 10.04.2020). (In Eng.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTORS

РОМАН ВАДИМОВИЧ НАГОРНЫХ – профессор кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация, доктор юридических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4765-8550>, e-mail: nagornikh-vipe@mail.ru

ROMAN V. NAGORNYH – Professor of the Department of Administrative Law Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Vologda, Russian Federation, Dsc. in Law, Associate Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4765-8550>, e-mail: nagornikh-vipe@mail.ru

Неповиновение законному распоряжению сотрудников правоохранительных органов по ст. 19.3 КоАП РФ

Н. С. МАЛОЛЕТКИНА

Самарский юридический институт ФСИН России, г. Самара, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5677-568X>, e-mail: levkovka707@mail.ru

Реферат. Статья посвящена проблеме неповиновения законному распоряжению сотрудника полиции, военнослужащего либо сотрудника органа или учреждения уголовно-исполнительной системы либо сотрудника войск национальной гвардии Российской Федерации.

На основе анализа административного (ст. 19.3 КоАП РФ) и уголовного законодательства (ст. 213 и 319 УК РФ) автор приходит к выводу о том, что за неповиновение законному распоряжению или требованию сотрудника правоохранительных органов в связи с исполнением им обязанностей по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности установлена административная ответственность, а за сопротивление представителю власти либо иному лицу, исполняющему обязанности по охране общественного порядка или пресекающему нарушение общественного порядка, уголовная ответственность.

В статье исследуются вопросы разграничения понятий неповиновения и сопротивления, от правильного понимания которых зависит наступление ответственности (уголовной или административной), рассматриваются полномочия сотрудников правоохранительных органов при исполнении ими служебных обязанностей по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, осуществляется анализ правомерного и противоправного поведения лиц, совершивших правонарушение, урегулированного нормами права и создающего юридические последствия.

Ключевые слова: неповиновение; законное распоряжение; сотрудник полиции; административное правонарушение; административная ответственность; административное наказание; сопротивление; уголовная ответственность.

12.00.14 – Административное право; административный процесс

Для цитирования: Малолеткина Н. С. Неповиновение законному распоряжению сотрудников правоохранительных органов по ст. 19.3 КоАП РФ. *Пенитенциарная наука*. 2020; 14(2):259–264. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-2-259-264.

Disobedience to the lawful order of law enforcement officers under Art. 19.3 Administrative Code of the Russian Federation

N. S. MALOLETKINA

the Samara Law Institute of the Federal Penal Service of Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5677-568X>, e-mail: levkovka707@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of disobedience to the lawful order of the police officer, military serviceman or employee of a body or institution of the penal system or an employee of the National Guards of the Russian Federation.

Based on an analysis of the administrative (Article 19.3 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation) and criminal legislation (Articles 213 and 319 of the Criminal Code of the Russian Federation), the author comes to the conclusion that for disobeys the lawful order or demand of a law enforcement officer in connection with the fulfillment of his duties to protect public order and ensuring public safety, administrative li-

ability must be established, and criminal liability is imposed on resistance to a representative of the government or to another person who is responsible for protecting public order or suppressing a violation of public order.

The article examines the issues of distinguishing between the concepts of disobedience and resistance, the onset of liability (criminal or administrative) depending on the correct understanding of them, examines the powers of law enforcement officers in the performance of their official duties to protect public order and ensure public safety, analyzes the legitimate and illegal behavior of individuals, committed an offense, regulated by law and creating legal consequences.

Key words: disobedience; legal order; police officer; administrative offense; administrative liability; administrative punishment; resistance; criminal liability.

12.00.14 – Administrative law; administrative process

For citation: Maloletkina N. S. Disobedience to the lawful order of law enforcement officers under Art. 19.3 Administrative Code of the Russian Federation. *Penitenciarnaya nauka = Penitentiary Science*. 2020; 14(2):259–264. (In Russ.). DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-2-259-264.

Государство в своих законах и подзаконных актах закрепляет систему прав и свобод граждан, а также устанавливает обязанности и силами своих органов обеспечивает их исполнение на всей территории страны.

Однако в последнее время в России все чаще возникают ситуации, когда в защите нуждаются сами сотрудники правоохранительных и контролирующих органов, наталкиваясь на выраженную агрессию со стороны нарушителей правопорядка.

Участились случаи нападения на сотрудников полиции, а также сотрудников уголовно-исполнительной системы при исполнении ими служебных обязанностей, приводящие к получению травм и ранений различной степени тяжести.

Ощущая себя всемогущими и часто не отдавая себе отчета в собственных действиях, правонарушители могут позволить себе нецензурно выразиться в адрес представителей органов власти, порой прилюдно во всеуслышание оскорбить полицейских при выполнении теми своих обязанностей, оказать активное физическое сопротивление, сорвать погоны, испортить имущество и даже применить насилие. В рамках закона сотрудник правоохранительных органов имеет право и обязан потребовать от правонарушителя прекратить подобного рода действия. Обратная реакция будет расцениваться как неповиновение законному распоряжению сотрудника согласно ст. 19.3 КоАП РФ.

Говоря об административной практике в деятельности сотрудников уголовно-исполнительных инспекций (далее – УИИ), прежде всего необходимо рассматривать вопрос составления протоколов об административных правонарушениях сотрудниками УИИ при неповиновении их законному распоряжению со стороны лиц, стоящих у них на учете.

Согласно п. 5 ч. 5 ст. 28.3 КоАП РФ протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 1 и 6 ст. 19.3 КоАП РФ, вправе составлять должностные лица органов и учреждений уголовно-исполнительной системы.

В приложении 1 к приказу ФСИН России от 19.12.2013 № 780 указано, что в соответствии со ст. 28.3 КоАП РФ протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ, полномочны составлять по п. 1.18 начальники УИИ, филиалов, входящих в состав УИИ, их заместители.

Получается, что только в двух случаях – по ч. 1 и 6 ст. 19.3 КоАП РФ – сотрудники УИИ имеют право составлять протоколы в отношении лиц, проявивших неповиновение законному распоряжению сотрудника УИИ.

Объектом рассматриваемого правонарушения являются общественные отношения в сфере обеспечения порядка управления, а также общественного порядка и общественной безопасности. Неповиновение законному распоряжению или требованию сотрудника УИС препятствует нормальной деятельности государственных органов, исполнению представителями власти своих служебных обязанностей по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности. Часть 1 ст. 19.3 КоАП РФ содержит такой состав административного правонарушения, как противодействие исполнению служебных обязанностей сотрудника УИС.

Сотрудник УИИ, осуществляя свои полномочия при выполнении прямых обязанностей, в случае воспрепятствования со стороны правонарушителя их исполнению должен своевременно отреагировать и принять соответствующие меры: составить в отношении него протокол об администра-

тивном правонарушении, привлечь к административной ответственности за противоправные действия. Законодателем, к слову, за такие действия предусмотрена как административная, так и уголовная ответственность.

Фактически любой может столкнуться с проблемой неповиновения сотруднику полиции и остальным сотрудникам правоохранительных органов, перечисленным в ст. 19.3 КоАП РФ, но не каждый знает собственные права и обязанности, а также не всегда ясно, что является неповиновением и сопротивлением и какая ответственность наступает за данные противоправные действия.

За неповиновение законному распоряжению или требованию сотрудника полиции, военнослужащего либо сотрудника органа или учреждения уголовно-исполнительной системы либо сотрудника войск национальной гвардии Российской Федерации в связи с исполнением ими обязанностей по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, а равно воспрепятствование исполнению ими служебных обязанностей установлена административная ответственность.

О нахождении сотрудника полиции при исполнении служебных обязанностей по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности должны свидетельствовать наличие установленной формы одежды, нагрудный знак или предъявление соответствующего удостоверения. Естественно, что требования либо распоряжения, исходящие от сотрудников полиции, должны быть законными, то есть их возможность должна быть предусмотрена существующими законодательными актами [3].

Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» предоставляет сотрудникам полиции обширные полномочия по ограничению свободы действий лиц, которые допустили нарушение законодательства. К сожалению, некоторые граждане, не согласные с действиями сотрудников полиции, не считают нужным подчиняться их требованиям и оказывают активное сопротивление. Тем самым они значительно ухудшают свое положение, так как кроме наказания за совершенное противоправное деяние могут быть привлечены также к ответственности за сопротивление сотрудникам полиции. Часто сотрудники полиции предлагают гражданину пройти в отдел полиции, а тот, считая, что данные требования незаконны, не соглашается идти добровольно, начинает

вырываться, тем самым обнаруживая неповиновение. В подобных случаях сотрудники полиции обязаны составить административный протокол.

Неповиновение сотруднику полиции и остальным сотрудникам правоохранительных органов предусматривает санкцию в виде штрафа или административного ареста по ст. 19.3 КоАП РФ.

Неподчинение законному распоряжению и требованию сотрудника считается воспрепятствованием исполнению его служебных обязанностей. Это влечет административное наказание в виде штрафа в размере 500–1000 руб. Также возможно наложить административный арест на срок 15 суток. При неповиновении, исходя из судебной практики, нарушителю выписывают штраф на 1000 руб. или наказывают его административным арестом на 10 дней.

Штраф зависит от того, юридическое или физическое лицо совершило правонарушение. Согласно ст. 19.3 КоАП РФ за повторное неповиновение сотруднику установлены следующие санкции:

- для должностных лиц – до 20 тыс. руб.;
- граждан – штраф до 500 руб. (арест на 15–30 дней);
- юридических лиц – штраф до 100 тыс. руб.

Однако данная мера наказания не может быть назначена, если сотрудник полиции или уполномоченное лицо не предъявили служебное удостоверение, права и обязанности не были разъяснены, понятые отсутствовали, а также правонарушителю не были объяснены причины, по которым это делается (необходимо предупреждать о возможном применении санкций в отношении граждан, нарушающих закон).

Задержание исполняется полицейским в четком соответствии с действующим на территории Российской Федерации законодательством, что исключает причинение вреда сотруднику и сопротивление. Подозреваемый, даже если он не признает свою вину, должен вести себя вежливо и не применять насилие.

Противодействие уполномоченному может быть выражено:

- в отказе выполнить требование прекратить преступные деяния;
- невыполнении приказа убрать руки за спину;
- неподчинении приказу;
- отказе положить оружие на землю, опустить пистолет;
- неповиновении полицейскому с применением силы;

– попытке использовать оружие или физическую силу против полицейского.

Нарушением может быть ругательство в адрес уполномоченных или другие действия, которые мешают проведению задержания, такого рода поступок квалифицируется как сопротивление представителям правоохранительных органов.

Какие же полномочия имеются у полиции и остальных сотрудников правоохранительных органов? Это наиболее актуальный и часто встречающийся вопрос, так как бывает, что действия полицейских сложно назвать законными. Зная, какие именно права есть у представителей органов власти, сотрудникам гораздо проще ориентироваться в конкретной ситуации.

Согласно закону «О полиции» сотрудник наделен определенным набором прав и обязанностей, среди которых наиболее актуальны следующие:

- проверка документов граждан;
- требование покинуть место преступления;
- требование прекратить противозаконные действия;
- применение огнестрельного оружия или физической силы в целях самообороны или пресечения сопротивления;
- приглашение или принудительное доставление граждан в полицейский участок;
- доставление в больницу граждан, находящихся в алкогольном опьянении;
- посещение различных организаций в рамках расследования;
- запрос документов в ходе расследования.

Конечно, представленный перечень включает в себя только ключевые полномочия [2]. Необходимо осознавать, что полицейский может принудительно доставить в полицию гражданина только по объективным причинам, а не просто с улицы обычное правопослушное лицо. Также важно понимать, что является неповиновением, а что сопротивлением, так как данные действия будут по-разному наказываться: за неповиновение предусмотрена административная ответственность, а за сопротивление – уголовная.

Отдельной статьи о сопротивлении сотрудникам при задержании в УК РФ нет, но имеются положения, которые квалифицируют нарушение закона как сопротивление. Сопротивление – активные действия насильственного характера в отношении представителей правоохранительных органов.

Суд полагает, что, оказывая сопротивление полицейскому, нарушитель покушается на жизнь и здоровье уполномоченного на то лица. Публичное оскорбление часто усугубляет ситуацию. Все свои права целесообразно осуществлять через представителя, обращаясь в соответствующие инстанции и суды. Отягчающими обстоятельствами могут выступать мошенничество, хулиганство, беспорядки. Задержанный, согласно законодательству, имеет право воспользоваться услугами защитника при задержании.

Ответственность за неповиновение определена ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ. Она наступает, когда:

- гражданин не выполнил распоряжение сотрудников, которое связано с обеспечением безопасности и порядком в обществе;
- гражданин мешает выполнению обязанностей сотрудников правоохранительных органов.

Эти деяния могут повлечь наложение штрафа в размере 500–1000 руб., а также арест на период не более 15 суток. Вид наказания и размер штрафа устанавливаются судьей в ходе рассмотрения дела. Тяжесть наказания определяется в зависимости от наличия отягчающих или смягчающих обстоятельств. Отягчающими обстоятельством может выступать состояние наркотического или алкогольного опьянения [1].

Интересным представляется вопрос о возможности применения уголовной ответственности за неповиновение. В случае неповиновения и оскорбления представителя власти правонарушителю грозит административная и уголовная ответственность. По ст. 319 УК РФ могут быть назначены следующие наказания:

- штраф в размере заработной платы (не более трех окладов);
- штраф до 40 тыс. руб.;
- обязательные работы (до 360 ч);
- исправительные работы (до 1 года).

Если оказывалось физическое сопротивление, в зависимости от причиненного вреда здоровью нарушителю могут назначить наказание в виде лишения свободы на срок до 5 лет. Статья 213 УК РФ устанавливает санкции в виде штрафа, исправительных работ за публичное оскорбление сотрудника полиции при исполнении. Те, кто применил насилие, могут быть наказаны денежным взысканием, арестом на полгода, принудительными работами на срок до 5 лет. Самое суровое наказание – лишение свободы на тот же срок. Хулиганские действия в отно-

шении сотрудников полиции наказывают штрафом в размере от 500 тыс. до 1 млн руб., а также принудительными работами на срок до 5 лет, лишением свободы на срок до 7 лет.

Как неповиновение сотруднику правоохранительных органов также может рассматриваться отказ добровольно подать заявку на медицинское освидетельствование в медицинское учреждение.

В случае если человек отказывается предоставить документы или просто игнорирует соответствующее требование, сотрудник имеет право доставить его в отдел для выяснения определенных обстоятельств. Сопротивление всегда связано с физическим воздействием (например, правонарушителя силой берут за руки и насильно помещают в служебную машину либо, наоборот, он реагирует на что-либо применением силы).

Если в процессе общения с сотрудниками правоохранительных органов человек сбежит или принудительно применит физическую силу, как раз и возникнет сопротивление. Если сопротивление не носило насильственного характера и здоровье сотрудника не пострадало, то нарушителя обвиняют в хулиганстве.

В России полиция отвечает за охрану общественного порядка и предотвращение преступной деятельности. Как представители власти сотрудники правоохранительных органов обладают широкими полномочиями, в том числе и в отношении осужденных. Содержание под стражей в законодательстве означает ряд мер, направленных на то, чтобы человек не мог свободно передвигаться в период от трех часов до двух суток.

В УПК РФ и ряде других нормативных правовых актах закреплены понятия, процедуры, основания для задержания лиц, а также права и обязанности задержанных и самих сотрудников. Гражданам Российской Федерации независимо от того, считается ли задержание законным или нет, важно

сохранять спокойствие и не оскорблять сотрудников, не угрожать и не пытаться применять физическую силу, стараться соблюдать нормы приличия – в противном случае ответственность за противоправные действия неминуема.

В случае если с действиями сотрудника, который проводил задержание, гражданин не согласен, необходимо выражать свое недовольство законными способами и отстаивать свою точку зрения путем подачи в прокуратуру или суд жалобы, ходатайства о привлечении сотрудника к ответственности.

Поскольку в подавляющем большинстве случаев требования сотрудников полиции являются законными, самым правильным поведением гражданина, которому эти требования адресованы, является их безусловное исполнение. Естественно, это не исключает возможности последующего обжалования данных требований, и если они в установленном порядке будут признаны незаконными, то сотрудники полиции, несмотря на свой особый правовой статус, понесут заслуженное наказание.

В связи с продолжающимся ростом количества административных правонарушений, суть которых состоит в неповиновении законному распоряжению сотрудника органов внутренних дел и остальных сотрудников правоохранительных органов, перечисленных в ст. 19.3 КоАП РФ, считаем целесообразным признание таких противоправных деяний общественно опасными, так как правонарушители часто сознательно и преднамеренно оказывают неповиновение представителю власти, из-за чего снижается авторитет силовых структур и ведомств в обществе (ведь имеющаяся правовая норма не позволяет использовать действенные меры в отношении правонарушителей, которым преимущественно назначается наказание в виде штрафа) и, как результат, выделяется отрицательная сторона в оценке их профессионализма и компетентности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дубровин, А. К. Проблемы нормативно-правового регулирования административной ответственности за неповиновение законному требованию, распоряжению сотрудника полиции / А. К. Дубровин // Административное право и процесс. – 2019. – № 10. – С. 49–52.
2. Сенчило, Д. М. Неповиновение законному распоряжению сотрудника полиции / Д. М. Сенчило // Меридиан : сетевой электронный научный журнал. – 2019. – № 10 (28). – URL: <http://meridian-journal.ru/site/article?id=1512> (дата обращения: 23.05.2020).
3. Черных, И. А. Административная ответственность за неповиновение законному распоряжению сотрудника органов внутренних дел / И. А. Черных // Государственная служба и кадры. – 2018. – № 5. – С. 21–28.

REFERENCES

1. Dubrovin A. K. Problemy normativno-pravovogo regulirovaniya administrativnoj otvetstvennosti za nepovinoenie zakonnomu trebovaniyu, rasporyazheniyu sotrudnika policii [Problems of legal regulation of administrative responsibility for disobedience to a legal requirement, an order of a police officer]. *Administrativnoe pravo i process – Administrative Law and Process*, 2019, no. 10, pp. 49–52. (In Russ.).

2. Senchilo D. M. Nepovinoenie zakonnomu rasporyazheniyu sotrudnika policii [Disobedience the lawful order of a police officer]. Setevoy elektronnyj nauchnyj zhurnal «Meridian» – Network electronic scientific journal «Meridian», 2019, no. 10 (28). Available at: <http://meridian-journal.ru/site/article?id=1512> (accessed 23.05.2020). (In Russ.).
3. Chernyh I. A. Administrativnaya otvetstvennost' za nepovinoenie zakonnomu rasporyazheniyu sotrudnika organov vnutrennih del [Administrative responsibility for disobeying the lawful order of an employee of the internal affairs bodies]. *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry – Public Service and Personnel*, 2018, no. 5, pp. 21–28. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTORS

НАТАЛЬЯ СЕРГЕЕВНА МАЛОЛЕТКИНА – заместитель начальника кафедры государственно-правовых дисциплин Самарского юридического института ФСИН России, г. Самара, Российская Федерация, кандидат юридических наук. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5677-568X>, e-mail: levkovka707@mail.ru

NATAL'YA S. MALOLETKINA – Deputy Head of the Department of State Law Disciplines of the Samara Law Institute of the Federal Penal Service of Russia, Samara, Russian Federation, PhD. in Law. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5677-568X>, e-mail: levkovka707@mail.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-2-265-273

УДК 159.9.07

Особенности взаимосвязей механизмов психологической защиты с уровнем интеллекта сотрудников правоохранительных органов России

В. Е. ЛАПШИН

Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, г. Владимир, Российская Федерация

Владимирский юридический институт ФСИН России, г. Владимир, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6243-9532>, e-mail: ve_lapshin@mail.ru

Е. А. ВИНАРЧИК

Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, г. Владимир, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7341-5034>, e-mail: elena-vinarchik@rambler.ru

Реферат. Профессиональная деятельность сотрудников правоохранительных органов в России связана с работой в экстремальных условиях, высоким уровнем психической и физической напряженности, риском для жизни и огромной ответственностью за других людей. В силу этого у данных лиц может произойти негативная трансформация в личностной структуре, затрагивающая в первую очередь такой компонент, как психологическая защита. Таким образом, понятие психологической защиты занимает центральное и основополагающее место в современной концепции личности, но вместе с тем соответствующая тема относится к недостаточно изученным в психологии безопасности, что определяет актуальность данного исследования. Целью работы является изучение особенностей взаимосвязей механизмов психологической защиты с уровнем интеллекта сотрудников правоохранительных органов.

Полученные в исследовании данные расширяют представление о защитных формах поведения человека, обуславливающих личностные черты, что обеспечивает более эффективную работу психолога и психотерапевта в правоохранительных органах.

Авторами выявлены типы психологических защит сотрудников правоохранительных органов, среди которых доминируют адаптивные механизмы (юмор, подавление, предвидение, присоединение, последствие, сублимация), определен доминирующий механизм – рационализация, при которой происходит логическое разъяснение человеком своих поступков и действий, обнаружен низкий уровень общей напряженности сотрудников правоохранительных органов. Представленные результаты могут быть использованы для своевременного выявления дезадаптивных механизмов психологической защиты с целью предупреждения профессионального выгорания и профессиональной деформации личности.

Ключевые слова: защита; интеллект; напряженность; механизм психологической защиты; стресс.

19.00.06 – Юридическая психология

Для цитирования: Лапшин В. Е., Винарчик Е. А. Особенности взаимосвязей механизмов психологической защиты с уровнем интеллекта сотрудников правоохранительных органов России. *Пенитенциарная наука*. 2020; 14(2):265–273. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-2-265-273.

Correlation features of psychological defense mechanism with the intelligence level of the enforcement officers

V. E. LAPSHIN

the Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russian Federation

the Vladimir Law Institute of the Federal Penal Service of Russia, Vladimir, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6243-9532>, e-mail: ve_lapshin@mail.ru

E. A. VINARCHIK

the Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7341-5034>, e-mail: elena-vinarchik@rambler.ru

Abstract: The professional activity of the staff of enforcement officers in Russia is associated with working in extreme conditions, high levels of mental and physical tension, the life risk and great responsibility for other people. These employees may experience a transformation in their personal structure after interacting with long-term stressful and dangerous work, and first of all, such a component as psychological protection receives negative changes. Thus, the concept of psychological protection is central and fundamental in the modern concept of personality, but at the same time, this topic belongs to the insufficiently studied in the field of security psychology and determines the relevance of this study. The purpose of the study was to identify the features of the relationship between psychological protection mechanisms and the level of intelligence of the staff of enforcement officers. The data obtained in the study expand the understanding of the protective forms of human behavior that determine personal traits, which provides a more effective work of a psychologist and psychotherapist in law enforcement agencies.

The results can be used for premature detection of unhealthy mechanisms of psychological protection, in order to avoid personality deformation and professional burnout. The results can be useful when giving lectures personality psychology and social psychology. The study can be applied by practical psychologists in different structural divisions of law enforcement agencies.

In the course of the study, the following results were obtained. The types of psychological defenses of law enforcement officers are identified, among which adaptive mechanisms dominate: humor, suppression, foresight, attachment, aftereffect, and sublimation. The dominant mechanism of psychological protection is defined-rationalization, in which a person makes a logical explanation of their actions and actions. We found a low level of general tension among the staff of enforcement officers.

Key words: protection; intelligence; tension; psychological defense mechanisms; stress.

19.00.06 – Legal psychology

For citation: Lapshin V. E., Vinarchik E. A. Correlation features of psychological defense mechanism with the intelligence level of the enforcement officers. *Penitenciarnaya nauka = Penitentiary Science*. 2020; 14(2):265–273. (In Russ.). DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-2-265-273.

Механизмы психологической защиты являются частью нашей личности, они формируются, существуют и совершенствуются с детства и на протяжении всей жизни позволяют сохранить стабильное душевное равновесие [1]. Для сотрудников правоохрани-

тельных органов данная проблема является одной из актуальных, так как их профессиональная деятельность связана с риском и постоянным преодолением трудностей, что способствует активизации соответствующих механизмов. Частое использование защитного поведения может оказать деструктивное влияние на психику, привести к появлению сложностей в межличностных отношениях, к проявлениям социальной и профессиональной неадекватности. Помимо хороших показателей физического здоровья и психической стабильности от сотрудников правоохранительных органов их профессия требует иметь высокий уровень развития интеллектуальных способностей. Интеллект является одной из психологических структур адаптации индивида к среде, опосредует характер проявления механизмов психологической защиты и предопределяет решительность сотрудников, умение ориентироваться в осложненных условиях и находить единственно верное решение из многих возможных [2].

Целью данного исследования стало изучение особенностей взаимосвязи механизмов психологической защиты с уровнем интеллекта сотрудников правоохранительных органов. В качестве психодиагностического инструментария нами были определены следующие методики исследования:

- 1) «Опросник защитных стилей» М. Бонда;
- 2) опросник «Индекс жизненного стиля» (Life Style Index, LSI), разработанный Р. Плутчиком в соавторстве с Г. Келлерманом и Х. Р. Контом;
- 3) «Методика диагностики доминирующей стратегии психологической защиты в общении» В. В. Бойко;
- 4) тест «Социальный интеллект» Дж. Гилфорда;
- 5) тест структуры интеллекта Р. Амтхауэра;
- 6) метод математической статистики: U-критерий Манна – Уитни [3].

Экспериментальной базой выступили УФСИН России по Владимирской области и Управление социальной защиты населения по г. Владимиру. Исследование было проведено в апреле 2019 г. В нем приняли участие 76 чел. Общая выборка была поделена на две группы: сотрудники правоохранительных органов в количестве 38 чел. в возрасте от 20 до 54 лет, из них 23 мужчины и 15 женщин; сотрудники социальной защиты населения в количестве 38 чел. в возрасте от 25 до 55 лет, из них 23 мужчины и 15 женщин.

Анализируя результаты, полученные с использованием методики «Опросник защит-

ных стилей» М. Бонда, можно утверждать, что у сотрудников правоохранительных органов, как и у сотрудников социальной защиты населения, преобладают адаптивные механизмы психологической защиты. К ним относятся присоединение, юмор, последствие, предвидение, ориентация на задачу, сублимация, подавление. Их использование является свидетельством наличия адекватности, способности осознавать ситуацию, гибкости (в зависимости от ситуации), пластичности, зрелости. Они защищают организм от болезненных последствий перенапряжения, негативных чувств, эмоций, воспоминаний. Такие механизмы помогают грамотно анализировать окружающую действительность, сотрудничать с людьми, выстраивать комфортные условия для межличностного взаимодействия, избегать конфликтных ситуаций или успешно выходить из них, а также сохранять самообладание и самооценку.

Применив методику «Индекс жизненного стиля» Р. Плутчика, Г. Келлермана и Х. Р. Конта, мы изучили доминирующие механизмы психологической защиты сотрудников правоохранительных органов и социальной защиты населения, а также выявили уровень общей напряженности.

Доминирующим механизмом психологической защиты у сотрудников правоохранительных органов является рационализация (50 %): они либо оправдывают свои поступки, нереализованные планы с целью сохранить достоинство, самоуважение, либо активно используют мыслительные операции, стараясь логически объяснить свои действия. К особенностям носителей такого защитного поведения можно отнести старательность, ответственность, добросовестность, самоконтроль, склонность к анализу и самоанализу, дисциплинированность, предусмотрительность. При возникновении конфликтной ситуации они сглаживают ее, не допускают развития, создавая комфортную обстановку взаимодействия для себя и окружающих. Менее выражены следующие механизмы: отрицание (16 %), проекция (13 %), регрессия (5 %), замещение (5 %), компенсация (5 %), гиперкомпенсация (5 %). У всех испытуемых из данной выборки общая напряженность находится на низком уровне, что может свидетельствовать о малой тревожности, рассеянности и усталости.

Для второй группы респондентов наиболее характерен такой механизм психологической защиты, как отрицание (45 %). Такие сотрудники при столкновении с не-

гитивными проявлениями жизнедеятельности отказываются принимать их, тревожная, фрустрирующая информация не воспринимается ими, они считают, что все к лучшему. К особенностям обнаруживающих такое защитное поведение можно отнести внушаемость, непринужденность, общительность, дружелюбие, оптимизм. В данной группе респондентов менее выражены проекция (28 %) и рационализация (27 %). При наличии «проекции» социальные работники склонны переносить на других людей неприемлемые для себя желания, за которые может быть стыдно. Особенностью такого защитного поведения выступает приписывание кому-то или чему-то собственных мыслей, чувств, мотивов, черт характера и т. д. Посредством рационализации сотрудники осуществляют поиск разумного объяснения для решения возникших проблем. Этот механизм придает уверенность в своих силах, помогает справиться с тревожностью и снять напряжение. В группе социальных работников преобладает низкий уровень общей напряженности (64 % респондентов), что говорит об их адаптивном состоянии (спокойствие, удовлетворенность, комфорт). У 30 % испытуемых выражен средний уровень общей напряженности, характеризующийся переходным/пограничным состоянием. При этом общий психологический фон находится в норме, но постепенно может снижаться концентрация внимания и замедляется темп работы. Высокий уровень напряженности был выявлен нами у 6 % испытуемых, для которых характерны следующие негативные изменения: общая дезорганизация психической деятельности, физический и психический дискомфорт, слабая умственная работоспособность, низкий уровень стрессоустойчивости личности.

С использованием опросника «Методика диагностики доминирующей стратегии психологической защиты в общении» В. В. Бойко нами были определены доминирующие стратегии психологической защиты в общении с людьми, а также установлены их уровни.

У сотрудников правоохранительных органов преобладает механизм психологической защиты «миролюбие». В целом он находится на среднем уровне у 55 % респондентов, что может свидетельствовать об уравновешенности, спокойствии, дружелюбности данных испытуемых. Низким уровнем миролюбия обладают 28 % опрошенных, а это говорит о том, что они испытывают склонность к выяснению отношений и обострению конфликтных ситуаций, но

вместе с тем обладают чувством собственного достоинства, имеют свое мнение, которое способны обосновать, и в случае неудач могут постоять за себя. Высокий уровень миролюбия продемонстрировали 17 % испытуемых, что может свидетельствовать об их коммуникабельности, стремлении к конструктивному решению проблемных ситуаций, а также чрезмерной мягкости, податливости, иногда безволии.

Проявление механизма психологической защиты «избегание» находится на среднем уровне у 51 % исследуемых, а значит, данные сотрудники правоохранительных органов в конфликтных ситуациях иногда пользуются такой защитой с целью отказа иметь дело с нежелательными обстоятельствами или людьми. Высокий уровень избегания обнаруживают 5 % обследованных. Это говорит о том, что данные люди привыкли уходить от неприятных для их самолюбия ситуаций. Низким уровнем обладают 44 % опрошенных: такие сотрудники редко используют рассматриваемый механизм защиты, то есть не избегают нежелательных ситуаций, людей, эмоций, а пытаются справиться с ними, решить их или наладить контакт с целью дальнейшего преодоления возникающих трудностей.

Уровень механизма психологической защиты «агрессия» низок у 83 % респондентов. Из этого следует, что сотрудники правоохранительных органов умеют находить компромиссы в конфликтах, сохранять консенсус или же спокойно завершать отношения, если те зашли в тупик. Средним уровнем выраженности агрессии обладают 17 % опрошенных, что говорит о проявлении агрессивных эмоций, таких как крик, угроза, ссора, злобные шутки, сплетни, самообвинение. Высокий уровень избегания обнаруживают 5 % испытуемых: данные лица привыкли уходить от неприятных для самолюбия ситуаций. Низким уровнем обладают 44 % опрошенных, редко использующих данный механизм защиты.

Уровень механизма психологической защиты «миролюбие» в общении сотрудников социальной защиты населения по методике «Диагностика доминирующей стратегии психологической защиты в общении» В. В. Бойко может быть оценен как средний у 83 % опрошенных. Это говорит о том, что данные сотрудники дружелюбны, невраждебны, уважительны и доброжелательны к людям, а также легко идут на контакт, без проблем создают новые межличностные взаимоотношения. Низким уровнем миро-

любия обладают оставшиеся 17 % респондентов, о которых можно сказать, что они не доверчивы к окружающим, не всегда готовы идти на уступки, делать шаги навстречу, но при этом способны эффективно проявлять навыки коммуникатора в своей референтной группе, где налажены коммуникативные связи, присутствует надежность и ощущается поддержка. Высокий уровень миролюбия у сотрудников социальной защиты не выявлен.

Механизм психологической защиты «избегание» у сотрудников социальной защиты в целом представлен на среднем уровне (61 %), а это значит, что испытуемые иногда используют данную защиту как средство отказа от общения с неприятными людьми, с целью уклонения от нежелательных или конфликтных ситуаций. Низкий уровень выраженности рассматриваемого механизма демонстрируют 39 % опрошенных. Это свидетельствует о том, что сотрудники социальной защиты населения не всегда избегают конфликтных ситуаций или редко используют данную психологическую защиту. Высокий уровень избегания не выявлен.

Уровень механизма психологической защиты «агрессия» можно квалифицировать как низкий. Все участники исследования (100 %) обнаруживают невысокие показатели по данной шкале, из чего следует, что испытуемые группы социальной защиты населения склонны решать конфликтные ситуации мирным путем.

С помощью методики «Социальный интеллект» Дж. Гилфорда нами был изучен уровень социального интеллекта сотрудников правоохранительных органов и социальной защиты населения.

Уровень фактора познания результатов поведения у сотрудников правоохранительных органов находится в норме. Об этом говорит отсутствие показателей низкого уровня и уровня ниже среднего. Средним или умеренным уровнем обладают 44 % обследуемых, что свидетельствует в пользу их умения прогнозировать деятельность людей. Однако иногда представители данной группы могут испытывать трудности в понимании, и у этой оценки есть вероятность оказаться ошибочной. Столько же опрошенных (44 %) обнаруживают уровень выше среднего по данному компоненту социального интеллекта, а значит, способны успешно ориентироваться в невербальных проявлениях окружающих, предвосхищать их дальнейшие действия. В этой же группе у 12 % испытуемых был выявлен высокий

уровень, что говорит об умении точно предвидеть последствия поведения и поступков людей, основываясь на понимании их чувств, мыслей и намерений.

Уровень фактора познания классов поведения у сотрудников правоохранительных органов в целом находится в норме. Средний или умеренный уровень продемонстрировали 28 % опрошенных. Сотрудники правоохранительных органов умеют понимать других людей. Уровнем выше среднего обладают 33 % испытуемых. При коммуникативном взаимодействии данная группа лиц обращает свое внимание на невербальные реакции своих партнеров. 17 % респондентов обнаружили уровень ниже среднего по данному компоненту социального интеллекта. Эти лица недостаточно хорошо владеют языком телодвижений и больше ориентируются на вербальную составляющую в общении. В группе были выявлены лица с высоким уровнем значений по компоненту социального интеллекта. Их доля составила 22 % от всех обследованных сотрудников правоохранительных органов. Они в полной мере обладали умением успешно определять чувства и эмоции людей по невербальным проявлениям: мимике, жестам, позам.

Уровень фактора познания преобразования поведения сотрудников правоохранительных органов в целом находится в норме: средним или умеренным уровнем обладают больше половины опрошенных – 56 %. Это говорит о их развитой способности понимать вербальную и невербальную составляющую поведения человека в различных ситуациях. Уровень выше среднего демонстрируют 17 % испытуемых, что говорит об их чувствительности к взаимоотношениям. Уровень ниже среднего зафиксирован у 22 % респондентов. Такие лица в меньшей степени понимают смысл услышанного в ситуациях общения. По данному компоненту социального интеллекта был выявлен и высокий уровень (5 % опрошенных). Обнаружившие его данные сотрудники правоохранительных органов пластичны в коммуникации, быстро и правильно понимают вербальные и невербальные реакции людей в разных обстоятельствах.

Уровень фактора познания систем поведения у сотрудников правоохранительных органов в целом находится в норме. Показатели среднего уровня характерны для большинства опрошенных (56 %). Это говорит о способности понимать логику развития целостных ситуаций взаимодействия людей и

смысл поведения в этих ситуациях. Уровнем выше среднего обладают 5 % испытуемых, что свидетельствует об их умении анализировать сложные ситуации коммуникативного взаимодействия. Данные сотрудники правоохранительных органов понимают и адекватно интерпретируют замысел и намерения участников общения. В обследуемой группе был выявлен и уровень ниже среднего: 29 % респондентов испытывают сложности в понимании невербальных проявлений. У 10 % опрошенных был обнаружен низкий уровень: им трудно анализировать ситуации межличностного взаимодействия, они плохо адаптируются к разного рода взаимоотношениям между людьми. Высокий уровень по рассматриваемому критерию социального интеллекта не выявлен.

Общий уровень развития социального интеллекта сотрудников правоохранительных органов находится в норме, так как отсутствуют испытуемые, обнаружившие самый низкий показатель. Высокого показателя, однако, тоже не выявлено. Уровень выше среднего характерен для 22 % опрошенных, что говорит о их пластичности в общении с людьми, умении понимать язык невербального общения, успешности прогнозирования реакций поведения. Уровень ниже среднего продемонстрировали 39 % опрошенных, что свидетельствует о возможных трудностях в понимании поведения и общении у данных лиц. Средним уровнем выраженности обладают 39 % опрошенных. Они адекватно интерпретируют поведение людей, общительны, доброжелательны, тактичны при взаимодействии.

Уровень факторов познания, установленный по методике «Социальный интеллект» Дж. Гилфорда, у сотрудников социальной защиты населения находится в норме, так как показатели, соответствующие низкому уровню, не зафиксированы. Больше половины группы испытуемых (88 %) обладают средним уровнем, что говорит об их умении ориентироваться в невербальных проявлениях. Уровень выше среднего отмечен у 6 % опрошенных. Такие люди наделены умением успешно делать прогноз дальнейших действий людей. Высокий уровень в данной выборке не выявлен. Уровень ниже среднего обнаружили 6 % имеющих трудности в понимании связи между поведением респондентов и его последствиями.

Уровень фактора познания классов поведения сотрудников социальной защиты населения в целом находится в норме. Мы можем заключить это в силу отсутствия кон-

статации низкого уровня. Средним или умеренным уровнем обладают больше половины участников (66 %). Это говорит о том, что сотрудники социальной защиты умеют распознавать общие свойства в потоке информации и по невербальным проявлениям способны правильно оценить чувства и состояния собеседника. Уровень выше среднего определен у 22 % испытуемых. Данные социальные работники значительное внимание уделяют невербальной коммуникации и могут безошибочно определить эмоциональное состояние партнера. 12 % опрошенных имеют уровень ниже среднего по рассматриваемому компоненту социального интеллекта. В ходе коммуникативного взаимодействия такие люди могут ошибаться в понимании смысла слов, так как не учитывают или неправильно интерпретируют невербальные проявления собеседника.

Уровень фактора познания преобразований поведения у сотрудников социальной защиты населения в целом находится в норме, свидетельством чему выступает отсутствие в выборе лиц с низким уровнем и уровнем ниже среднего. Средним или умеренным уровнем обладают больше половины опрошенных – 78 %. Это говорит о развитой способности данных специалистов понимать вербальную и невербальную составляющую поведения человека в различных ситуациях. Уровнем выше среднего обладают 22 % респондентов, на основании чего мы можем сделать вывод об их способности к взаимопониманию, коммуникативности, чувствительности к взаимоотношениям.

Познание систем поведения у сотрудников социальной защиты населения находится на уровне ниже среднего, так как соответствующие показатели характерны для большинства испытуемых – 72 %. Это значит, что у данных лиц возникают трудности в анализе ситуаций межличностного взаимодействия. Средний уровень выраженности данного фактора обнаруживают 28 % опрошенных, что говорит об их умении анализировать сложные коммуникативные ситуации в динамике. Такие социальные работники могут предсказать, как человек поведет себя в дальнейшем, и логически объяснить, почему он так поступил. Уровней выше среднего, высокого и низкого в данной группе респондентов не выявлено.

С помощью теста структуры интеллекта Р. Амтхауэра нами была изучена структура интеллекта сотрудников правоохранительных органов и социальной защиты населения.

Общий уровень интеллекта сотрудников правоохранительных органов в целом находится в норме, так как больше половины испытуемых (61 %) демонстрируют средние показатели. Это говорит о том, что они имеют хороший самоконтроль, обладают умением не отвлекаться на постороннее, достаточно быстро адаптируются к воздействиям окружающей действительности, открыты для восприятия новой информации. Низкий уровень общего интеллекта выявлен у 22 % опрошенных. Такие люди не всегда могут поддержать конструктивный диалог, имеют проблемы с сосредоточенностью внимания, планированием собственной жизни, при этом им могут быть свойственны убежденность, стремление отстаивать свою позицию, любознательность. Высоким уровнем обладают 17 % респондентов, что говорит о быстроте, гибкости, пластичности их мышления, умении находить связи и ассоциации, концентрации, устойчивости внимания.

Общий уровень интеллекта сотрудников социальной защиты населения в целом находится в норме: больше половины испытуемых (72 %) имеют средний уровень его развития. Данные лица эмпатичны, способны мысленно поставить себя на место другого человека, могут договариваться, легко устанавливают коммуникативные связи. Низким уровнем общего интеллекта обладают 11 % опрошенных, что обуславливает существование у них сложностей с интерпретацией чувств и эмоций других людей, стремление в своих промахах, проблемах искать виноватых, неумение выслушивать критику. Высокий уровень обнаружили 17 % испытуемых, что является свидетельством логичности и доступности в выстраивании ими коммуникативной связи, их способности понимать и убеждать.

Для оценки достоверности различий между двумя выборками (сотрудники правоохранительных органов и сотрудники органов социальной защиты населения) по уровню количественно измеряемых признаков нами был использован U-критерий Манна – Уитни (при $p \leq 0,05$). С его помощью были изучены особенности взаимосвязей механизмов психологической защиты с уровнем интеллекта.

По методике «Индекс жизненного стиля» Р. Плутчика, Г. Келлермана, Х. Р. Конта нами были получены значимые различия в уровне общей напряженности (Uэмп = 83), а также по следующим типам механизмов психологической защиты: регрес-

сия (Uэмп = 86,5), замещение (Uэмп = 72), отрицание (Uэмп = 84), компенсация (Uэмп = 100,5). По методике «Опросник защитных стилей» М. Бонда выявлены следующие значимые различия: искажающие механизмы психологической защиты (Uэмп = 101,5), изоляция (Uэмп = 103,5), всемогущество (Uэмп = 88,5), всемогущество – обесценивание (Uэмп = 42), расщепление (Uэмп = 108,5), отрицание (Uэмп = 76,5), адаптивные механизмы психологической защиты (Uэмп = 49,5), юмор (Uэмп = 86), последствие (Uэмп = 71,5), присоединение (Uэмп = 78), отреагирование на задачу (Uэмп = 100,5), сублимация (Uэмп = 106,5). Значимые различия также были получены по тесту «Социальный интеллект» Дж. Гилфорда. В тесте структуры интеллекта Р. Амтхауэра получены значимые различия по субтестам «Арифметические задачи» (Uэмп = 83,5) и «Пространственное обобщение» (Uэмп = 100).

К особенностям когнитивных процессов сотрудников правоохранительных органов в значимых ситуациях можно отнести сублимацию, расщепление, арифметические задачи, истории с завершением, память. Характерным для них является использование такого механизма психологической защиты, как расщепление – черно-белое мышление. Они склонны к эмоциональному реагированию. Мышление осуществляется через крайности или противоположности, в нем отсутствуют примирение и компромисс (анализ ситуации с позиций «хорошо – плохо», «да – нет», «всегда – никогда»). В мировоззрении данных испытуемых отсутствует место для ошибок и слабостей. Профессиональная деятельность выстроена таким образом, что любое неверное действие может привести к негативным последствиям, в результате которых значительным образом способно поменяться отношение к самому себе (самоотношение) и возможно снижение самооценки. Работа сотрудников правоохранительных органов проходит в чрезвычайно опасных, стрессовых ситуациях, а такой механизм психологической защиты, как сублимация, может помочь снизить внутреннее напряжение личности после столкновения с психотравмирующими обстоятельствами. Стоит отметить, что общая напряженность у сотрудников правоохранительных органов ниже, чем у социальных работников. Сублимирование избавляет личность от неприятных эмоций, угнетающих мыслей, биологического напряжения путем перенаправления энергии в конструктивное

русло через различные занятия: увлечения, спорт, творческая деятельность.

Специфична для сотрудников правоохранительных органов способность предсказывать события, читать невербальные символы («Истории с дополнением»), ведь от быстроты реакции и прогнозирования ситуаций зависят качество проделанной работы, ее успешность или неуспешность. Необходимо отметить, что сотрудник правоохранительных органов, согласно предъявляемым к нему квалификационным требованиям, должен обладать высокими коммуникативными способностями, быть нравственным, профессионально грамотным, способным к конструктивному сотрудничеству. Таким специалистам присущи математический склад ума, склонность к логическим умозаключениям («Арифметические задачи»). Они способны думать символически, то есть анализировать и оценивать ситуацию как по отдельным деталям, так и в целом, осуществлять расчеты в уме, пользоваться законами и правилами, что, несомненно, важно в их профессиональной деятельности, так как эта работа характеризуется действием целого комплекса стресс-факторов (дефицит времени, ограничение пространства и др.). Высокий уровень развития вербальной кратковременной памяти («Память») является одним из необходимых ресурсов личности сотрудника правоохранительных органов. С ее помощью происходит запечатление ситуаций во время проведения различного рода мероприятий оперативно-режимного характера, что определяет последующее принятие решений.

Особенностью сотрудников социальной защиты населения является доминирование у них таких механизмов психологической защиты, которые характеризуются дезадаптивностью (регрессии, замещения, отрицания, компенсации, изоляции), а также считающихся адаптивными (юмора, последствия, присоединения, отреагирования на задачу). Искажающие защитные механизмы скрывают истинную информацию о личности. Регрессия защищает психику от тревоги и страха путем возврата к детской манере поведения. Использование социальными работниками данного механизма может говорить о их несдержанности, недовольстве, обидчивости, ранимости, чувстве вины. Чертой использующих замещение является повышенная чувствительность в коммуникативной сфере. Данный механизм включается в ситуациях, когда человек, не

справляясь со своими эмоциями, переносит все негативное на другой объект, который воспринимается им как недостаточно компетентный для того, чтобы самостоятельно справиться с возникающими проблемами и затруднениями. Особенностью применения механизма отрицания является непринятие реальности. Социальные работники могут иметь склонность к избеганию тревожной информации. Указанный механизм психологической защиты может проявляться в наличии таких личностных черт, как взволнованность, внушаемость, самовнушаемость, мнительность, артистизм, богатая фантазия, демонстративном поведении, а также предрасположенности к соматическим заболеваниям. Использование механизма компенсации говорит о том, что социальным работникам присуще восполнять свои личностные или физические недостатки за счет стремления к самосовершенствованию.

Сотрудникам социальной защиты населения свойственно применение адаптивных механизмов психологической защиты. Особенности использования юмора как эмоциональной разрядки являются сохранение самообладания, чувства собственного достоинства, самоконтроль. Юмор помогает социальным работникам при межличностном взаимодействии, посредством его регулируется уровень напряжения и снимаются барьеры в общении. Сотрудники органов социальной защиты населения отличаются способностью к словесно-логическому рассуждению («Дополнение предложений»), доминированием аналитико-синтетических способностей («Исключение слова», «Числовые ряды»), склонностью к обобщению («Аналогии»), абстракции («Обобщение»). Стоит отметить, что общая напряженность у сотрудников социальной защиты выше, чем у сотрудников правоохранительных органов.

В целом необходимо отметить, что к особенностям взаимосвязей механизмов психологической защиты с уровнем интеллекта сотрудников правоохранительных органов относятся сублимация, расщепление, арифметические задачи, истории с завершением, логическая или смысловая память. Широко используется сотрудниками такой механизм психологической защиты, как расщепление, характеризующее как черно-белое мышление, то есть восприятие информации через призму крайностей и противоположностей («хорошо – плохо», «да – нет», «все или ничто», «всегда – никогда» и т. д.). Данные лица

склонны к проявлению эмоций в межличностных отношениях. В их мировоззрении отсутствует место для ошибок и слабостей. Профессиональная деятельность выстроена таким образом, что любое неверное действие может привести к негативным последствиям, в результате чего значительным образом способно измениться отношение к самому себе (самоотношение) и, как следствие, снизиться самооценка. Служба в правоохранительных органах – это, прежде всего, работа в чрезвычайно опасных, стрессовых ситуациях, а такой механизм психологической защиты, как сублимация, может помочь уменьшить внутреннее напряжение личности после столкновения с психотравмирующими обстоятельствами.

Стоит отметить, что общая напряженность у сотрудников правоохранительных органов ниже, чем у социальных работников. Значимыми чертами сотрудников правоохранительных органов являются способности предсказывать события, читать невербальные реакции. Для них характерны математический склад ума, способность к логическим умозаключениям: они способны думать символически, то есть анализировать и оценивать ситуацию как по отдельным деталям, так и в целом, осуществлять расчеты в уме, пользоваться законами и правилами. Высокий уровень развития вербальной кратковременной памяти является одним из необходимых ресурсов личности сотрудника правоохранительных органов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грановская, Р. М. Защита личности: психологические механизмы / Р. М. Грановская, И. М. Никольская. – Санкт-Петербург : Знание, 2001. – 352 с. – ISBN 5-88729-046-3.
2. Киршбаум, Э. И. Психологическая защита / Эдуард Киршбаум, Алина Еремеева. – Москва : Смысл, 2005. – 175 с. – ISBN 5-89357-180-0.
3. Столяренко, Л. Д. Основы психологии : практикум / Л. Д. Столяренко. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2016. – 426 с. – ISBN 978-5-222-25459-2.

REFERENCES

1. Granovskaya R. M., Nikol'skaya I. M. *Zashchita lichnosti: psihologicheskie mekhanizmy* [Personal defense: psychological mechanisms]. St. Petersburg, 2001. 352 p. (In Russ.).
2. Kirshbaum E., Eremeeva A. *Psihologicheskaya zashchita* [Psychological defense]. Moscow, 2005. 175 p. (In Russ.).
3. Stolyarenko L. D. *Osnovy psihologii* [Foundations of Psychology]. Rostov-on-Don, 2016. 426 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTORS

ВИТАЛИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ ЛАПШИН – профессор кафедры психологии личности и специальной педагогики Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, г. Владимир, Российская Федерация, профессор кафедры психологии и педагогики профессиональной деятельности Владимирского юридического института ФСИН России, г. Владимир, Российская Федерация, доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, доцент. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6243-9532>, e-mail: ve_lapshin@mail.ru

ЕЛЕНА АНАТОЛЬЕВНА ВИНАРЧИК – доцент кафедры психологии личности и специальной педагогики Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, г. Владимир, Российская Федерация, кандидат психологических наук. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7341-5034>, e-mail: elena-vinarchik@rambler.ru

VITALIJ E. LAPSHIN – Professor of the Department of Personality Psychology and Special Pedagogy of the Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Professor of the Department of Psychology and Pedagogy of Professional Activity of the Vladimir Law Institute of the Federal Penal Service of Russia, Vladimir, Russian Federation, Dsc. in Pedagogics, PhD. in Law, Associate Professor. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6243-9532>, e-mail: ve_lapshin@mail.ru

ELENA A. VINARCHIK – Associate Professor of the Department of Personality Psychology and Special Pedagogy of the Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russian Federation, PhD. in Psychology. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7341-5034>, e-mail: elena-vinarchik@rambler.ru

Социально-психологический анализ взаимосвязи мотивации аутодеструкций и особенностей личности делинквентов

С. А. КРАСНЕНКОВА

УФСИН России по Воронежской области, г. Воронеж, Российская Федерация

Воронежский государственный педагогический университет, г. Воронеж, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8135-1854>, e-mail: skrasnenkova@mail.ru

Ю. А. КРЕНЕВА

Академия психологии и педагогики Южного Федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0705-3266>, e-mail: burd73@yandex.ru

Р е ф е р а т. Анализ результатов представленного в статье эмпирического исследования позволил выявить взаимосвязь мотивации аутодеструктивного поведения и особенностей личности делинквентов мужского пола, отбывающих наказание в пенитенциарных учреждениях Российской Федерации и состоящих на профилактическом учете как лица, склонные к совершению суицида и членовредительству.

Для осужденных указанной категории характерно стремление привлечь внимание окружающих к своим проблемам, что обусловлено желанием добиться сострадания, принятия. Несмотря на то что их аутодеструктивное поведение часто выглядит как демонстративно-шантажное, в большей степени его можно расценивать как крик о помощи. Отмечается склонность данных лиц воспринимать события своей жизни как уникальные, а себя как неординарную личность, что является предпосылкой к поиску исключительных вариантов выхода из складывающихся ситуаций, в частности путем совершения суицида. Окружающие люди в их представлении выступают как враги, не соответствующие субъективным представлениям о норме. При оценке ситуаций и событий эмоции преобладают над интеллектуальным контролем, что может выливаться в импульсивные действия, в том числе суицидального характера. Делинквентам присущи эмоциональная ригидность, а также сниженный уровень оптимизма, жизнелюбия и активности. Они тяжело переживают неудачи, могут неожиданно впасть в уныние, чрезмерно впечатлительны, не умеют быстро ориентироваться в стрессовой ситуации, часто внутренне напряжены, в конфликтной ситуации стремятся до конца отстаивать свою позицию, вспыльчивы, раздражительны.

Несмотря на высокую предрасположенность к аутодеструктивному поведению, в среднем у лиц данной категории обнаруживается высокий показатель по антисуицидальному фактору, что проявляется в боязни физических страданий.

Представленные результаты имеют несомненную практическую значимость для развития представлений о социально-психологических особенностях лиц с аутодеструктивными наклонностями, а также взаимосвязи этих особенностей в структуре личности, которые необходимо учитывать пенитенциарным психологам при планировании психокоррекционной работы.

Изучение взаимосвязи мотивации аутодеструкций и социально-психологических качеств личности делинквентов – одно из важных условий профилактики суицидального поведения осужденных в местах лишения свободы. Психологическая помощь осужденным, склонным к аутодеструктивному поведению, поможет снизить суицидальный риск, тем самым уменьшив риски асоциального поведения в целом.

Ключевые слова: аутодеструкция; делинквент; асоциальное поведение; суицидальный риск; социальная дезадаптация; мотивация аутодеструктивного поведения; социально-психологические качества личности; прикладное социально-психологическое исследование.

19.00.06 – Юридическая психология

Для цитирования: Красненкова С. А., Кренева Ю. А. Социально-психологический анализ взаимосвязи мотивации аутодеструкций и особенностей личности делинквентов. *Пенитенциарная наука*. 2020; 14(2):274–282. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-2-274-282.

Socio-psychological analysis of the correlation between the motivation of self-destruction and personality traits of delinquents

S. A. KRASNENKOVA

the Federal Penal Service of Russia of the Voronezh Region, Voronezh, Russian Federation

the Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8135-1854>, e-mail: skrasnenkova@mail.ru

YU. A. KRENEVA

the Academy of Psychology and Pedagogy of the Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0705-3266>, e-mail: burd73@yandex.ru

Abstract. An analysis of the results of an empirical study presented in the article revealed the relationship between the motivation of self-destructive behavior and personality traits of male delinquents serving sentences in prisons of the Russian Federation and registered as preventive individuals who are prone to commit suicide and self-mutilation.

Convicts of this category are characterized by a desire to attract the attention of others to their problems, which is due to the desire to achieve compassion, acceptance. Despite the fact that their self-destructive behavior often looks like demonstrative-blackmail, it can be regarded more as a cry for help. The tendency of these persons to perceive the events of their life as unique, and themselves as an extraordinary personality, what is a prerequisite for the search for exceptional ways out of emerging situations, in particular by committing suicide. The people around them appear as enemies that do not correspond to the subjective ideas about the norm. When assessing situations and events emotions prevail over intellectual control, which can result in impulsive actions, including suicidal ones. Delinquents are characterized by emotional rigidity as well as a reduced level of optimism, liveliness and activity. They are hard at experiencing setbacks, can suddenly become discouraged, overly impressionable, can not quickly navigate in a stressful situation, are often internally tense, in a conflict situation they strive to fully defend their position, are quick-tempered, irritable.

Despite a high predisposition to self-destructive behavior, on average, individuals in this category show a high rate of antisuicidal factor, which manifests itself in a fear of physical suffering.

The presented results are of undoubted practical importance for the development of ideas about the socio-psychological characteristics of individuals with self-destructive inclinations as well as the relationship of these features in the personality structure, which should be taken into account by prison psychologists when planning psycho-correctional work.

The study of the relationship between the motivation of self-destruction and the socio-psychological qualities of the personality of delinquents is one of the important conditions for the prevention of suicidal behavior of convicts in prison. Psychological assistance to convicts prone to self-destructive behavior will help reduce suicidal risk, thereby reducing the risks of antisocial behavior in general.

Key words: autodestruction; delinquent; antisocial behavior; suicidal risk; social maladaptation; motivation of self-destructive behavior; socio-psychological personality traits; applied socio-psychological research.

19.00.06 – Legal psychology

For citation: Krasnenkova S. A., Kreneva Yu. A. Socio-psychological analysis of the correlation between the motivation of self-destruction and personality traits of delinquents. *Penitenciarnaya nauka = Penitentiary Science*. 2020; 14(2):274-282. (In Russ.). DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-2-274-282.

Предотвращение аутодеструктивного поведения личности, крайней формой которого является суицид, – проблема весьма актуальная как для общества в целом, так и для пенитенциарной системы в част-

ности. Не секрет, что в местах лишения свободы оказываются в основном люди с нестабильной психикой и деструктивными установками по отношению к себе и окружающим.

Анализ источников позволил выделить следующие основные детерминанты формирования аутодеструктивных тенденций:

- неблагоприятная ситуация в родительской семье (асоциальная семья, деформированная семья, нарушение функционирования семьи, неспособность матери в раннем детстве обеспечить ребенку необходимый ему эмоциональный комфорт);

- внешняя психотравмирующая ситуация, вызывающая стресс и стремление его избежать;

- интерперсональный или внутриличностный конфликт, разрушающий личность и провоцирующий аутодеструктивные способы совладания со стрессогенной ситуацией (особенно при отсутствии адаптивных стереотипов поведения);

- неспособность к выработке адаптивных стратегий поведения в стрессе, стремление избежать психотравмирующего влияния условий жизни и деятельности любыми способами;

- мировоззренческий протест, то есть стремление сохранить свое Я, вопреки разрушающим это Я внешним факторам, воспринимаемым индивидом в качестве враждебных;

- сочетание статусно-личностных, ситуационных и эмоциональных факторов, влияние которого приводит личность к различным вариантам саморазрушающего поведения [6].

Разработка психокоррекционных программ, предназначенных для осужденных, склонных к совершению суицидальных действий и членовредительству, предполагает комплекс мероприятий, который должен начинаться с диагностики, имеющей своей целью определение личностных особенностей представителей данной категории и выявление мотивации аутодеструктивного поведения.

Таким образом, проблема заключается в необходимости установления взаимосвязи между мотивами совершения аутодеструктивных действий и социально-психологическими качествами личности делинквентов для разработки профилактических программ и проведения психокоррекционной работы.

Целью нашего эмпирического исследования стало изучение взаимосвязи между мотивами совершения аутодеструктивных действий и личностными особенностями осужденных, состоящих как склонные к совершению суицида и членовредительству на профилактическом учете в пенитенциарных учреждениях Российской Федерации.

Предметом исследования выступила взаимосвязь психологических особенностей личности делинквентов с мотивами совершения аутодеструктивных действий.

Объект исследования – социально-психологические особенности личности делинквентов, склонных к суицидальному поведению, и мотивы аутодеструкций.

Выборку составили делинквенты мужского пола, отбывающие наказание в пенитенциарных учреждениях Российской Федерации и состоящие на профилактическом учете как лица, склонные к совершению суицида и членовредительству, в количестве 59 чел., возрасте от 20 до 60 лет включительно (средний возраст – 35 лет).

Исследование было проведено для проверки гипотетического предположения о наличии связи между склонностью к аутодеструктивному поведению, а также факторами, препятствующими его формированию, с личностными особенностями делинквентов.

Теоретические, методические и эмпирические задачи:

- проанализировать подходы к изучению личностных особенностей категории лиц, склонных к аутодеструктивным проявлениям, и данные имеющихся в этой области исследований;

- осуществить подбор психодиагностического инструментария, позволяющего выявить мотивацию совершения аутодеструктивных действий и психологические особенности делинквентов;

- осуществить подбор математических методов для количественного анализа полученных данных, позволяющих выявить статистически достоверные взаимосвязи психологических особенностей и мотивации совершения аутодеструктивных действий делинквентами;

- провести эмпирическое исследование, позволяющее выявить взаимосвязь мотивации аутодеструкций и личностных особенностей делинквентов;

- провести статистический и социально-психологический анализ полученных результатов;

- разработать рекомендации для пенитенциарных психологов по психокоррекционной работе с осужденными, состоящими на профилактическом учете как лица, склонные к совершению суицида и членовредительству.

Методическими и теоретическими предпосылками исследования стали концептуальные подходы к аутодеструктивному поведению А. Г. Амбрумовой, Е. В. Зманов-

ской, Я. И. Гилинского, Я. И. Юнацкевича, Э. Дюркгейма, А. Н. Моховикова и других ученых [1; 2; 3; 4], теоретические и практические разработки, посвященные изучению характеристик лиц, склонных к аутодеструкции, Е. Т. Соколовой, Ю. А. Сотниковой [8], исследования, затрагивающие возрастные аспекты изучаемой проблематики, А. Г. Амбрумовой, А. А. Султанова [1; 9].

Для выявления степени суицидального риска и мотивов совершения аутодеструктивных действий использовался тест «Опросник суицидального риска» А. Г. Шмелева и И. Ю. Беяковой [10]. Для выявления личностных особенностей респондентов были применены две методики: «Мини-Мульт» В. П. Зайцева в адаптации Ф. Б. Березина и М. П. Мирошникова и «Ме-

тодика исследования акцентуаций характера» Г. Шмишека [7].

По итогам проведенной работы составлены усредненные диаграммы, дающие представление об общих особенностях выборки.

На рис. 1 представлены результаты исследования составляющих суицидального риска.

Учитывая тот факт, что критерием отбора респондентов для проведения исследования было выявление у них высоких показателей по четырем и более шкалам «Опросника суицидального риска», на предложенном рисунке ожидаемо представлены достаточно высокие значения шкал. Особый интерес для нас представляют наиболее выраженные показатели.

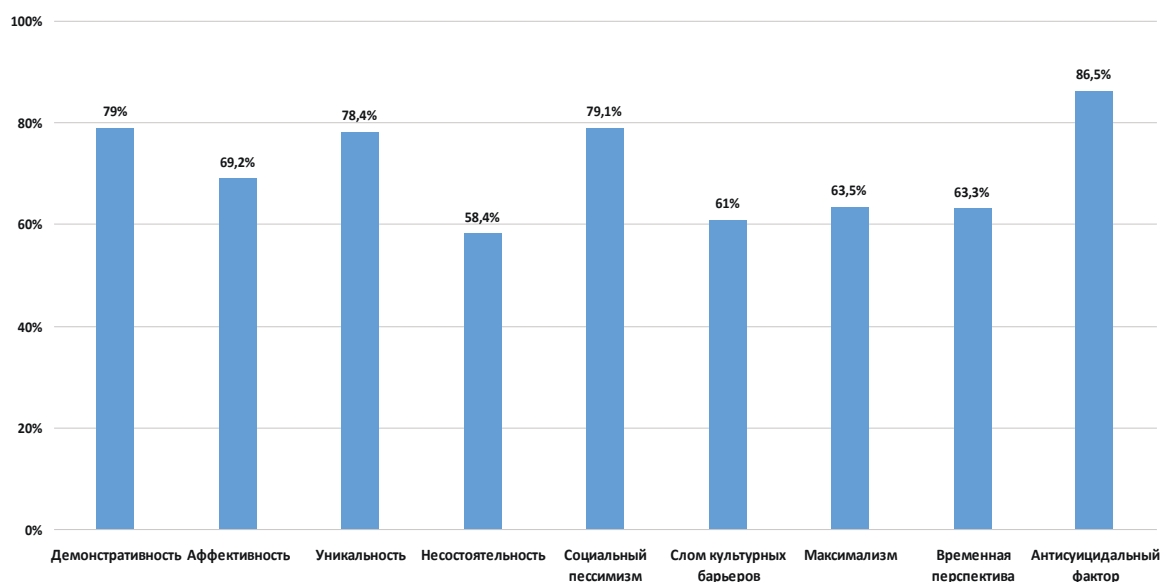

Рис. 1. Степень риска и мотивы аутодеструктивных действий («Опросник суицидального риска»)

Следует отметить, что, несмотря на высокую предрасположенность к аутодеструктивному поведению, в среднем у респондентов зафиксирован высокий сдерживающий от суицидальных действий фактор (АФ = 86,5 %), выражающийся в боязни физических страданий. Так, у 12 из 59 респондентов (20,3 % от выборки) показатель антисуицидального фактора находился на среднем уровне выраженности и только у двоих опрошенных (3,4 %) отсутствовал, у остальных же 76,3 % данный показатель был весьма высок.

Анализ выраженности факторов, обуславливающих вероятность суицидальных действий, позволил констатировать преоб-

ладание таких черт, как социальный пессимизм (79,1 %), демонстративность (79 %), уникальность (78,4 %) и аффективность (69,2 %). Как видно на диаграмме, представленной на рис. 1, все перечисленные показатели либо превышают отметку 70 %, либо приближаются к ней.

Таким образом, мы можем дать следующую психологическую характеристику категории осужденных, склонных к аутодеструктивному поведению, с точки зрения факторов суицидального риска.

В большинстве своем эта категория состоит из лиц, стремящихся привлечь внимание окружающих к своим несчастьям, что, вероятнее всего, обусловлено стремлением

добиться сострадания, принятия и понимания. Их демонстративное аутодеструктивное поведение, часто принимаемое за демонстративно-шантажное на основании внешнего сходства, можно расценивать, скорее, как крик о помощи, и здесь очень важно не ошибиться в интерпретации причин. Эти люди склонны воспринимать все события своей жизни как уникальные, а себя как незаурядную личность, что является предпосылкой к поиску исключительных вариантов выхода из складывающихся ситуаций. При этом окружающий мир и другие люди представляются им враждебно настроенными, не соответствующим их субъек-

тивным представлениям о норме. В частности, таким лицам может казаться, что кто-то из социального окружения целенаправленно стремится им навредить, хотя это совсем не так. При оценке ситуаций и событий эмоции у них преобладают над интеллектуальным контролем, вследствие чего личность может импульсивно отреагировать в обстоятельствах, субъективно воспринимаемых как психотравмирующие, что способно, в свою очередь, повлечь необратимые последствия.

Результаты исследования личностных особенностей респондентов представлены на рис. 2.

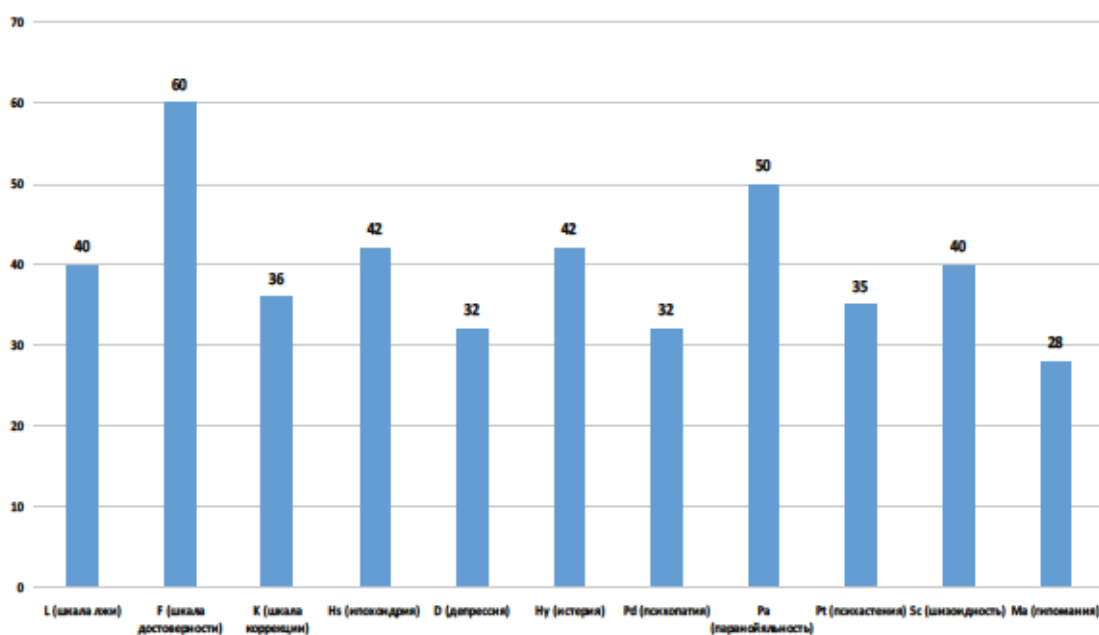

Рис. 2. Психологические качества личности («Мини-Мульт»)

В целом усредненный профиль, построенный в результате применения теста «Мини-Мульт», не поддается кодировке, поскольку значения всех шкал при перенесении их в профильный лист оказались в диапазоне до 50 Т-баллов, кроме шкалы достоверности (К), значение которой – 60 Т-баллов [7]. При этом наличие единственного пика на шкале паранойяльности, или ригидности (Pa), не выходящего за рамки нормального разброса (50 Т-баллов), позволяет говорить о респондентах как об обладающих устойчивыми интересами, упорных в отстаивании своего мнения, имеющих стеничные установки, занимающих активную позицию, усиливающуюся при противодействии внешних сил. Они верны своим принципам, проявляют прямолинейность в их защите. При наличии изобретательности и гибкости ума они ригидны

и трудно переключаются при смене ситуации. Для этого типа личности свойственны два ведущих защитных механизма психики: рационализация с обесцениванием объекта фрустрированной потребности (снижение значимости достижения цели) и отреагирование вовне по внешнеобвинительному типу на основе собственных проекций (приписывание окружающим собственных недоверчивости, враждебности и выплескивание на них гнева). Кроме того, показатели по шкале гипомании (Ma) ниже 40 Т-баллов (28 Т-баллов в полученном нами профиле) свидетельствуют о сниженном уровне оптимизма, жизнелюбия и активности.

Необходимо подчеркнуть, что эмоциональная ригидность в сочетании с демонстративностью в методике «Опросник суицидального риска» представляют собой

наиболее опасную комбинацию в смысле суицидального риска.

Усредненный график выраженности акцентуаций характера, выявленных при помощи теста Г. Шмишека, представлен на рис. 3.

Учитывая тот факт, что в качестве ведущих акцентуаций характера респондентов в их усредненном профиле выделились циклотимный и возбудимый типы, можно говорить о следующих ведущих личностных особенностях.

Для исследуемых лиц характерны значительные колебания настроения, они тяжело переживают неудачи, не всегда умеют дер-

жать себя в руках, могут неожиданно впасть в уныние, иногда предъявляют окружающим необоснованные обвинения в связи с ухудшением своего настроения, чрезмерно впечатлительны, не способны быстро ориентироваться в стрессовой ситуации. В своем поведении чаще всего руководствуются эмоциями, импульсом, при этом проявляют настойчивость в достижении конкретных, в том числе и сиюминутных, целей, испытывают внутреннюю напряженность, в конфликтной ситуации стремятся до конца отстаивать свою позицию, вспыльчивы, раздражаются по пустякам.

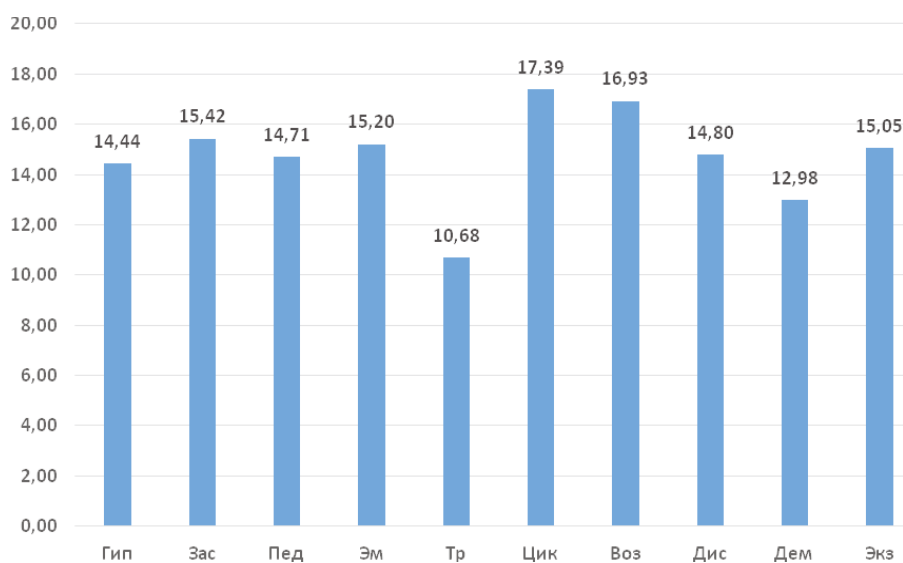

Рис. 3. Личностные особенности («Методика исследования акцентуаций характера»)

Нами был осуществлен корреляционный анализ статистически достоверных взаимосвязей между факторами суицидального

риска, наиболее выраженными у респондентов, и шкалами личностных опросников. Его результаты представлены в таблице.

Статистически достоверная взаимосвязь мотивации суицидальных действий и психологических качеств личности («Опросник суицидального риска» и «Мини-Мульт»)

Связанные показатели	Коэффициент корреляции	Уровень значимости
1	2	3
«Демонстративность» (ОСР) и «Психопатия» (ММ)	0,315**	0,010
«Демонстративность» (ОСР) и «Паранойяльность» (ММ)	0,394**	0,001
«Демонстративность» (ОСР) и «Шизоидность» (ММ)	0,287*	0,020
«Демонстративность» (ОСР) и «Застревание» (Шмишек)	0,349**	0,004
«Аффективность» (ОСР) и «Паранойяльность» (ММ)	0,344*	0,005
«Аффективность» (ОСР) и «Шизоидность» (ММ)	0,319**	0,009
«Аффективность» (ОСР) и «Гипомания» (ММ)	0,250*	0,043
«Аффективность» (ОСР) и «Циклотимия» (Шмишек)	0,268*	0,030

1	2	3
«Аффективность» (ОСР) и «Экзальтированность» (Шмишек)	0,284*	0,021
«Уникальность» (ОСР) и «Психопатия» (ММ)	0,288*	0,019
«Уникальность» (ОСР) и «Паранойяльность» (ММ)	0,371**	0,002
«Уникальность» (ОСР) и «Шизоидность» (ММ)	0,254*	0,040
«Социальный пессимизм» (ОСР) и «Истерия» (ММ)	-0,271*	0,028

Примечания: * Связь значима на уровне 0,05

** Связь значима на уровне 0,01

Из приведенной выше таблицы видно, что три показателя «Опросника суицидального риска» из четырех, наиболее выраженных у респондентов, а именно демонстративность, уникальность и аффективность, статистически достоверно прямо связаны с такими шкалами теста «Мини-Мульт», как паранойяльность и шизоидность.

Таким образом, мы можем говорить о том, что чем больше выражены эти три указанных фактора суицидального риска, тем сильнее могут проявляться эмоциональная ригидность, враждебное проецирование своих негативных установок на окружающих людей, а также уникальность и своеобразие восприятия ситуаций, мыслей и действий в них. Кроме того, демонстративность и уникальность статистически достоверно прямо коррелируют со шкалой психопатии, или импульсивности, теста «Мини-Мульт», что позволяет говорить о повышенной вероятности принятия импульсивных решений и непосредственной их реализации лицами с высокими показателями по указанным двум факторам теста «Опросник суицидального риска». Аффективность в тесте «Опросник суицидального риска» напрямую статистически достоверно связана со шкалой теста «Мини-Мульт» «гипомания», что свидетельствует об экзальтированности, беспечности и уверенности в своей везучести респондентов с выраженным показателем аффективности и, наоборот, снижении жизнелюбия, оптимизма и стрессоустойчивости, когда уровень аффективности невысок, что подтверждается наличием статистически достоверных прямых корреляционных связей, выявленных между фактором аффективности в тесте «Опросник суицидального риска» и такими типами акцентуаций характера, как циклотимность и экзальтированность, в тесте Г. Шмишека.

Фактор демонстративности в тесте «Опросник суицидального риска» также прямо статистически достоверно коррелирует с застревающим типом акцентуации, который характеризуется, в частности, стремлением к получению высоких оценок своей личности

со стороны окружающих, привычкой отстаивать свою точку зрения, критичностью по отношению к окружающим, предъявлением к ним повышенных требований, высокими уровнями чувствительности, обидчивости и эмоциональной неуравновешенности. Фактор же социального пессимизма в тесте «Опросник суицидального риска» обратной корреляционной связью статистически достоверно связан с показателем по шкале теста «Мини-Мульт» «истерия» (Ну). Это позволяет сделать вывод о том, что при высоком социальном пессимизме у исследуемой категории осужденных снижается уровень эмоциональной лабильности и, соответственно, повышается уровень ригидности, что, как уже было сказано выше, в сочетании с высоким показателем по фактору демонстративности в тесте «Опросник суицидального риска» повышает суицидальный риск.

Таким образом, мы можем выделить типичные личностные особенности, присущие категории делинквентов, у которых выявлена тенденция к аутодеструктивному (суицидальному) поведению, а именно получены высокие показатели по четырем и более факторам теста «Опросник суицидального риска»:

- указанной категории лиц присуще стремление привлекать внимание окружающих к своим несчастьям, обусловленное желанием добиться сочувствия, принятия и понимания;

- несмотря на то что их аутодеструктивное поведение часто принимается за демонстративно-шантажное, в большей степени его можно расценивать как крик о помощи;

- лица, относящиеся к данной категории, склонны воспринимать события своей жизни как уникальные, а себя как неординарную личность, что является предпосылкой к поиску исключительных вариантов выхода из складывающихся ситуаций, таких как суицид;

- окружающий мир и другие люди воспринимаются ими как враждебно настроенные, не соответствующие их субъективным представлениям о норме;

– при оценке ситуаций и событий у данных лиц эмоции преобладают над интеллектуальным контролем, что может вылиться в импульсивные действия, в том числе суицидального характера;

– для представителей данной категории характерны эмоциональная ригидность и враждебное отношение к миру, приписывание окружающим враждебного отношения, а также сниженный уровень оптимизма, жизнелюбия и активности, что в комплексе с выявленным у них высоким показателем по фактору демонстративности в методике «Опросник суицидального риска» является наиболее суицидоопасным сочетанием;

– они тяжело переживают неудачи, могут неожиданно впасть в уныние, чрезмерно впечатлительны, не умеют быстро ориентироваться в стрессовой ситуации, часто внутренне напряжены, в конфликтах стремятся до конца отстаивать свою позицию, вспыльчивы, раздражительны.

Все вышеперечисленные особенности прямо коррелируют со значениями по факторам «Опросник суицидального риска», то есть чем выше показатель, тем сильнее выраженность этих тенденций.

Несмотря на высокую предрасположенность к аутодеструктивному поведению, в среднем у лиц рассматриваемой категории выявлен высокий показатель по антисуицидальному фактору, что с определенной долей вероятности свидетельствует о боязни физических страданий. Это может быть использовано пенитенциарными психологами для формирования у данных осужденных мотивации на обращение за психологической помощью.

Важнейшей целью оказания психологической помощи является восстановление психического здоровья, основными задачами выступают оптимизация и приведение в норму психических состояний личности посредством психокоррекционной работы. Под

психокоррекцией нами понимается целенаправленная модификация личностной структуры психологическими средствами [5].

Психокоррекционные мероприятия в работе с осужденными, состоящими на профилактическом учете как лица, склонные к совершению суицида и членовредительству, по нашему мнению, должны быть направлены:

– на формирование мотивации к принятию своей жизненной ситуации и себя в этой ситуации;

– формирование внутреннего локуса контроля, развитие способности брать на себя ответственность за свою жизнь и события, в ней происходящие, иными словами, появление так называемого внутреннего взрослого, способного оказать поддержку независимо от отношений индивида с его социальным окружением;

– снятие комплекса уникальности проблем индивида и, как следствие, формирование у него способности принимать и применять чужой опыт конструктивного выхода из субъективно психотравмирующих ситуаций, а также вырабатывать свои конструктивные способы и делиться своим положительным опытом;

– формирование эмоционального самоконтроля, отслеживание собственных неконструктивных убеждений и мыслей, предупреждение импульсивных действий;

– повышение стрессоустойчивости и расширение арсенала стратегий поведения в конфликтных ситуациях.

Работа с вышеперечисленными тенденциями поможет минимизировать риск аутодеструктивного поведения, однако для стабильного функционирования в обществе в постпенитенциарный период необходимы длительное психокоррекционное воздействие и поддерживающее сопровождение, что возможно только при наличии достаточной мотивации к этому у самой личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Амбрумова, А. Г.** Психология самоубийства / А. Г. Амбрумова // Социальная и клиническая психиатрия. – 1996. – № 4. – С. 14–20.
2. **Гилинский, Я. И.** Социологические и психологические основы суицидологии / Я. И. Гилинский, П. И. Юнацкевич. – Санкт-Петербург : Сев.-зап. регион. мед. лечеб.-диагност. центр, 1999. – 338 с. – ISBN 5-900772-03-9.
3. **Дюркгейм, Э.** Самоубийство: социологический этюд / Э. Дюркгейм ; под редакцией В. А. Базарова. – Москва : Мысль, 1994. – 399 с. – ISBN 5-244-00574-X.
4. **Змановская, Е. В.** Девиантология (Психология отклоняющегося поведения) / Е. В. Змановская. – Москва : Академия, 2003. – 288 с. – ISBN 5-7695-1248-2.
5. **Красненкова, С. А.** К вопросу о современном состоянии психокоррекционной работы в пенитенциарной практике / С. А. Красненкова // Прикладная юридическая психология. – 2008. – № 4. – С. 93–98.
6. **Кренева, Ю. А.** Девиантное поведение сотрудников пенитенциарной системы : учебно-методическое пособие / Ю. А. Кренева ; ответственный редактор С. Б. Целиковский. – Ростов-на-Дону : ЮФУ, 2009. – 49 с.
7. Практическая психодиагностика. Методики и тесты : учебное пособие / редактор-составитель Д. Я. Райгородский. – Самара : БАХРАХ-М, 2001. – 672 с. – ISBN 5-89570-005-5.

8. Соколова, Е. Т. Проблема суицида: клинико-психологический ракурс / Е. Т. Соколова, Ю. А. Сотникова // Вопросы психологии. – 2006. – № 2. – С. 103–115.
9. Султанов, А. А. К вопросу о суицидальном поведении практически здоровых лиц молодого возраста / А. А. Султанов // Научные и организационные проблемы суицидологии : сборник научных трудов / ответственный редактор В. В. Ковалев. – Москва : Московский НИИ психиатрии МЗ РСФСР, 1983. – С. 94–96.
10. Шмелев, А. Г. Опросник суицидального риска / А. Г. Шмелев, И. Ю. Белякова // Практикум по психодиагностике. Прикладная психодиагностика / под редакцией С. Р. Панттилеева. – Москва : МГУ, 1992. – С. 3–8.

REFERENCES

1. Ambrumova A. G. Psihologiya samoubijstva [Psychology of suicide]. *Social'naya i klinicheskaya psihiatriya – Social and Clinical Psychiatry*, 1996, no. 4, pp. 14–20. (In Russ.).
2. Gilinskij YA. I., YUnackevich P. I. *Sociologicheskie i psihologicheskie osnovy suicidologii* [Sociological and psychological foundations of suicidology]. St. Petersburg, 1999. 338 p. (In Russ.).
3. Dyurkgejm E. *Samoubijstvo: sociologicheskij etjud* [Suicide: A Sociological Study]. Moscow, 1994. 399 p. (In Russ.).
4. Zmanovskaya E. V. Deviantologiya (Psihologiya otklonayushchegosya povedeniya) [Deviantology (Psychology of deviant behavior)]. Moscow, 2003. 288 p. (In Russ.).
5. Krasnenkova S. A. K voprosu o sovremennom sostoyanii psihokorrekcionnoj raboty v penitenciarnoj praktike [On the current state of psychocorrectional work in penitentiary practice]. *Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya – Applied Legal Psychology*, 2008, no. 4, pp. 93–98. (In Russ.).
6. Kreneva YU. A. *Deviantnoe povedenie sotrudnikov penitenciarnoj sistemy* [Deviant behavior of the prison staff]. Rostov-on-Don, 2009. 49 p. (In Russ.).
7. Rajgorodskij D. YA. (red.) *Prakticheskaya psihodiagnostika. Metodiki i testy* [Practical psychodiagnostics. Methods and Tests]. Samara, 2001. 672 p. (In Russ.).
8. Sokolova E. T., Sotnikova YU. A. Problema suicida: kliniko-psihologicheskij rakurs [The problem of suicide: a clinical and psychological foreshortening]. *Voprosy psihologii – Psychology Issues*, 2006, no. 2, pp. 103–115. (In Russ.).
9. Sultanov A. A. K voprosu o suicidal'nom povedenii prakticheski zdorovyh lic mladogo vozrasta [On the issue of suicidal behavior of healthy young people]. *Nauchnye i organizacionnye problemy suicidologii* [Scientific and organizational problems of suicidology]. Moscow, 1983, pp. 94–96. (In Russ.).
10. SHmelev A. G., Belyakova I. YU. *Oprosnik suicidal'nogo riska* [Suicide Risk Questionnaire]. *Praktikum po psihodiagnostike. Prikladnaya psihodiagnostika* [Workshop on psychodiagnostics. Applied Psychodiagnostics]. Moscow, 1992, pp. 3–8. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTORS

СВЕТЛАНА АЛЕКСАНДРОВНА КРАСНЕНКОВА – начальник психологической службы отдела воспитательной и социальной работы с осужденными Управления Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации по Воронежской области, г. Воронеж, Российская Федерация, доцент кафедры практической психологии Воронежского государственного педагогического университета, г. Воронеж, Российская Федерация, кандидат психологических наук. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8135-1854>, e-mail: skrasnenkova@mail.ru

ЮЛИЯ АНАТОЛИЕВНА КРЕНЕВА – доцент кафедры психологии управления и юридической психологии Академии психологии и педагогики Южного Федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, кандидат психологических наук. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0705-3266>, e-mail: burd73@yandex.ru

SVETLANA A. KRASNENKOVA – Head of the Psychological Department of Social and Psychological Work with Convicts of the Federal Penal Service of Russia in the Voronezh Region, Voronezh, Russian Federation, Associate Professor of the Department of Practical Psychology of the Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russian Federation, PhD. in Psychology. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8135-1854>, e-mail: skrasnenkova@mail.ru

YULIYA A. KRENEVA – Associate Professor of the Department of Management and Legal Psychology of the Academy of Psychology and Pedagogy of the Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation, PhD. in Psychology. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0705-3266>, e-mail: burd73@yandex.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-2-283-287

УДК 378.6:343.83

Теоретические аспекты профессиональной социализации будущего сотрудника ФСИН России

Л. В. КОВТУНЕНКО

Научно-исследовательский институт ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0030-4536>, e-mail: kovtunenkolv@mail.ru**М. Б. ТРУБЧАНИНОВ**

Воронежский институт ФСИН России, г. Воронеж, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1520-1177>, e-mail: trubchaninov80@mail.ru

Реферат. Актуальность рассматриваемой в статье проблемы определена задачами подготовки кадров новой формации в условиях реализации политики сокращения штатной численности работников уголовно-исполнительной системы.

Целью обучения сегодня является не столько трансляция знаний, сколько создание условий для реализации личностного потенциала обучающихся, становления и развития их субъектности.

В статье рассматриваются теоретические аспекты профессиональной социализации будущего сотрудника уголовно-исполнительной системы в период обучения в образовательных организациях. Авторы дают определение понятия «профессиональная социализация будущего сотрудника ФСИН России», рассматривают факторы, влияющие на ее формирование, определяют актуальность проблемы профессиональной социализации в период обучения в ведомственной образовательной организации. Важную роль в профессиональной социализации будущих сотрудников уголовно-исполнительной системы играет педагогическое сопровождение, структурными компонентами которого являются профессионально-психологический отбор кандидатов на службу, педагогическая помощь и поддержка, психолого-педагогическое просвещение, мониторинг и контроль формирования и развития профессионально значимых качеств, профессиональной компетентности.

В результате исследования сделан следующий вывод: в целях реализации потенциала образовательной среды при осуществлении профессиональной социализации будущих сотрудников ФСИН России следует учитывать специфику ведомственной образовательной организации, особенности субъектов взаимодействия, характеристику различных сторон профессиональной социализации.

Ключевые слова: профессиональная социализация; сотрудник ФСИН России; ведомственная образовательная организация; факторы профессиональной социализации; потенциал образовательной среды; индивидуальная траектория развития; педагогическое сопровождение.

13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образования

Для цитирования: Ковтуненко Л. В., Трубчанинов М. Б. Теоретические аспекты профессиональной социализации будущего сотрудника ФСИН России. *Пенитенциарная наука*. 2020; 14(2):283–287. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-2-283-287.

Theoretical aspects of professional socialization of a future employee of the Federal Penal Service of Russia

L. V. KOVTUNENKO

the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0030-4536>, e-mail: kovtunenkolv@mail.ru

M. B. TRUBCHANINOV

the Voronezh Institute of the Federal Penal Service of Russia, Voronezh, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1520-1177>, e-mail: trubchaninov80@mail.ru

Abstract. The relevance of the problem considered in the article is determined by the tasks of training personnel of new formation in the context of implementing a policy of reducing the number of employees in the penal system.

The purpose of training today is not so much the translation of knowledge as the creation of conditions for the realization of the personal potential of students, the formation and development of their subjectness.

The article discusses the theoretical aspects of professional socialization of a future penal system employee during his study at educational organizations. The authors define the concept of "professional socialization of a future employee of the Federal Penal Service of Russia", consider the factors affecting its formation, determine the relevance of the problem of professional socialization during training in a departmental educational organization. An important role in the professional socialization of future employees of the penal system is played by pedagogical support, the structural components of which are the professional and psychological selection of candidates for the service, pedagogical assistance and support, psychological and pedagogical education, monitoring and control of the formation and development of professionally significant qualities, professional competence.

As a result of the study the following conclusion was made: in order to realize the potential of the educational environment in the implementation of professional socialization of future employees of the Federal Penal Service of Russia, the specifics of the departmental educational organization, the characteristics of the subjects of interaction and the characteristics of various aspects of professional socialization should be taken into account.

Key words: professional socialization; employee of the Federal Penal Service of Russia; departmental educational organization; factors of professional socialization; educational potential; individual development trajectory; pedagogical support.

13.00.01 – General pedagogy, history of pedagogy and education

For citation: Kovtunen L. V., Trubchaninov M. B. Theoretical aspects of professional socialization of a future employee of the Federal Penal Service of Russia *Penitenciarnaya nauka = Penitentiary Science*. 2020; 14(2):283–287. (In Russ.). DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-2-283-287.

Реформирование российской системы образования обозначило новые задачи в профессиональной подготовке будущих сотрудников Федеральной службы исполнения наказаний.

Одной из наиболее существенных задач является подготовка профессионально компетентных специалистов и социально развитых личностей, обладающих познавательной активностью и самостоятельностью, способных реализовывать приобретенные знания и навыки в процессе профессиональной самореализации.

Деятельность уголовно-исполнительной системы как института исполнения наказаний во многом зависит от социально-экономической политики государства, материально-технической базы исправительных учреждений, но в то же время значительную роль играет компетентность персонала, его моральная зрелость, уровень правовой культуры, профессиональной мотивации. Именно поэтому одним из приоритетных направлений деятельности ФСИН России в условиях реализации политики сокращения штатной численности работников уголовно-

исполнительной системы выступает подготовка кадров новой формации.

Целью обучения сегодня является не столько трансляция знаний, сколько создание условий для реализации личностного потенциала обучающихся, становления и развития их субъектности. Новые образовательные технологии, обладая огромным потенциалом для повышения качества образования, развития способности у обучаемых самостоятельно добывать знания, повышать свое профессиональное мастерство, могут и должны помочь в решении поставленных задач.

Обеспечение эффективной и качественной реализации имеющихся профессиональных знаний и компетенций в практике исполнения наказаний зависит в том числе от уровня профессиональной социализации сотрудников. Так, профессиональная социализация будущих сотрудников уголовно-исполнительной системы «в процессе обучения с использованием образовательных технологий способствует не только формированию профессиональных компетенций, но и развитию личности с помощью сознательно организованных педагогических воздействий» [4, с. 16].

Профессиональная социализация будущих сотрудников уголовно-исполнительной системы сегодня осуществляется не только в процессе обучения, но и путем реализации воспитательной и психологической работы с курсантами.

Считаем, что профессиональная социализация и личностный рост будущих сотрудников более результативны, если обеспечены педагогическим сопровождением, под которым понимается процесс психолого-педагогического влияния сотрудников образовательной организации на личность курсантов с целью их успешной адаптации к профессиональной деятельности, формирования у них профессионально значимых качеств, профессиональной компетентности, что способствует более успешной социализации в профессии.

Педагогическое сопровождение будущих сотрудников уголовно-исполнительной системы в период обучения в образовательной организации включает в себя:

- профессионально-психологический отбор кандидатов на службу в уголовно-исполнительную систему;
- педагогическую помощь и поддержку;
- психолого-педагогическое просвещение;
- мониторинг и контроль формирования и развития профессионально значимых

качеств, профессиональной компетентности.

Современная профессиональная среда сотрудников службы исполнения наказаний заставляет продуманно и обоснованно подходить к профессиональной социализации курсантов, выбору содержания образования, определению целей при организации и проведении воспитательной работы с ними. Профессиональная социализация курсантов как будущих сотрудников уголовно-исполнительной системы в период обучения их в ведомственной образовательной организации представляет собой процесс активного включения их в профессиональную образовательную среду, усвоение ее ценностей, норм, развитие мотивации профессиональной деятельности, формирование профессиональных компетенций.

Анализ психолого-педагогической литературы по проблеме профессиональной социализации позволил систематизировать имеющиеся знания по данной теме, выделить теоретические подходы ее решения, определить значение профессиональной социализации будущих сотрудников уголовно-исполнительной системы в период обучения в образовательной организации.

Вопросы социализации студенческой молодежи в образовательном процессе освещены в исследованиях О. В. Василенко, Г. П. Ивановой, Э. Ф. Шакировой [1; 2]. Проблемы профессиональной социализации рассматриваются в работах С. И. Иконниковой, В. Т. Лисовского, В. А. Нечаева и др., особенности данного процесса анализируются С. Н. Макаровой [5], на вопросах профессионального самоопределения делает акцент Е. А. Климов [3].

Цель профессиональной социализации определяется как «усвоение принципов, позволяющих функционировать в том или ином профессиональном сообществе, а также принятие на личностном уровне ценностей профессионального коллектива, что таким образом помогает индивиду в качестве становления в роли профессионала» [6, с. 37].

Профессиональную социализацию будущих сотрудников службы исполнения наказаний следует рассматривать как процесс развития адаптационно-интегративных характеристик личности, обеспечивающих успешное включение в профессиональную деятельность, формирующих способность поддерживать высокий уровень профессиональной мобильности и компетентности. В процессе профессиональной социализации будущие сотрудники уголовно-исполни-

тельной системы должны усвоить ценности и нормы поведения в профессиональной сфере.

Профессиональная социализация в период обучения в образовательной организации, по сути, представляет собой процесс становления специалиста и включения его в профессиональную среду. Поэтому управление профессиональной социализацией курсантов является важнейшей задачей системы ведомственного образования. В образовательной среде формируется специфическое пространство, которое профессионально социализирует обучающегося, формирует его как будущего специалиста.

Профессиональная социализация представляет собой двусторонний процесс: с одной стороны, на курсанта активно воздействуют профессиональная среда образовательной организации, администрация и профессорско-преподавательский состав, командиры взводов, другие курсанты, которые помогают в адаптации к профессии, формировании профессиональных навыков, приобретении профессиональной компетентности; с другой стороны, сами курсанты, являясь субъектами профессиональной социализации, усваивая знания и приобретая практические навыки, оказывают влияние на образовательный процесс и свою профессиональную социализацию. Социализирующая роль образовательной организации заключается в первоначальной адаптации к профессиональной среде, она не сводится к простому приобретению знаний и контролю их усвоения, а предполагает ориентацию на будущую профессиональную среду их практической деятельности.

В процессе обучения познавательная активность и интересы курсантов постепенно изменяются, возрастает потребность в приобретении профессионально специальных компетенций, которые обеспечивают успешность в будущей профессиональной деятельности. Профессиональная социализация будущего сотрудника становится успешной, если он освоил социальные ценности, роли и правила поведения профессионального сообщества, которые стали для него нормой поведения в соответствии с занимаемым статусом сотрудника службы исполнения наказаний.

Таким образом, специалист должен не только обладать профессиональными знаниями, но и умением применять их на практике, проявлять инициативу, осознавать значимость своей профессии для общества, быть готовым разрешать профессиональные проблемы в меняющихся социальных условиях. Процесс профессиональной социализации будущего специалиста уголовно-исполнительной системы в период обучения в образовательной организации можно считать первичной профессионализацией. Она состоит в приобретении профессиональных умений и навыков, компетенций, обеспечивающих успешность профессиональной деятельности. Необходимым условием успешной профессиональной социализации будущего сотрудника уголовно-исполнительной системы следует отметить освоение им в период обучения в образовательной организации основных социальных и профессиональных функций, чему должно способствовать расширение социализирующего потенциала среды образовательной организации, построение индивидуальной траектории развития с учетом особенностей личности.

Результатом успешности этапа профессиональной социализации в период обучения в образовательной организации является окончание профессионального образования и получение профессиональной квалификации.

Таким образом, актуальность профессиональной социализации будущих сотрудников уголовно-исполнительной системы в период обучения в ведомственной образовательной организации определяется следующими причинами:

- 1) профессиональная социализация значима для компетентного решения задач, поставленных государством перед уголовно-исполнительной системой;
- 2) требование общества от любого специалиста субъектной позиции в контексте его профессиональной деятельности определяет направленность социализации на формирование у курсантов не только профессионально необходимых знаний, умений, навыков, но и способности самостоятельно выстраивать служебные отношения и компетентно выполнять должностные обязанности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Василенко, О. В.** Социализация студенческой молодежи в образовательном процессе : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Василенко Оксана Витальевна. – Чебоксары, 2003. – 21 с.

2. **Иванова, Г. П.** Педагогические условия формирования социально активной личности студента / Г. П. Иванова, Э. Ф. Шакирова // *Акмеология*. – 2012. – № 3. – С. 51–56.
3. **Климов, Е. А.** Психология профессионального самоопределения / Е. А. Климов. – Москва : Академия, 2004. – 305 с. – ISBN 5-7695-1506-6.
4. **Ковтуненко, Л. В.** Профессиональное становление сотрудников службы исполнения наказаний в ведомственных образовательных учреждениях : монография / Л. В. Ковтуненко. – Воронеж : Научная книга, 2009. – 206 с. – ISBN 978-5-98222-610-5.
5. **Макарова, С. Н.** Успешная профессиональная социализация: основные подходы к исследованию / С. Н. Макарова // *Вестник Челябинского государственного университета*. – 2007. – № 17. – С. 145–155.
6. **Перинская, Н. А.** Социальная идентичность как результат профессиональной социализации / Н. А. Перинская // *Социологический сборник*. Вып. 4. – Москва : Социум, 1998. – С. 36–40.

REFERENCES

1. Vasilenko O. V. *Socializaciya studencheskoj molodezhi v obrazovatel'nom processe. Avtoref. diss. kand. filosof. nauk* [Socialization of students in the educational process. Author's abstract of diss. PhD. in Philosophy]. Cheboksary, 2003. 21 p. (In Russ.).
2. Ivanova G. P., SHakirova E. F. *Pedagogicheskie usloviya formirovaniya social'no aktivnoj lichnosti studenta* [Pedagogical conditions for the formation of a socially active student personality]. *Akmeologiya – Acmeology*, 2012, no. 3, pp. 51–56. (In Russ.).
3. Klimov E. A. *Psihologiya professional'nogo samoopredeleniya* [Psychology of professional self-determination]. Moscow, 2004. 305 p. (In Russ.).
4. Kovtunencko L. V. *Professional'noe stanovlenie sotrudnikov sluzhby ispolneniya nakazaniy v vedomstvennyh obrazovatel'nyh uchrezhdeniyah* [Professional development of employees of the penal service in departmental educational institutions]. Voronezh, 2009. 206 p. (In Russ.).
5. Makarova S. N. *Uspeshnaya professional'naya socializaciya: osnovnye podhody k issledovaniyu* [Successful Professional Socialization: Key Research Approaches]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2007, no. 17, pp. 145–155. (In Russ.).
6. Perinskaya N. A. *Social'naya identichnost' kak rezul'tat professional'noj socializacii* [Social identity as a result of professional socialization]. *Sociologicheskij sbornik. Vyp. 4* [Sociological collection. Issue 4]. Moscow, 1998, pp. 36–40. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTORS

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА КОВТУНЕНКО – старший научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация, доктор педагогических наук, доцент. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0030-4536>, e-mail: kovtunenkolv@mail.ru
МИХАИЛ БОРИСОВИЧ ТРУБЧАНИНОВ – начальник курса Воронежского института ФСИН России, г. Воронеж, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1520-1177>, e-mail: trubchaninov80@mail.ru

LYUBOV' V. KOVTUNENKO – Senior Researcher of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, Moscow, Russian Federation, Dsc. in Pedagogics, Associate Professor. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0030-4536>, e-mail: kovtunenkolv@mail.ru
MIHAIL B. TRUBCHANINOV – Course Head of the Voronezh Institute of the Federal Penal Service of Russia, Voronezh, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1520-1177>, e-mail: trubchaninov80@mail.ru

DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-2-287-293

УДК 37.013

Модель формирования эмоционально-волевой устойчивости курсантов военных вузов

В. Р. КИСЛОВ

Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны, г. Ярославль, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8178-3964>, e-mail: kislov.vladlen@yandex.ru

Реферат. Актуальность проблемы формирования эмоционально-волевой устойчивости курсантов военных вузов, представляющих собой особый совокупный субъект социальных отношений, обусловлена коренными изменениями в духовно-нравственной жизни российского общества, армии и флота. В настоящее время становление и дальнейшее развитие эмоционально-волевой устойчивости будущих офицеров является приоритетным вопросом, так как далеко не все военнослужащие психологически готовы к эффективному исполнению своих профессиональных обязанностей, овладению современными технологиями в сложных и

экстремальных условиях. Недостаточная разработанность в психолого-педагогической науке теоретических предпосылок вызывает необходимость дополнительного изучения условий и средств формирования эмоционально-волевой устойчивости курсантов военных вузов и поиска новых подходов в данном направлении деятельности. В статье представлена модель становления эмоционально-волевой устойчивости обучающихся военных вузов, разработанная на основе теоретического анализа аксиологических подходов к понятию «эмоционально-волевая устойчивость» и методологических подходов к природе данного феномена. В рамках предложенной модели основной целью педагогической деятельности представляется содействие формированию у курсантов эмоционально-волевой устойчивости, позволяющей контролировать проявление эмоций и адекватно действовать в напряженных эмоциональных ситуациях, связанных с выполнением профессиональной военной деятельности.

Рефлексивно-деятельностный и средовой подходы выступают в качестве основополагающих в изучении данного вопроса, поскольку становление эмоционально-волевой устойчивости у курсантов происходит в процессе деятельности на основе личностного осмысления в условиях военной образовательной среды, имеющей ряд отличительных особенностей. Кроме того, указанные подходы активизируют не только образовательный, но и мотивационный и коммуникативный потенциалы будущих офицеров.

Ключевые слова: эмоционально-волевая устойчивость; военная образовательная среда; рефлексивно-деятельностный подход; средовой подход; рефлексия; деятельность.

13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образования

Для цитирования: Кислов В. Р. Модель формирования эмоционально-волевой устойчивости курсантов военных вузов. *Пенитенциарная наука*. 2020; 14(2):287–293. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-2-287-293.

A model for formation emotional-volitional stability of cadets of military universities

V. R. KISLOV

the Yaroslavl Higher Military Institute of the Air Defense of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Yaroslavl, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8178-3964>, e-mail: kislov.vladlen@yandex.ru

Abstract. The urgency of the problem of formation emotional-volitional stability of cadets of military universities, which are a special aggregate subject of social relations, is due to radical changes in the spiritual and moral life of Russian society, the army and navy. At present the formation and further development of emotional-volitional stability of future officers is a priority issue, since not all military personnel is psychologically ready for the effective fulfillment of their professional duties in mastering modern technologies in difficult and extreme conditions. The insufficient development of theoretical premises in psychological and pedagogical science necessitates an additional study of the conditions and means of forming the emotional-volitional stability of cadets of military universities and the search for new approaches in this area of activity. The article presents a model of the formation emotional-volitional stability of students of military universities, developed on the basis of a theoretical analysis of axiological approaches to the concept of “emotional-volitional stability” and methodological approaches to the nature of this phenomenon. Within the framework of the proposed model the main goal of pedagogical activity is to promote the formation of emotional-volitional stability among cadets, which makes it possible to control the manifestation of emotions and adequately act in tense emotional situations related to the professional military activities.

Reflexive-activity and environmental approaches are fundamental in the study of this issue, since the formation of emotional-volitional stability among cadets occurs in the process of activity on the basis of personal understanding in a military educational environment that has a number of distinctive features. In addition these approaches activate not only the educational, but also the motivational and communicative potentials of future officers.

Key words: emotional-volitional stability; military educational environment; reflective-activity approach; environmental approach; reflection, activity.

13.00.01 – General pedagogy, the history of pedagogy and education

For citation: Kislov V. R. A model for formation emotional-volitional stability of cadets of military universities. *Penitenciarnaya nauka = Penitentiary Science*. 2020; 14 (2):287–293. (In Russ.). DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-2-287-293.

Подготовка высококвалифицированных военных кадров является фундаментом развития Вооруженных Сил Российской Федерации и занимает важное место в системе военно-технического сотрудничества нашего государства. Несомненно, повышение морально-боевого духа и профессионализма военнослужащих на сегодняшний день является актуальной задачей, стоящей перед командованием и личным составом, поскольку методы и формы ведения современных боевых действий совершенствуются и усложняются.

Многочисленные исследования, посвященные прагматическо-профессиональным аспектам подготовки курсантов военных образовательных организаций профессионального образования, и недостаточная разработанность проблемы становления эмоционально-волевой устойчивости порождают противоречие между необходимостью формирования данного эмоционального качества и отсутствием теоретической базы, потребностью профессорско-преподавательского состава военных университетов (институтов) в его научно-методическом обеспечении.

Исходя из сказанного, выявление и обоснование педагогических условий формирования эмоционально-волевой устойчивости курсантов высших военных учебных заведений представляются нам чрезвычайно актуальными.

Существуют различные точки зрения на содержание понятия «эмоционально-волевая устойчивость». Так, Л. М. Аболин считает, что «это свойство, характеризующее индивида в процессе напряженной деятельности, отдельные эмоционально-волевые компоненты которого, гармонически взаимодействуя между собой, способствуют успешному достижению поставленной цели» [1, с. 36]. В. М. Писаренко утверждает, что под эмоционально-волевой устойчивостью следует понимать «ее способность отвечать на напряженные ситуации таким изменением эмоционального состояния, которое приведет не к уменьшению, а к увеличению работоспособности» [7, с. 51]. Автор убежден, что «в основе крепкой эмоционально-волевой устойчивости находится высокая степень автоматизации

и большой запас профессиональных навыков, базирующихся на разнообразной физической подготовленности» [7, с. 54]. Е. А. Милерян указывает, что под эмоционально-волевой устойчивостью следует понимать, «с одной стороны, невосприимчивость к эмоциональным факторам, оказывающим отрицательное влияние на психическое состояние человека, а с другой – способность контролировать и сдерживать свое поведение в напряженной обстановке» [4, с. 146]. Исследователь связывает эмоциональную устойчивость «с проявлением волевых качеств личности, способностью сознательно управлять возникающими эмоциями». К. К. Платонов определил эмоционально-волевою устойчивостью как «способность управлять своими эмоциями, сохранять высокую профессиональную работоспособность, осуществлять сложную и опасную деятельность без напряженности, несмотря на эмоциогенные воздействия» [8, с. 170–171].

Среди зарубежных авторов проблемой эмоциональной устойчивости занимался американский психолог Дж. Гилфорд, который рассматривал ее как преобладание процессов торможения над процессами возбуждения, а эмоциональную неустойчивость как характеризующуюся пессимистичностью, легкой возбудимостью и колебанием настроения. Британский и американский психолог Р. Кеттелл, проведя масштабное исследование с использованием факторного анализа, отнес к эмоциональной устойчивости личности такие качества, как зрелость, реалистичность и спокойствие, а к эмоциональной неустойчивости – неустойчивость, нереалистичность и неконтролируемость.

В нашем исследовании под эмоционально-волевой устойчивостью понимается свойство личности, позволяющее контролировать проявление эмоций и адекватно действовать в напряженных эмоциональных ситуациях, связанных с выполнением профессиональной военной деятельности. Будучи дополненной комплексом необходимых когнитивных и волевых качеств, эмоционально-волевая устойчивость должна сыграть свою положительную роль в боевой деятельности военнослужащего.

Модель формирования эмоционально-волевой устойчивости обучающихся военного вуза можно представить как взаимосвязь ценностно-целевого, содержательно-организационного и аналитико-рефлексивного компонентов.

В военной педагогике существуют различные методологические подходы к организации обучения и воспитания курсантов: аксиологический, событийный, деятельностный, субъектно-деятельностный, функциональный, программно-целевой, системный, рефлексивный, компетентностный и др.

В вопросе формирования личности курсантов деятельностный подход к организации обучения и воспитания будущих офицеров будет иметь больше теоретико-методологических преимуществ перед другими подходами.

При разработке модели формирования эмоционально-волевой устойчивости обучающихся нами были выделены следующие составляющие данного феномена:

- ценностные ориентации;
- эмоциональные характеристики;
- система волевых качеств;
- морально-психологическая готовность к выполнению боевых задач.

Основными средствами формирования эмоционально-волевой устойчивости выступают самостоятельная деятельность и рефлексия. Разработанный ярославской педагогической школой рефлексивно-деятельностный подход (Л. В. Байбородова, Т. Н. Гущина, М. И. Рожков, А. П. Чернявская и др.), предполагающий формирование ценностей в процессе деятельности на основе личностного осмысления, в данном исследовании был выбран в качестве методологической основы.

Современная педагогика рассматривает обучающегося как субъекта – «высшую системную целостность человека» [2, с. 24]. Субъектность как интегративная сущностная характеристика личности проявляется прежде всего в активности, рефлексивности и осознанности ценностных ориентаций [3, с. 17]. Объединение данных качеств в структуру субъекта обеспечивает его целостность. При рефлексивно-деятельностном подходе деятельность является средством и решающим условием развития личности, так как без активного участия самого субъекта деятельности будет трудно организовать рефлексию опыта и прогнозировать будущее. Развитие субъектности обучающегося принято рассматривать в систем-

ном взаимодействии педагогов и обучающихся. По мнению Т. Н. Гущиной, «подобное взаимодействие будет направлено на создание педагогических условий для выражения внутренних побуждений обучающегося к пониманию собственных возможностей и к дальнейшей эффективной деятельности. Идея поддержки и уникальности каждой личности трансформировалась в идею педагогического сопровождения, которая в настоящее время приобрела системный характер» [3, с. 20–21]. Такой подход, без всякого сомнения, должен способствовать формированию эмоционально-волевой устойчивости курсантов высших учебных заведений, поскольку активизирует не только образовательный, но и мотивационный и коммуникативный потенциалы будущих офицеров.

Важно отметить, что образовательная среда военного вуза имеет свою специфику, которая заключается в уставной дисциплине, армейском укладе жизни, режиме секретности и закрытости места дислокации. Кроме того, дидактические и воспитательные цели в образовательном процессе военных институтов превалируют над развивающими при наличии жесткого контроля деятельности со стороны командования [6, с. 633]. Следовательно, следующим методологическим подходом, положенным в основу нашего исследования по формированию эмоционально-волевой устойчивости курсантов военного вуза, будет являться средовой подход.

Способы и принципы воздействия возможностей среды на личностное развитие обучающихся и, соответственно, обучающихся на среду раскрываются через средовой подход. Создание среды, способствующей проявлению и дальнейшему развитию активности и готовности курсантов к ее осуществлению, реализуется через педагогическую деятельность, предполагающую разработку соответствующих методов и средств осуществления данного процесса с целью формирования эмоционально-волевой устойчивости будущих офицеров.

Основой эмоционально-волевой устойчивости военнослужащего являются нравственные качества личности. Согласно Основам организации воспитательной работы в военно-учебных заведениях Министерства обороны Российской Федерации [5] главными задачами воспитания являются формирование и развитие у курсантов (слушателей) таких ценностей, как любовь к Отечеству, верность воинскому долгу, дис-

циплинированность, офицерская честь, мужество и нравственная чистота.

Оптимизация волевой подготовки будущих офицеров должна осуществляться организационно-управленческими мерами, в основе которых лежит научный и системный характер. Успешность решений боевых задач российскими военнослужащими во время проведения боевых действий еще раз подтверждает вывод военно-психологической науки об их прямой зависимости от волевых качеств офицеров: смелости, решительности и самообладания, особенно в тактическом звене.

Содержательно-организационный компонент модели состоит из составляющих эмоционально-волевой устойчивости, этапов, направлений и средств ее формирования.

Основными направлениями деятельности педагога по формированию эмоционально-волевой устойчивости у обучающихся военного вуза в рамках содержательного компонента модели являются:

1. Обучение курсантов когнитивной составляющей эмоционально-волевой устойчивости, включающей систему психолого-педагогических знаний о сущности и критериях оценки эмоционально-волевой устойчивости, а также ее значимости для эффективной работы в условиях военной профессиональной деятельности.

2. Формирование у курсантов мотивационной составляющей, предполагающей создание положительной мотивации к развитию эмоционально-волевой устойчивости, а также стимулирование развития ценностных ориентаций, ведущих к осмыслению и перестройке собственных ценностей, позиции в сфере профессионального общения и морального совершенствования.

3. Реализация практической составляющей процесса формирования эмоционально-волевой устойчивости курсантов.

4. Синхронизация воспитательных влияний субъектов образовательного процесса.

К основным условиям эффективности формирования эмоционально-волевой устойчивости относятся:

– целенаправленное развитие и ежегодный мониторинг у курсантов военного вуза ценностных ориентаций, мотивационной сферы и социально-психологического климата в коллективе и учебных группах;

– насыщение образовательной среды военного вуза целевыми программами и методическими разработками по профессионально-психологической подготовке

курсантов, различными тренингами эмоционально-волевой саморегуляции, авторскими методиками подготовки и проведения учебных занятий по формированию структурно-функциональных компонентов эмоционально-волевой устойчивости в учебном процессе, предъявление курсантам психологических ситуаций-образцов для эмоционально-волевых упражнений и др.;

– включение в педагогический процесс различных отделов профессиональной и учебной деятельности: службы психологического и медицинского обеспечения, отдела воспитательной работы и др.

Среди основных этапов формирования эмоционально-волевой устойчивости курсантов целесообразно выделить следующие:

1) аналитико-диагностический;

2) этап осознания ценностей и целей формирования эмоционально-волевой устойчивости курсантов;

3) практическая деятельность по формированию эмоционально-волевой устойчивости курсантов;

4) аналитико-коррекционный.

В задачи педагога на аналитико-диагностическом этапе формирования эмоционально-волевой устойчивости курсантов входят:

– пилотажное исследование;

– сбор, обработка и анализ информации;

– диагностика уровня сформированности и развития эмоционально-волевой устойчивости курсантов;

– прогноз развития эмоционально-волевой устойчивости курсантов [3].

На аналитико-диагностическом этапе формирования эмоционально-волевой устойчивости следует привлекать к работе специалистов-психологов, которые считают необходимым количественный и качественный анализ каждого явления и факта при выборе диагностических методов исследования. При диагностировании уровня сформированности эмоционально-волевой устойчивости курсантов рекомендуется использовать следующие методики:

1. Диагностика уровня личной готовности к риску (RSK Шуберта).

2. Опросник «Уровень субъективного контроля» Джулиана Роттера.

3. Методика «Ценностные ориентации» (М. Рокич).

4. Методика комплексной визуальной диагностики волевых типов.

5. Опросник для самооценки настойчивости (Е. П. Ильин и Е. К. Фещенко).

6. Методика «Использование метода наблюдения для оценки волевых качеств» (А. И. Высоцкий).

7. Экспертная оценка.

8. Само- и взаимооценка курсантами уровня сформированности эмоционально-волевой устойчивости.

На этапе осознания ценностей и целей формирования эмоционально-волевой устойчивости первоочередная задача педагога состоит в формировании у курсантов базовых знаний о феномене эмоционально-волевой устойчивости, системе эмоциональных характеристик личности, а также ознакомление с системой волевых качеств офицера. С целью актуализации способности курсантов к оценке эмоционального напряжения преподавателям рекомендуется проведение информационно-воспитательных мероприятий и осуществление социально-правовой подготовки курсантов. В задачи курсантов входит овладение базовыми знаниями о эмоционально-волевой устойчивости, а также рефлексия по поводу эмоционального состояния и волевых качеств собственной личности, их осмысление и окончательное усвоение первичных знаний. На данном этапе проводится коррекция восприятия ценностных ориентаций курсантами.

На этапе практической деятельности по формированию эмоционально-волевой устойчивости педагогами организуется тренировка умения проявлять эмоционально-волевую устойчивость и сопровождение деятельности по индивидуальному и групповому осмыслению важности эмоционально-волевой устойчивости личности. Курсан-

ты демонстрируют навык индивидуального и группового анализа и осмысления сущности понятий «ценностные ориентации», «эмоциональные характеристики», «волевые качества» и др.

На аналитико-коррекционном этапе преподаватели осуществляют контроль теоретических и операционных знаний о феномене эмоционально-волевой устойчивости, а также стимулируют дальнейшее развитие данного качества. Проводится мониторинг сформированности эмоционально-волевой устойчивости с последующим рефлексивным анализом результатов и процессов с целью корректировки полученных результатов.

Аналитико-рефлексивный компонент модели представляет собой анализ и рефлексивную деятельность по формированию эмоционально-волевой устойчивости курсантов, а также обобщение результатов мониторинга сформированности эмоционально-волевой устойчивости.

Педагогическая деятельность по формированию эмоционально-волевой устойчивости курсантов в рамках предложенной модели осуществляется военными педагогами в лице курсовых офицеров, командиров учебных групп, преподавателей-предметников и других специалистов в пределах их должностных полномочий. Заместитель командира по работе с личным составом осуществляет сопровождение процессов формирования эмоционально-волевой устойчивости у обучающихся военного вуза, несет ответственность за качество воспитательной работы и подготовленность военных педагогов к осуществлению воспитательной работы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Аболин, Л. М.** Психологические механизмы эмоциональной устойчивости человека / Л. М. Аболин. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1987. – 264 с.
2. **Брушлинский, А. В.** Субъект: мышление, учение, воображение / А. В. Брушлинский. – Москва : МПСИ ; Воронеж : МОДЭК, 2008. – 406 с. – ISBN 978-5-9770-0364-3.
3. **Гущина, Т. Н.** Педагогические основания развития субъектности старшеклассников в системе дополнительного образования : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора педагогических наук / Гущина Татьяна Николаевна. – Москва, 2013. – 44 с.
4. **Милерян, Е. А.** Психологический отбор летчиков / Е. А. Милерян. – Киев : [б. и.], 1966. – 234 с.
5. Основы организации воспитательной работы в военно-учебных заведениях Министерства обороны Российской Федерации : указание статс-секретаря – заместителя министра обороны Российской Федерации от 22.09.2008 № 172/1/6423. – Москва : МО РФ, 2008. – 118 с.
6. **Петровская, М. В.** Образовательная среда военного вуза как пространство развития психологической культуры преподавателя / М. В. Петровская // *Фундаментальные исследования*. – 2013. – № 1 – Ч. 3. – С. 632-635.
7. **Писаренко, В. М.** Устойчивость эмоционального состояния спортсмена в условиях соревнований / В. М. Писаренко // *Пути достижения трудной цели в спорте : материалы по теории и методике психологической подготовки для тренеров и спортсменов / под общей редакцией В. А. Алаторцева, Л. В. Юрасова*. – Москва : Физкультура и спорт, 1964. – С. 51–68.
8. **Платонов, К. К.** Краткий словарь системы психологических понятий / К. К. Платонов. – Москва : Высшая школа, 1984. – 227 с.

REFERENCES

1. Abolin L. M. *Psichologicheskie mekhanizmy emocional'noj ustojchivosti cheloveka* [Psychological mechanisms of human emotional stability]. Kazan, 1987. 264 p. (In Russ.).

2. Brushlinskij A. V. *Sub»ekt: myshlenie, uchenie, voobrazhenie* [Subject: thinking, teaching, imagination]. Moscow, Voronezh, 2008. 406 p. (In Russ.).
3. Gushchina T. N. *Pedagogicheskie osnovaniya razvitiya sub»ektnosti starsheklassnikov v sisteme dopolnitel'nogo obrazovaniya. Avtoref. diss. dokt. ped. nauk* [Pedagogical grounds for the development of subjectivity of high school students in the system of additional education. Author's abstract of the diss. Dsc. in Pedagogy]. Moscow, 2013. 44 p. (In Russ.).
4. Mileryan E. A. *Psihologicheskij otbor letchikov* [Psychological selection of pilots]. Kiev, 1966. 234 p. (In Russ.).
5. *Ukazanie stats-sekretarya – zamestitelya ministra oborony Rossijskoj Federacii «Osnovy organizacii vospitatel'noj raboty v voenno-uchebnyh zavedeniyah Ministerstva oborony Rossijskoj Federacii» ot 22.09.2008 № 172/1/6423* [Direction of the State Secretary – Deputy Minister of Defense of the Russian Federation «Fundamentals of the organization of educational work in military schools of the Ministry of Defense of the Russian Federation» from 22.09.2008 no. 172/1/6423]. Moscow, 2008. 118 p. (In Russ.).
6. Petrovskaya M. V. *Obrazovatel'naya sreda voennogo vuza kak prostranstvo razvitiya psihologicheskoy kul'tury prepodavatelya* [The educational environment of a military university as a space for the development of the psychological culture of a teacher]. *Fundamental'nye issledovaniya – Basic research*, 2013, no. 1, part 3, pp. 632–635. (In Russ.).
7. Pisarenko V. M. *Ustojchivost' emocional'nogo sostoyaniya sportsmena v usloviyah sorevnovanij* [The stability of the emotional state of an athlete in a competition]. *Puti dostizheniya trudnoj celi v sporte* [Ways to achieve a difficult goal in sports]. Moscow, 1964, pp. 51–68. (In Russ.).
8. Platonov K. K. *Kratkij slovar' sistemy psihologicheskikh ponyatij* [Brief Dictionary of the System of Psychological Concepts]. Moscow, 1984. 227 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTORS

ВЛАДЛЕН РУДОЛЬФОВИЧ КИСЛОВ – заместитель начальника Ярославского высшего военного училища противовоздушной обороны по военно-политической работе, г. Ярославль, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8178-3964>, e-mail: kislov.vladlen@yandex.ru

VLADLEN R. KISLOV – Deputy Head of the Yaroslavl Higher Military Institute of the Air Defense of the Ministry of Defense of the Russian Federation for Military-Political Work, Yaroslavl, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8178-3964>, e-mail: kislov.vladlen@yandex.ru

DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-2-293-297

УДК 378.6

Информационно-цифровая среда образовательной организации как фактор эффективности подготовки офицерских кадров

В. А. АВДУЛОВ

Военный учебно-научный центр военно-воздушных сил Военно-воздушной академии им. профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина, г. Воронеж, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7879-9834>, e-mail: avdulov-83@mail.ru

Д. В. КОРОВИН

Военный учебно-научный центр военно-воздушных сил Военно-воздушной академии им. профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина, г. Воронеж, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5185-540X>, e-mail: dima.korovin.91@inbox.ru

Реферат. Актуальность проблемы обоснована ориентацией ведомственных образовательных организаций на совершенствование научно-педагогического, учебно-методического, организационного обеспечения системы образования в формате поиска инновационных форм, методов и средств, обеспечивающих ее модернизацию. В статье рассматриваются теоретические аспекты феномена среды, ее типов, информационно-цифровой среды как фактора эффективной подготовки офицерских кадров.

Авторы дают определение понятия информационно-цифровой образовательной среды, которая, по их утверждению, позволяет не только результативно обеспечить реализацию образовательных программ, но и достичь положительных результатов в формировании профессиональной компетентности и развитии личности будущего офицера. Отмечается положительный эффект использования цифровых технологий в образовательном процессе, проводится сравнение с традиционными образовательными ресурсами, рассматриваются определенные трудности, обусловленные спецификой военной службы.

Показано, что современный образовательный процесс сложно представить без цифровых технологий, что актуализирует представленное исследование в формате поиска возможностей цифровизации процесса обучения будущих офицеров, в том числе путем создания информационно-цифровой среды.

Ключевые слова: военная образовательная организация высшего образования; образовательная среда; информационно-цифровая среда; цифровые технологии; система подготовки офицерских кадров.

13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образования

Для цитирования: Авдулов В. А., Коровин Д. В. Информационно-цифровая среда образовательной организации как фактор эффективности подготовки офицерских кадров. *Пенитенциарная наука*. 2020; 14(2):293–297. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-2-293-297.

Digital information environment of educational organization as effectiveness factor of officer training

V. A. AVDULOV

the Military Educational and Scientific Centre of the Air Force N. E. Zhukovsky and Y. A. Gagarin Air Force Academy (Voronezh) the Ministry of Defense of the Russian Federation, Voronezh, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7879-9834>, e-mail: avdulov-83@mail.ru

D. V. KOROVIN

the Military Educational and Scientific Centre of the Air Force N. E. Zhukovsky and Y. A. Gagarin Air Force Academy (Voronezh) the Ministry of Defense of the Russian Federation, Voronezh, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5185-540X>, e-mail: dima.korovin.91@inbox.ru

Abstract: The relevance of the problem is justified by orientation of departmental educational organizations to improve scientific, pedagogical, educational, methodological, organizational support of the education system in the format of the search for innovative forms, methods and tools to ensure its modernization. The article discusses the theoretical aspects of the phenomenon of the environment, its types, information-digital environment as a factor in the effective training of officer personnel.

The authors give a definition of the concept of information-digital educational environment, which, according to their statement, allows not only to effectively implement educational programs, but also to achieve positive results in the formation of professional competence and personality development of the future officer. The positive effect of using digital technologies in the educational process is noted, a comparison is made with traditional educational resources, and certain difficulties due to the specifics of military service are examined.

It is shown that the modern educational process is difficult to imagine without digital technologies, which actualizes the presented study in the format of searching for digitalization opportunities for the training future officers, including by creating an information-digital environment.

Key words: military educational organization of higher education; educational environment; digital information environment; digital technology; officer training system.

13.00.01 – General pedagogy, history of pedagogy and education

For citation: Avdulov V. A., Korovin D. V. Digital information environment of educational organization as effectiveness factor of officer training. *Penitenciarная наука = Penitentiary Science*. 2020; 14(2):293–297. (In Russ.). DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-2-293-297.

В указе Президента Российской Федерации от 07.05.018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» в числе одного из приоритетных

направлений развития страны обозначена модернизация образования.

В ст. 20 Федерального закона Российской Федерации от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»

указано, что инновационная деятельность в сфере образования осуществляется в целях обеспечения модернизации и развития системы образования с учетом основных направлений социально-экономического развития Российской Федерации, реализации приоритетных направлений государственной политики Российской Федерации в сфере образования.

Нормативно-правовое регулирование создания инновационного образовательного пространства потребовало кардинальных изменений в системе высшего образования, которая должна способствовать обеспечению конкурентоспособности российского образования.

В послании Президента Федеральному Собранию от 15.01.2020 в числе приоритетных направлений долгосрочного развития страны выделено обеспечение высокого уровня благосостояния населения. Среди возможных способов достижения поставленной цели наряду с экономическими инновациями могут стать интеграционные процессы в системе высшего образования, направленные на вхождение России в единое информационное и образовательное пространство.

Динамично развивающееся информационное общество требует от системы образования подготовки компетентного специалиста, всесторонне развитого, готового к успешной деятельности в выбранной профессиональной сфере.

Высокое качество и доступность образования всех видов и уровней достигается в том числе с помощью создания в образовательной организации информационно-цифровой среды.

Сегодня информатизация – распространенное явление, значительно влияющее на общественную инфраструктуру [3].

В документах ЮНЕСКО информатизация – это «развитие и широкомасштабное применение методов и средств сбора, хранения и распространения информации, обеспечивающей систематизацию имеющихся и формирование новых знаний и их использование обществом для текущего управления и дальнейшего совершенствования и развития» [2, с. 26].

Внедрение информационных и цифровых технологий в образовательный процесс позволяет трактовать образовательную среду как информационно-цифровую образовательную среду.

В педагогике средовый подход к исследованию вопросов образования приобретает

актуальность (Н. М. Борытко, И. А. Зимняя, Ю. С. Мануйлов, В. А. Ясвин и др.). Все большее значение отводится «искусственной среде обитания личности (развитие современной техники и технологий, информационно-техническая среда, которая создается современными инфокоммуникациями), хотя сегодня характер и степень такого воздействия изучены недостаточно» [1, с. 150].

Среда определяется как организованные психолого-педагогические условия формирования и развития личности, возможности включения ее в социальное и пространственно-предметное окружение, а также фактор образования, обеспечивающий педагогические условия опыта взаимодействия с внешним миром и внутренней средой их развития [3, с. 106].

В информационно-цифровом контексте среда образовательной организации – это совокупность условий, создающих единое информационно-цифровое пространство, направленное на эффективную подготовку специалиста, его самореализацию, в котором обучающийся выступает как субъект данного пространства.

Феномен среды не потерял своей актуальности и по-прежнему является объектом внимания ученых. Сегодня особое внимание уделяется исследованию различных аспектов виртуальной (Н. Ю. Королева, Е. Г. Митина, Н. И. Рыжова и др.), инновационной (В. И. Беляев, О. Г. Беляев, Д. А. Корнилов и др.), информационно-образовательной (А. А. Андреев, И. Г. Захарова, В. А. Стародубцев и др.) сред.

Рассматриваемые типы образовательной среды не являются догматическими, они взаимно обогащают друг друга, обеспечивая эффективную подготовку будущих специалистов.

Являясь неотъемлемой частью системы высшего образования России, военное образование характеризуется рядом специфических особенностей.

Так, обучение в военной образовательной организации, в отличие от традиционного университетского, проходит одновременно с военной службой. Абитуриент дополнительно подвергается профессионально-психологическому отбору с целью оценки профессионально значимых для военной службы качеств, оценки физической подготовки, годности к военной службе по медицинским показателям.

Курсант, поступивший в военную образовательную организацию высшего образования, проходит обучение в условиях несения

военной службы в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Повседневная деятельность курсантов строго регламентирована, начиная с утреннего подъема, учебного процесса и заканчивая вечерней поверкой перед сном. Будущие офицеры овладевают профессиональными компетенциями в избранной области, знаниями, умениями и навыками военной службы (несение службы в суточном наряде, в составе караульной и гарнизонной служб и др.), организаторскими и командными навыками, приобщаются к корпоративной культуре, изучают лучшие традиции и обычаи русского офицерства.

Наличие информационно-цифровой среды позволяет эффективнее решать задачи образовательного процесса, создает условия не только для реализации учебных программ, но и для достижения планируемых личностных результатов обучения.

Информатизация образовательной среды в системе военного образования реализуется на основе «Концепции развития информационных и телекоммуникационных технологий Вооруженных Сил на период до 2020 года» и «Требований к информационно-образовательной среде военной образовательной организации Министерства обороны Российской Федерации».

Цифровая образовательная среда рассматривается как совокупность информационных систем, обеспечивающих различные задачи образовательного процесса.

В военных организациях она имеет определенную специфику, обусловленную характером военной службы, в первую очередь соблюдением режима секретности в получении и передаче информации.

Несмотря на ограниченный доступ к образовательным ресурсам и информации в связи с режимом секретности информационно-цифровая образовательная среда расширяет рамки образовательной организации, предоставляя больше возможно-

стей в построении индивидуальной образовательной траектории. С учетом того что на первых курсах обучения курсанты находятся на казарменном положении и у них ограничен выход за пределы образовательной организации, это значительно облегчает им доступ к необходимой информации.

Однако стоит отметить, что отсутствие психолого-педагогической теории цифровизации обучения негативно влияет на результаты обучения курсантов: формируется «клиповое» мышление, смешение понятий «знание» и «информация», ослабляется воспитательная функция обучения, снижается речевая культура, возникают проблемы с коммуникацией в режиме контактного взаимодействия и др.

Наличие цифровой образовательной среды позволяет профессорско-преподавательскому составу больше времени уделять научно-исследовательской и методической работе, осуществлять мониторинг успеваемости обучающихся, отслеживать динамику индивидуальной траектории их развития, расширять ресурсное и информационно-методическое обеспечение образовательного процесса в целом.

Создание информационно-цифровой образовательной среды в военных образовательных организациях позволяет обеспечивать дистанционное взаимодействие с другими военными и гражданскими образовательными организациями, учреждениями культуры, науки, спорта и др.

В заключение отметим, что современные тенденции общественного развития и модернизация образования требуют создания цифровой образовательной среды в военных организациях высшего образования, которую следует рассматривать как систему эффективного и комфортного предоставления информационных и коммуникационных услуг, повышающих эффективность образовательного процесса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ковтуненко, Л. В. Концепция ресоциализации несовершеннолетних осужденных в педагогической среде воспитательной колонии : диссертация на соискание ученой степени доктора педагогических наук / Ковтуненко Любовь Васильевна. – Воронеж, 2018. – 430 с.
2. Пятибратов, А. П. Вычислительные сети и телекоммуникации : учебник / А. П. Пятибратов, Л. П. Гудыно, А. А. Кириченко. – Москва : Финансы и статистика, 1998. – 398 с. – ISBN 5-279-01804-X.
3. Ракитов, А. И. Философия компьютерной революции / А. И. Ракитов. – Москва : Политиздат, 1991. – 287 с. – ISBN 5-250-01308-2.

REFERENCES

1. Kovtunenکو L. V. *Koncepciya resocializacii nesovershennoletnih osuzhdennyh v pedagogicheskoy srede vospitatel'noj kolonii. Diss. dokt. ped. nauk* [The concept of resocialization of juvenile prisoners in the pedagogical environment of the educational colony. Diss. Dsc. in Pedagogy]. Voronezh, 2018. 430 p. (In Russ.).
2. Pyatibratov A. P., Gudyno L. P., Kirichenko A. A. *Vychislitel'nye seti i telekommunikacii* [Computing networks and telecommunications]. Moscow, 1998. 398 p. (In Russ.).
3. Rakitov A. I. *Filosofiya komp'yuternoj revolyucii* [Philosophy of Computer Revolution]. Moscow, 1991. 287 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTORS

ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ АВДУЛОВ – преподаватель Военного учебно-научного центра военно-воздушных сил Военно-воздушной академии им. профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина, г. Воронеж, Российская Федерация. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7879-9834>, e-mail: avdulov-83@mail.ru

ДМИТРИЙ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ КОРОВИН – адъюнкт Военно-воздушной академии им. профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина, г. Воронеж, Российская Федерация. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5185-540X>, e-mail: dima.korovin.91@inbox.ru

VLADIMIR A. AVDULOV – Lecturer of the Military Educational and Scientific Centre of the Air Force N. E. Zhukovsky and Y. A. Gagarin Air Force Academy (Voronezh) the Ministry of Defense of the Russian Federation, Voronezh, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7879-9834>, e-mail: avdulov-83@mail.ru

DMITRIJ V. KOROVIN – Post Graduate of the Military Educational and Scientific Centre of the Air Force N. E. Zhukovsky and Y. A. Gagarin Air Force Academy (Voronezh) the Ministry of Defense of the Russian Federation, Voronezh, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5185-540X>, e-mail: dima.korovin.91@inbox.ru